

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:*

09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.

*Принимаются статьи
по научным специальностям:*

09.00.01 Онтология и теория познания
09.00.11 Социальная философия
09.00.03 История философии
09.00.13 Философская антропология,
философия культуры
19.00.01 Общая психология, психология
личности, история психологии
22.00.04 Социальная структура, социальные
институты и процессы
22.00.08 Социология управления
22.00.01 Теория, методология и история
социологии.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несеверя* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

- Комплексные исследования трудовых, управленческих и коммуникативных практик (редакторская колонка) 495 Integrated research of labor, management and communicative practices (editorial)

ФИЛОСОФИЯ

- Проблема концептуализации феномена практики в контексте трансдисциплинарных стратегий постнеклассической науки 496 The problem of conceptualizing the phenomenon of practice in the context of transdisciplinary strategies of post-non-classical science
Динабург С.Р.
Svetlana R. Dinaburg
- «Право отключиться» как ответ на экспансию труда в нерабочее время: кто им воспользуется 508 «The right to disconnect» as a response to the expansion of work during non-working hours: who will use it
Пак Г.С., Хусяинов Т.М.
Galina S. Pak, Timur M. Khusyainov
- Влияние моральных презумпций капиталистического гештальта на современные коммуникативные практики 517 Influence of moral presumptions of capitalist gestalt on the modern communicative practices
Хлебникова О.В.
Olga V. Khlebnikova
- Феноменологическое конструирование интерсубъективного жизненного мира воинской службы в контексте концепции фоновых практик 532 Phenomenological designing of intersubjective lifeworld of military service in the context of background practices
Панасенко Ю.А.
Yuriy A. Panasenko

ПСИХОЛОГИЯ

- Взаимосвязь копинг-стратегий, локуса контроля и мотивации достижения у руководителей 541 Correlation of cope-strategies, locus of control and motivation of achievement at managers
Кроповницкий О.В.
Oleg V. Kropovnitsky
- Характеристики саморегуляции деятельности как факторы прокрастинации 550 Self-regulation's characteristics of activity as factors of procrastination
Руднова Н.А.
Natalya A. Rudnova
- Комплексный подход в изучении производительности труда: актуальное состояние и перспективы исследования 562 An integrated approach to examine of labour productivity: actual state and perspectives of research
Пищальников Д.В., Ныркова Ю.Л., Руднова Н.А., Сокрута Л.В., Внутских А.Ю.
Dmitry V. Pishchalnikov, Yulia L. Nyrkova, Natalya A. Rudnova, Lidiya V. Sokruta, Alexander Yu. Vnutskikh

СОЦИОЛОГИЯ

Социальный капитал работников российских промышленных предприятий как ресурс модернизационного развития <i>Германов И.А., Маркова Ю.С.</i>	573	The social capital of workers of Russian industrial enterprises as a resource of modernization development <i>Igor A. Germanov, Yulia S. Markova</i>
Управленческие практики по укреплению межнационального согласия на региональном уровне (на примере Пермского края) <i>Хачатрян Л.А., Коробкина Е.М.</i>	583	Management practices for strengthening of inter-national consent at the regional level (on the example of the Perm Krai) <i>Ludmila A. Khachatryan, Ekaterina M. Korobkina</i>
Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) <i>Захарченко А.А., Пить В.В.</i>	594	Regional features of commuting labor migration in the Ural Federal District (on example of the pilot research) <i>Anna A. Zakharchenko, Victor V. Pit</i>
Социальные риски включения международных трудовых мигрантов в принимающее сообщество <i>Лузянина Е.Г., Бородкина О.И.</i>	604	Social risks of including international labour migrants in the host community <i>Ekaterina G. Luzyanina, Olga I. Borodkina</i>
Наши рецензенты	613	Our reviewers
Информация для авторов	615	Guidelines for English-speaking authors

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВЫХ,
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК
(РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА)**

**INTEGRATED RESEARCH OF LABOR, MANAGEMENT
AND COMMUNICATIVE PRACTICES (EDITORIAL)**

Научный журнал «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» представляет читателям тематический выпуск, посвященный комплексному исследованию практик.

Очевидно, что у каждой науки и у каждой теории — свой способ концептуализации этого понятия. Например, практика в концепции К. Маркса «звучит» иначе, нежели в психоанализе З. Фрейда, а в концепции дискурсивных практик М. Фуко — иначе, чем в концепциях коммуникации Ю. Хабермаса, Н. Лумана, или в акторно-сетевой концепции Б. Латура. Вместе с тем, практика безусловно относится к числу базовых категорий *большинства* социальных и гуманитарных наук: философии, антропологии, социологии, психологии, политологии, лингвистики и других. Уникальность же практики как явления состоит в том, что в ней всегда *неразрывно связаны «слово и дело»*. И именно поэтому многие современные ученые не без основания рассматривают представления о практиках как «территорию», на которой возможны новые методологические синтезы, способные дать импульс оригинальным трансдисциплинарным исследованиям.

Проблема однако состоит в том, что в наши дни использование понятия практики носит универсальный, но одновременно крайне неопределенный характер, нередко ассоциирует-

ся с любыми жизненными проявлениями. Задачу синтеза универсального содержания вариантов практической деятельности, укорененных в культуре и имеющих конкретно-историческое значение, каждый из авторов тематического выпуска журнала решает по-своему. Однако все они, на наш взгляд понимают необходимость осуществления этого синтеза на основе принципов трансдисциплинарности, составляющих основу постнеклассического типа научной рациональности.

Мы хотели бы продолжить опыт подготовки тематических выпусков журнала в наступающем 2019 году — и планируем, что по крайней мере один из них (выпуск 3) будет посвящен *комплексным исследованиям труда*.

В заключении хотелось бы, пользуясь случаем, поблагодарить всех авторов, рецензентов, членов редакционной коллегии, друзей нашего журнала и, конечно, его читателей! Именно благодаря вам, благодаря вашей заинтересованности в 2018 году усиливались позиции журнала в национальном индексе научного цитирования, совершенствовался сайт и осуществлялось продвижение журнала в социальных сетях. Пусть наступающий 2019 год будет успешным и удачным для всех и каждого из вас!

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-496-507

**ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ПРАКТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ СТРАТЕГИЙ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ***Динабург Светлана Роальдовна**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Сложность выявления устойчивого содержания понятия «практики» обусловлена многообразием его применения в различных областях социально-гуманитарного знания в условиях изменяющегося мира. Подходы к определению понятия «практики», основанные на принципах классической научной рациональности, трактовали этот феномен в рамках определенных концепций. С позиции современного плюрализма классические понятия практики выражали свое специфическое содержание в локальных границах и отражали лишь некоторые стороны практической деятельности человека в динамике социальных отношений. Философские концепции и социальные теории, объясняющие природу практики, долгое время оставались дисциплинарно изолированными де-факто, не раскрывая своего потенциала. Современное использование понятия «практики» носит универсальный, но крайне неопределенный характер и фактически ассоциируется с любыми жизненными проявлениями. Задача обнаружения смысловых расхождений и попыток синтеза универсальных содержаний практической деятельности, укорененных в культуре и имеющих конкретно-историческое значение, решается на основе принципов трансдисциплинарного подхода. Этот подход ориентирован на интеграцию средств, выработанных различными дисциплинарными областями, и коммуникативные стратегии, ориентированные на выработку общих решений в ситуации конфликта интересов и разногласий. В этой связи рассмотрены возможности исследовательского стиля, получившего название «теория практик», базирующегося на представлениях (развивающих концепцию Л. Витгенштейна) о фоновом характере практик, и раскрывающем их потенциал (обоснованном М. Хайдеггером). Принцип проблематизации (по М. Фуко) ситуации многообразия определения практик для выявления общих вопросов показан в связи с коммуникативными стратегиями в постнеклассических практиках. Практико-ориентированный подход позволяет понять практики как социальные структуры, связывающие субъектные позиции практикующего и исследователя. Показана взаимная связь практик и возможность их коммуникации в самоорганизующемся становлении на примере феноменов философской практики и психотерапии в едином социальном пространстве.

Ключевые слова: практики, теория практик, повседневность, раскрывающий характер практик, фоновые практики, трансдисциплинарность.

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING THE PHENOMENON OF PRACTICE IN THE CONTEXT OF TRANSDISCIPLINARY STRATEGIES OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Svetlana R. Dinaburg

Perm National Research Polytechnic University

The difficulty of identifying the sustainable content of the concept of practice is due to the diversity of its application in various areas of social knowledge and the humanities in a changing world. Approaches to the definition of the notion of practice based on the principles of classical scientific rationality interpreted this phenomenon within the framework of certain concepts. From the standpoint of modern pluralism, classical concepts of practice expressed their specific content within local boundaries and presented only a few aspects of practical human activity in the dynamics of social relations. Philosophical concepts and social theories explaining the nature of practice have long remained disciplinarily isolated de facto, not revealing their potential. The modern use of the concept of practice is universal but highly uncertain, and in fact it is associated with any life activity. The task of detecting semantic differences and attempts to synthesize universal contents of practical activities rooted in culture and having a specific historical significance is carried out based on the principles of the transdisciplinary approach. This approach is focused both on the integration of tools developed by various disciplinary areas and communication strategies aimed at developing common solutions in situations of conflict of interests and disagreement. In this regard, the possibilities of the research style called the «theory of practices», based on the ideas (developing the concept of L. Wittgenstein) of the background nature of the practices and the potential revealing those (justified by M. Heidegger), are considered. The principle of problematization (according to M. Foucault) of the diversity of the definition of practices for identifying common issues is shown in connection with communication strategies in post-non-classical practices. The practice-oriented approach allows us to perceive the practices as social structures which link subjective positions of the practitioner and the researcher. The interconnection of practices and the possibility of their communication in a self-organizing development are shown through the example of phenomena in philosophical practice and psychotherapy in integral social space.

Keywords: practices, theory of practices, everyday life, revealing the nature of practices, background practices, transdisciplinarity.

Введение

Анализируя актуальное состояние вопроса, приходится признать, что содержание «практического поворота» в современной философии, характеризующейся через приставку пост- (постнеклассической, постметафизической, постфеноменологической и пр.), сегодня определено гораздо яснее, чем собственно содержание понятия «практики» — философски обоснованное в соответствии со сложившимся положением вещей. Можно сказать, что данность «практического поворота» и способы его «практикования» опережают концептуализацию — в словарях мы найдем локальные трактовки «практики» (как аристотелевский праксис или марксистский «критерий истины»), тогда как гуманитарные исследования широко используют понятие «практики» для описания жизни как таковой — всего, что есть «человеческого в че-

ловеке» [Божков О.Б., 2014, с. 144]. Термин «практика» (а точнее — «практики») становится способом указания на «все, что мы делаем» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 15]. При признании культурной природы наших действий и неизбежности вовлечения в отношения власти любая практика является социальной, коммуникативной и управленческой.

Возможности трансдисциплинарного подхода в рамках постнеклассической традиции для анализа сложных и динамичных явлений современного мира уже исследовались в работах Л.П. Киященко, В.И. Аршиновой, Е.Н. Князевой, Л. Богатой. В частности, отмечалось, что современная постнеклассика представляет собой полидисциплинарное пространство, концептуальные конструкты (такие как типы научной рациональности) которого и вместе с соответствующими методами сопря-

гаются с основными тематическими линиями философии трансдисциплинарности. Эти общие темы касаются, прежде всего, характеристик современного субъекта, «нетоталитарных подходов к пониманию целостности», онтологии «множества различных единств» и «практик сонастройки философа с универсумом» [Богатая Л., 2015].

Область проявления и исследования (в их нерастойчивости) феномена «практики» представляет собой «множество различных единств», где позиция субъекта — практика и исследователя — предполагает особую *чуткость к бытию*. Трансдисциплинарность, как современная форма взаимодействия между различными областями знания, уже достаточно широко освещена в литературе. Можно конкретизировать принципы этого подхода при анализе феномена «практики»: 1) стремление к ясности конкретных решений, которые определяются конкретными индивидуальными ситуациями; 2) движение за пределы дисциплины в понимании проблемной ситуации; 3) сосредоточение внимания на предметной позиции человека и поиске этического содержания; 4) партнерское взаимодействие, основанное на диалоге и коммуникации.

Проблема непрерывности и зазоров в пространстве практик

Междисциплинарные исследования практик используют сегодня комплекс знаний и опыта: философскую методологию, теорию и философов как смысложизненный поиск, социальные, культурологические и психологические доктрины, этнометодологические и феноменологические исследования. Те из них, что проводятся на основе принципов постнеклассической научной рациональности (и культивирующие, в отличие от классики, особую познавательную ценность, определяемую их социальной значимостью), предполагают решение задач «в гетерогенных (с точки зрения научной специализации) сообществах», которые «выступают как коллективный субъект познания» [Степин В.С., 2012, с. 11]. Однако это порождает новые проблемы, поскольку сообщество как «коллективный субъект» не обладает трансцендентальным единством интерпретации и является субъектом лишь метафорически (выступая здесь как *квазисубъект*) [Гутнер Г.Б., 2005,

с. 89]. А гетерогенность исследовательского сообщества означает, что в области смежных интересов его члены фактически покидают экспертную позицию и оказываются в роли профанов, «обычных людей». Принцип инкорпорирования форм обыденного знания, учет «профанных» интересов (т.н. «всех заинтересованных сторон») является фундаментальным требованием трансдисциплинарности, однако с точки зрения реализации он наименее разработан и вызывает массу вопросов, поскольку предполагает опору на уже сложившиеся, подерживающие указанные принципы социальные практики и институты. Слабым местом и негативной стороной такого рода несовпадений являются профанированные, «ориентированные на потребителя», версии практик [Борисов Е. и др., 2008, с. 6]. Заметим, что практиками при этом они быть не перестают и могут носить массовый и даже тотальный характер. В своем предельном выражении они становятся практиками потребления и присвоения, вне зависимости от типа, характера и принадлежности к той или иной сфере деятельности. При сохранении других признаков практики ее агент (человек-потребитель) может быть представлен как «функция присвоения», как «машина желаний, ризоматически включенная в машинности иных порядков» [Хлебникова О.В., 2017, с. 3–4].

Ответом на эту ситуацию являются другие практики, поскольку их многообразие по определению обеспечивает целостность реальности (в этом смысле утверждение «практики — все, что мы делаем» является продуктивным). Или, при другом взгляде, обеспечивается непрерывностью культуры, поскольку «практика (практики) — один из важных элементов (или механизмов) формирования, трансформации и функционирования культуры» [Божков О.Б., 2014, с. 144].

Тогда дискурсивная, рефлексивная практика отрезвляет, раскрывая нам существо практик потребления как «актов состыковки производящих и желающих машин», бесконечного «процесса производства и воспроизводства стремления человека-потребителя проживать собственное становление через циклическое манипулирование бессмысленными (в субстанциональном отношении) продуктами других производств» [Хлебникова О.В., 2017, с. 3–4]. Культурные формы таких практик — от обли-

чения до карнавализации — представляют символическую функцию зеркала, давая возможность деавтоматизировать механистичность происходящего и в той или иной мере восстановить «выпадение из бытия».

Практика «воли к истине», «интеллектуального поиска» открывает новые обоснования, для нее любые готовые решения и формы, почерпнутые из культурного наследия, являются «соглашательскими полумерами», поскольку сфера практики в этом случае понимается обыденно и некритически, как «приложение фундаментального знания». Если в этом ключе говорить о практике философии, то «сфера практического не только расширяется далеко за границы традиционных областей этики и политики (охватывая неявное знание, личностное самобытие, социальные практики, языковую коммуникацию и др.), но и понимается как первичная относительно теоретической установки философии» [Борисов Е. и др., 2008, с. 5–6]. В нетривиальном смысле настоящая философская практика — это не жизненные наставления, адресованные «обычному человеку», и не «региональная» («периферийная») философская субдисциплина. Есть основания считать, что это именно «полная» философия, с переосмысленным фундаментальным ядром. Поэтому и от «обычного человека» такая практика ждет коррекции своего понимания на основе философской концептуализации [Борисов Е. и др., 2008, с. 5–6].

Наиболее радикальной остается марксистская философия практики, которая проявляет себя в социуме всегда чем-то «неудобным, политически некорректным и крайне раздражающим». Это надо понимать как в смысле оппозиции «текстам для университетского чтения», «замкнутому кругу вопросов и ответов», «автономным дисциплинам» и «метафизическим уделам», так и в отношении ее поисков «коллективного социального и политического субъекта, который мог бы реализовать ее мечты, проекты и программы освобождения» [Колан Н., 2012]. Здесь «соглашательскими полумерами», как мы понимаем, являются любые интеллектуальные усилия и поиски, избегающие политической борьбы и участия в социальных конфликтах, поскольку практики потребления, отчуждения и эксплуатации можно

низвергнуть только вместе с капиталистическим господством.

Попытки выявления существа практик

Как было сказано выше, в современной ситуации *практика практик* опережает их актуальную дефиницию и концептуализацию. Термин *теория практик*, постепенно входящий в обиход гуманитарных исследований, не должен вводить в заблуждение — это не теория в ее методологическом значении, а концепт, предложенный социологом П. Бурдьё, ставший названием исследовательского стиля и далее развиваемый и продвигаемый в широкой гуманитарной аудитории одноименной монографией В. Волкова, О. Хархордина. Эта работа представляет созвездие независимых концепций (Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, М. Полани, А. Маркинтайра, Б. Латура и др.), переданных не путем изложения «аналитических эскерсисов», а на примерах, показывающих, как в разных подходах практикуют саму теорию практик. Предваряющие введения (их два) вводят в круг основных принципов и поясняют, что «теория практик сама есть определенный тип практик или сгусток различных практик», и она «не объясняет, а интерпретирует», «не дает нам знание причинно-следственных связей, а дает новое видение ситуации» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 33].

Соответственно, подготовленный читатель на основе этого изложения выделяет актуальные аспекты, характеризующие, на его взгляд, содержание понятия практик. Так, А.А. Дьяков выделяет три основных компонента, в совокупности определяющие практику: 1) регулярность определенных действий; 2) разделение данного регулярно воспроизводимого способа действия неким сообществом (коммуникативно-коммуникационный аспект жизнедеятельности общества); 3) наличие смыслового основания, «ядра» практик, объясняющего тот способ, которым проявляются и «закрепляются» социальные практики [Дьяков А.А., 2011, с. 8–9]. О.Б. Божков обращает внимание на трактовку практик как «искусства решения практических задач в ситуации неопределенности», далее интерпретируя их как «способ адаптации к изменившимся условиям, или способ преобразования самих условий жизни» [Божков О.Б., 2014, с. 145]. Этот угол

зрения на практику как на «производство новизны» позволяет отграничить ее от монотонной, рутинной «повседневности» (люди повседневность не «делают», а в ней живут), что находит свое подтверждение в языке. «Практикующими», как замечает автор, мы назовем представителей профессий, имеющих дело с уникальными случаями, а «практические занятия» имеют дело с новыми задачами с целью выработки навыка, который, став рутинной, снимает необходимость такой практики [Божков О.Б., 2014, с. 145].

Однако эта вполне линейная логика входит в противоречие с тем, что в теории практик акцентируется как *фоновый*, одновременно *раскрывающий* характер практик, а необходимость иметь дело с повседневной рутинной является методологическим *условием* их реализации. Практики принципиально «несокрыты», что делает чрезвычайно трудным их наблюдение, анализ и понимание. Это требует особого исследовательского взгляда — отстранения от привычного и ординарного видения в практике *удивления* и *подсматривания* («пристальный взгляд» и «отстранение» у М. Фуко), подкрепленного методиками синхронного и диахронного анализа (изменением наблюдательной позиции, соответственно, в социальном пространстве или времени, благодаря чему изменение контекстного фона проявит наблюдаемое явление). При этом полученное знание имеет род «озарения или неожиданного усмотрения, а не то, которое дается научным объяснением» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 44]. А поскольку некоторая часть культурной ситуации динамически уходит с переднего плана в фон при изменении фокуса внимания, то формализованное и объективизированное знание может дать представление (довольно банальное) лишь о некотором слое практики, но не отразит ее особенности функционирования именно как фонового, ординарного и «несокрытого» феномена.

Это традиционное, линейное мышление бессильно отразить то, что социальные практики *раскрывают несокрытое* без участия мистики, а следование обычной логике научного исследования приводит к тривиальным результатам. Тезис теории практик о том, что сами практики «конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные

способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 22], следует понимать двояко. Как «различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства)», они раскрывают субъекту практики «возможность состояться в том или ином социальном качестве», т.е. наглядно показать через средства деятельности необходимые навыки и идентичности, что значит быть кем-то социально определенным. С другой стороны, раскрывающий характер практик обращен к субъекту познания. Это проявляется «как способность исследовательского мышления улавливать за внешним проявлением социальной активности, выраженной в конкретной практике, глубинные смыслополагающие и смыслоположенные процессы, определяющие специфику развития и функционирования конкретного общества в целом на данном историческом этапе и на фоне конкретной культуры» [Дьяков А.А., 2011, с. 9].

«Теория практик» является лишь одной из попыток концептуализации, междисциплинарного подхода и выработки парадигмальных оснований гуманитарных исследований практик. Необходимо отметить еще два исследования, характеризующих, на наш взгляд, методологические векторы при определении сущности практик.

Первая часть работы «Социальные практики и взаимодействия: концептуализация понятий» [Петров А.В., 2005]: в ней приводится систематизированный обзор социальных теорий действия, т.е. концептуальных объяснений того, что именно побуждает людей быть активными и какова природа их действий в качестве основы практики. Если кратко, то эти обоснования исторически строились в русле двух направлений, маркированных полюсами «детерминизма» и «волюнтаризма» — довольно автономных в рамках классической рациональности, однако сегодня их последовательный и непротиворечивый синтез призван представлять более реалистичную и целостную картину практики. Вторая часть упомянутого исследования с необходимостью и затрагивает попытки преодоления противостояния «объективизма» и «субъективизма», предпринятые, как показано, в философской практике марк-

сизма (конкретно — Г. Лукача, Л. Альтюссера), а также в исследовательском стиле «теории практик», начиная с П. Бурдьё. Состояние баланса, достигнутое на этом поле «примирения и взаимной инкорпорации», можно считать условным, поскольку предложенные решения не нашли своего воплощения и сошли со сцены либо до последнего времени не были методологически подкреплены настолько, чтобы прорвать цепь критики. Так, лишь сравнительно недавно в эпистемологических исследованиях, отвечающих вызову сложности и динамизма современного познания, были пересмотрены оценки синкретизма и эклектизма научного исследования. Эти «методологические грехи» в традиционном понимании предстают, как пишет Л.А. Микешина, «как необходимые этапы и формы не только подготовительного процесса в развитии любого знания, но и его дальнейшего развития и обогащения», кроме того, через «синкретизм и эклектику смыслов и коммуникаций» может достигаться трансцендентальность в гуманитарном знании [Микешина Л.А., 2014, с. 74]. В этой связи интересно отметить, что проблема консенсуса «объективизма» и «субъективизма» при понимании природы человеческих действий была актуальна не только в высоко-теоретических дискуссиях, но и органично сопровождала практики «профанного», повседневного мира. Песня А. Макаревича «Разговор в поезде», где стороны спорят о том, «машинисты» мы или «пассажиры» своей жизни, передает содержание реальной дискуссии, подслушанной в электричке, т.е. наблюдения именно из той исследовательской позиции, которая раскрывает фоновые практики [Макаревич А.В., 2005, с. 307]. А улавливание, как было сказано выше, за этой рутинной социальной активностью («вагонные споры — обычное дело») глубинного смыслоположения позволило создать не только популярную песню на уровне «философской притчи», но и практику ее исполнения как социального высказывания. Что касается содержания спора, то, как известно, на тот момент «каждый пошел своей дорогой, а поезд пошел своей».

Коллективная монография «Постнеклассические практики: опыт концептуализации» является плодом многолетнего междисциплинарного обмена, разворачивающегося вокруг

базового понятия «постнеклассическая наука», однако, как отмечается, «концентрация внимания прежде всего на “постнеклассических практиках” оказалась продуктивной» [Астафьева О.Н., 2012, с. 502]. Первоочередная и непосредственная задача этого проекта заключается в «определении постнеклассических практик как концепта междисциплинарных исследований» [Астафьева О.Н., 2012, с. 502]. Однако понимая всю проблематичность выявления базового содержания самого понятия «практика» на основе сложившихся представлений о «практиках» как таковых в самых разных областях социального и гуманитарного знания, авторы поставили задачу предваряющего «анализа и выявления эвристических идей из этого многообразия». Для нашего исследования представляет особый интерес то, каким образом здесь предполагается подойти к решению поставленной задачи, поскольку очевидно, что предшествующие попытки теоретического анализа и синтеза на основе классической и неклассической методологии не дали удовлетворяющих результатов.

Во-первых, авторы полагаются на ресурс такой дискурсивной практики, как проблематизация (по М. Фуко), а именно они полагают своей целью «найти то, что делает возможным преобразование когнитивных затруднений в общую проблему, предложив разные методологические решения». В данном случае *найти*, обнаружить означает не только выявление и выражение определенных познавательных «препятствий», но и разработку условий, когда возникают возможные ответы. Следование методу М. Фуко (в его понимании практик, согласующихся с ядром постнеклассической рациональности) выражено здесь в том, что «познание постнеклассических практик — это не только теоретический вопрос, а осознание не-что большего, являющегося частью нашего опыта, реализуемого в современной социокультурной ситуации». Например, в этом качестве выступает рецепция «исторического осознания ситуации и понимания типа реальности, с какой мы имеем дело» [Астафьева О.Н., 2012, с. 503], как феноменов, заметим, находящихся на виду, «несокрыто», однако требующих особого взгляда. Выдвинутые авторами положения — преобразование затруднений в общую проблему и обращение к своему куль-

турно-историческому фону — мы могли бы назвать имплицитной коммуникативностью предлагаемого пути поиска концепта практик.

Во-вторых, коммуникативная стратегия заявлена здесь также в явной форме. Потенциал междисциплинарной научной дискуссии позволяет, по мысли авторов, «совершить своего рода “вскрытие” смысловых расхождений в употребляемых трактовках понятия “практик”» (и тем самым «сократить» множественность трактовок) либо, напротив, «найти основания для синтеза в бесконечном многообразии познавательных практик, характерных для разных областей социально-гуманитарного знания». Открытая коммуникативность также заключается в согласовании разных позиций в процессе критического диалога между различными теоретическими концептами. При этом подчеркивается, что критичность в этой практике диалога полагается не столько в традиции принципа фальсификации по К. Попперу, сколько нацелена на достижение *соразмерности* в духе Н. Рорти: как «возможность попадания под одно и то же множество правил, указывающих нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт» [Астафьева О.Н., 2012, с. 504].

К сожалению, мы не можем оценить в полной мере заявленные идеи и их эвристический потенциал, поскольку полный текст этой коллективной монографии пока не обнаруживается в открытом доступе. Однако мы можем проиллюстрировать высказанные идеи случаем коммуникации двух практик, близким к практикам, рассматриваемым в представленной монографии. Этот случай мы представляем со значительной долей сопоставимости, но с некоторыми различиями. Так, в научной дискуссии, представленной коллективной монографией, происходила встреча исследовательских позиций (авторов и публикаций), посвященных трансформации психологических практик [Волик О.Ю., 2012] и практик «заботы о себе» (исследованных М. Фуко как «искусство жить», в значительной степени в диалоге с П. Адо и его концепцией философии как образа жизни) [Гребенщикова Е.Г., 2012]. В представляемом нами анализе практики встречаются как взаимодействующие феномены, представители которых (практикующие иссле-

дователи) также вовлечены в общую научную и профессиональную (междисциплинарную дискуссию). Это, соответственно, психотерапия (как вид психологической практики) и движение философской практики (которое видит свои истоки в упомянутых практиках «заботы о себе» и философии как образе жизни).

Философская практика и психотерапия: коммуникация практик

Движение философов-практиков было организовано в 1980-х гг. на основе близкой к концепции П. Адо философии как образе жизни. В этом движении выделилось несколько направлений, одним из которых стало философское консультирование обычных людей в решении их повседневных проблем, поэтому философская практика в своих задачах и формах работы стала очень близка к психотерапии. В свою очередь, психотерапия в своем развитии двигалась от медицинского и психологического понимания человеческих проблем лишь как болезней и расстройств к экзистенциальному и духовному содержанию. Таким образом, психотерапия, приблизилась к философии по своим задачам и методам. Тем не менее вопрос о различении философской практики и психотерапии сразу же приобрел актуальность.

Теоретическое значение этого различия обосновывает возможность существования и развития одного из направлений философской практики как деятельности, адекватной современной культуре. С этой целью М. Чейз поднимает насущный вопрос: по-прежнему ли практика философии, описанная П. Адо, состоящая из серии духовных упражнений, подходит для нас сегодня? Иными словами, являются ли эти идеи, придуманные древними философами в совершенно иной среде, по-прежнему актуальными для жизни на рубеже третьего тысячелетия? [Chase M., 2007]. Сами философы-практики в своем большинстве изначально полагали, что они предлагают не только нечто актуальное, но даже лучшее, чем психотерапия [Amig L., 2004]. С другой стороны, они осознавали, что философская практика в значительной степени обоснована стремлением практиков придать философии новое значение и преодолеть ее кризис. Желание философов быть вовлеченными в искусство жизни, а не в современную философию (которая

многим из них представлялась как «структурированный технический жаргон, зарезервированный для элиты внутри освященных стен Академии», когда «профессора философии отказались от больших вопросов» [Chase M., 2007]), во многих случаях было первичным, а эффективность собственно консультирования была под вопросом.

Поэтому с практической стороны не менее важно было зафиксировать различие между философской практикой и психотерапией как профессий в области психического здоровья. Социальная институализация практик регламентирует вопросы квалификации, правил и ограничений, оценки и контроля со стороны социальных структур и власти. Но эти конкретные и насущные проблемы по обоснованию и демаркации «территорий» решаются не столько на основе идей, опыта и интенций практиков, сколько благодаря методам, которые уже сложились в социальной практике, а только затем корректируются волей субъектов деятельности в соответствии с теорией.

Коммуникативная стратегия была конкретизирована тем, что поиск различий между этими областями практики как таковыми в недостижимом объективированном смысле полагался не столь ценным, как само взаимодействие между ними и поиск адекватной исследовательской позиции, обеспечивающей естественное проявление различий и сходств на основе достигнутой соразмерности (попадания в общие правила).

В этом длительном процессе можно выявить три этапа взаимоотношений между философской практикой и психотерапией (или три основные позиции), каждый из которых характеризуется особым пониманием природы различий внутри самих практик.

Первый этап или положение можно назвать «столкновением», на котором было вскрыто много противоречий. С одной стороны, ситуация общего пространства и конфликта интересов создала условия для конкуренции и столкновений. Философская практика утверждала себя через критику слабых сторон и ограничений психотерапии и часто основывала свои выводы на недостаточном понимании последней или на устаревших представлениях. В свою очередь, психотерапевты считали философов слишком умозрительными, чтобы обес-

печить безопасную и эффективную помощь в конкретных случаях, особенно для лиц с психическими расстройствами. Это противоречие, как правило, создавало барьер между сторонами, когда обсуждался вопрос о том, кто имеет право на практику. С другой стороны, теоретическая позиция предполагала, что можно четко описать различия в обеих практиках, раскрыв ряд из нескольких незаменимых элементов (включая различия в просмотре проблемных ситуаций, целей, методов и ролей) [Lizeng Zh., 2013]. В частности, утверждалось, что философская практика основывается на «эпистемологическом обосновании» и в большей степени учитывает свободную волю субъекта, тогда как психотерапия, основанная на «причинном обосновании» и эмпирических данных, ограничивается психическими проблемами человеческого бытия. Однако именно анализ реального положения дел позволил признать, что такое разграничение всеобщего характера было несостоятельным. Обобщая богатый практический опыт, Л. Амир приводит нас к выводу, что трудно (если вообще возможно) провести четкую границу между этими практиками, поэтому психотерапевты и философы должны «научиться мириться с ситуацией», в которой они взаимозависимы и должны помогать друг другу [Amir L., 2004].

Таким образом, второй этап или положение во взаимоотношениях двух практик можно назвать «сотрудничеством», когда стороны ценят возможность учиться друг у друга ради общей миссии. И если до этого философская консультация рассматривалась как альтернатива психотерапии, то на этом этапе основное внимание уделяется «просто хорошей терапии», независимо от происхождения и вклада сторон.

Наконец, третий этап заключается в том, что, поддерживая отношения сотрудничества, философская практика стремится к своей собственной идентичности и пытается сохранить свою подлинность. Это означает, что задача философии как такого рода практики состоит в том, чтобы сохранить свой особый статус открытой рефлексии и идеалы свободных исследований вне нормативных рамок. Философия как образ жизни должна быть близка к повседневности, но не растворяться в ней [Tolboll M., 2014]. И поскольку принцип пара-

докса, неопределенность человеческого существования и независимость от соображений обыденной пользы являются фундаментальными философскими ценностями, такое признание своей особенности побуждает практиков в этой области искать новые оригинальные форматы работы, не зависящие от психотерапевтических традиций. Помимо этого, открытость и стремление к трансцендентальному содержанию в философии позволяет пересекать культурные и нормативные границы, что создает возможность для новой формы междисциплинарного синтеза.

Можно заметить, что в этой коммуникации практик обе раскрывали себя одна на фоне другой, когда обыденные, рутинные способы реализации действий становились заметны для исследователей именно благодаря инаковости другой стороны.

Обсуждение результатов

Как представляется, «практический поворот» в современном философском мышлении можно рассматривать как способ конституирования практики, ее определения именно практически-ми средствами («практики — это не что, а как» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 42]). И один из путей был инициирован П. Адо в концепции философии как образа жизни — такой практики, которая по отношению к дискурсу находится в отношении несоизмеримости и нераздельности [Гаджикурбанова Г.А., 2009, с. 29]. Несοизмеримость заключается в том, что философская жизнь фундаментальна и ее суть — экзистенциальный выбор образа бытия, опыт определенных состояний (например, платонический опыт любви, аристотелевская интуиция простых субстанций, стоический опыт согласия с самим собой и Природы, платиновский опыт единения с Богом) — все это «невозможно до конца постичь и выразить средствами философского дискурса» [Гаджикурбанова Г.А., 2009, с. 29]. При этом дискурс неотъемлем как средство раскрытия и обоснования образа жизни, как составная часть «духовных упражнений». Тем самым практикующий должен готовить себя воспринять истину, а не производить ее исключительно с помощью формальных логических операций. Кроме того, философская жизнь должна происходить в живом общении и диалоге, когда обсуждение проблем важнее их

решения, а готовность жить осмысленной жизнью важнее правильной доктрины. Таким образом, «дискурс на службе действия» формировал практику, которую вернее можно было показать, описать, ухватить — «раскрыть», чем концептуализировать и тем более свести к правилам и дефинициям. Что же касается концептуализации, то не в последнюю очередь дискурс реализовывал здесь критическую традицию. В частности, П. Адо утверждал, что современная «философия профессоров и политиков» является лишь тенью прежней славы древней философии [Chase M., 2007]. Она отступила от изначальных идеалов и стала схоластической в двух смыслах — отходом от требования рациональной жизни к рациональным, чисто теоретическим занятиям и академической изоляцией от запросов и проблем обычных людей вместо этического служения.

Можно констатировать, что эта граница между «теорией» (т.е. устоявшимися академическими, дискурсивными практиками) и сферой реальной жизни служит местом встречи и разногласий, концептуальных столкновений и этических коллизий. Прежде всего, практика как обозначение всей нашей реальной жизни «всегда конкретна и противостоит абстрагирующей (и абстрактной) науке», и в этом смысле она может быть слепа (недостаточно рефлексивна) и удручающе обыденна, однако она «всегда права, тогда как наука может ошибаться, заблуждаться и т.п.» [Божков О.Б., 2014, с. 144]. Поэтому к своему логическому завершению и оформлению в философии науки пришла идея о том, что сфера знания представляет собой вполне самодостаточный мир, собственную реальность (в концепциях постпозитивизма, «финализации науки» как лишь эпистемологического проекта и др.). И тогда «практический поворот» — это не только поворот в системе ценностей и дань внимания насущным, практическим вопросам и жизни в целом, не только собственно «поворот», но также — движение, исход познания из области прежних отношений с «практикой», пересечение границ, трансценденция с элементами трансгрессии. Под трансгрессией мы здесь подразумеваем многообразие феноменов, «находящихся в состоянии взаимодействия и коммуникации и не поддающихся сведению к единому, всеобщему и фундаменталь-

ному основанию» [Фаритов В.Т., 2016, с. 13]. Предполагается, что это «только один из режимов бытия, не имеющий онтологического преимущества перед другими (в том числе и перед трансценденцией)», и при этом мы осознаем, что обнаружить некую трансгрессивную, еще не ассимилированную, нейтральную господствующим дискурсом неупорядоченность не так-то просто, это было бы предметом отдельного исследования. Однако здесь важно подчеркнуть ту мысль, что в исследовании темы практик происходит такое сближение разнородного содержания (философского и научного, дискурсивного и недискурсивного), когда трансгрессия неизбежно возникает как моменты несовпадения и прерывности, что может далее реализоваться в амбивалентных событиях: как озарения и точки роста, но также как дезорганизация и барьеры понимания.

Заключение

Трансдисциплинарный подход при исследовании многообразия практик, на наш взгляд, обосновывает уже выдвинутый тезис о том, что современный субъект (конституируемый практиками и воспроизводящий практики) «находится в непрерывных поисках себя, это субъект, “ищущий себя самого”». Дальнейшее исследование темы практик, на взгляд автора статьи, связано с пониманием того, каким образом предельно общее, абстрактное знание, предлагаемое философией, и знание о трансцендентном, получаемое в более широкой духовно-экзистенциальной традиции, можно использовать в практике повседневности, сопряженной так или иначе с этими «поисками себя самого».

Список литературы

Астафьева О.Н. Постнеклассические практики как предметная область междисциплинарного проекта // Постнеклассические практики: опыт концептуализации : коллективная монография / под общ. ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. СПб.: Мирь, 2012. С. 500–506.

Богатая Л. Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции // Філософія освіти (Философия образования). 2015. № 1. С. 168–182.

Божков О.Б. Повседневность и практики: к уточнению понятий // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 133–154.

Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 212 с.

Волик О.Ю. Возможные черты постнеклассичности в психологических практиках // Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография / под общ. ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. СПб.: Мирь, 2012. С. 383–392.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во. Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» и «Забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 27–42.

Гребенщикова Е.Г. Трансформации практик «заботы о себе» в социокультурном контексте // Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография / общ. ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. СПб.: Мирь, 2012. С. 354–363.

Гутнер Г.Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 82–108.

Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 1. С. 8–12.

Коан Н. Философия практики сегодня // Скепсис. 2012. URL: https://sceptis.net/library/id_3792.html (дата обращения: 15.09.2018).

Макаревич А.В. Место, где свет. М.: Эксмо-Пресс, 2005. 480 с.

Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1(39). С. 60–78.

Петров А.В. Социальные практики и взаимодействия: концептуализация понятий // Общество и право. 2005. № 4(10). С. 38–50.

Степин В.С. От теоретического знания — к постнеклассическим практикам // Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография / общ. ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. СПб.: Мирь, 2012. С. 8–12.

Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. ... д-ра филос. наук. Ульяновск, 2016. 318 с.

Хлебникова О.В. Потребление как гештальт // *Философия и культура*. 2017. № 9. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.

Amir L. Three Questionable Assumptions of Philosophical Counseling // *International Journal of Philosophical Practice*. 2004. Vol. 2(1). P. 9–18. URL: <http://new.npcassoc.org/docs/ijpp/lydiaamir.pdf> (accessed: 15.09.2018).

Chase M. Observations on Pierre Hadot's conception of Philosophy as a Way of Life // *Practical Philosophy. The British Journal of Philosophical Practice*. 2007. Vol. 8. P. 5–17.

Lizeng Zh. Distinguishing Philosophical Counseling from Psychotherapy // *Philosophical Practice*. 2013. Vol. 8(1). P. 1121–1126.

Tolboll M. Philosophical counseling as an alternative to psychotherapy. 2014. URL: http://ia801400.us.archive.org/30/items/Counseling_201401/Counseling.pdf (accessed: 15.09.2018).

Получено 24.10.2018

References

Amir, L. (2004). Three Questionable Assumptions of Philosophical Counseling. *International Journal of Philosophical Practice*. Vol. 2(1), pp. 9–18. Available at: <http://new.npcassoc.org/docs/ijpp/lydiaamir.pdf> (accessed 15.09.2018).

Astaf'eva, O.N. (2012). *Postneklassicheskie praktiki kak predmetnaya oblast mezhdisciplinarnogo proekta* [Post-non-classical practices as a subject area of an interdisciplinary project]. *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. V.I. Arshinova, O.N. Astaf'evoy* [Post-non-classical practices: the experience of conceptualization: a collective monograph, ed. by V.I. Arshinov, O.N. Astafyeva]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 500–506.

Bogataya, L. (2015). *Transdistsiplinarnost: postneklassicheskiy rakurs retseptsii* [Transdisciplinarity: Post-non-Classical Point of View]. *Filosofiya osviti* [Philosophy of Education]. No. 1, pp. 168–182.

Bozhkov, O.B. (2014). *Povsednevnyy i praktiki: k utochneniyu ponyatiy* [Daily life and practices: to clarify concepts]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4, pp. 133–154.

Borisov, E., Inishev, I. and Furs, V. (2008). *Prakticheskiy povorot v postmetafizicheskoy filosofii* [Practical turn in post-metaphysical philosophy]. Vol. 1. Vil'nyus: EHU Publ., 212 p.

Chase, M. (2007). Observations on Pierre Hadot's conception of Philosophy as a Way of Life.

Practical Philosophy. The British Journal of Philosophical Practice. Vol. 8, pp. 5–17.

D'yakov, A.A. (2011). *Teoriya praktik: sotsialno-filosofskiy potentsial kontseptsii* [The theory of practices: the socio-philosophical potential of the concept]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. No. 1, pp. 8–12.

Faritov, V.T. (2016). *Transgressiya i transtsendentsiya kak ontologicheskie perspektivy diskursa: dis. ... d-ra filos. nauk* [Transgression and Transcendence as Ontological Perspectives of Discourse: dissertation]. Ulyanovsk, 318 p.

Gadzhikurbanova, P.A. (2009). «*Dukhovnye uprazhneniya*» i «*Zabota o sebe*» (stoicheskaya etika v interpretatsii P. Ado i M. Fuko) [«Spiritual Exercises» and «Taking Care of Yourself» (Stoic ethics as interpreted by P. Ado and M. Foucault)]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought]. No. 9, pp. 27–42.

Grebenshikova, E.G. (2012). *Transformatsii praktik «zaboty o sebe» v sotsiokulturnom kontekste* [Transformations of the practice of «taking care of oneself» in a sociocultural context]. *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. V.I. Arshinova, O.N. Astaf'evoy* [Post-non-classical practices: the experience of conceptualization: a collective monograph, ed. by V.I. Arshinov, O.N. Astafyeva]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 354–363.

Gutner, G.B. (2005). *Kommunikativnoe soobshchestvo i sub`ekt komunikativnogo deystviya* [Communicative community and the subject of communicative action]. *Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov*. [Philosophy of Science. Iss. 11: The ethos of science at the turn of the century]. Moscow: Institute of philosophy RAS Publ., pp. 82–108.

Khlebnikova, O.V. (2017). *Potreblenie kak geshtalt* [Consumption as a gestalt]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. No. 9, pp. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.

Koan, N. (2014). *Filosofiya praktiki segodnya* [Practice philosophy today]. *Skepsis* [Scepsis]. Available at: https://skepsis.net/library/id_3792.html (accessed 15.09.2018).

Lizeng, Zh. (2013). Distinguishing Philosophical Counseling from Psychotherapy. *Philosophical Practice*. Vol 8(1), pp. 1121–1126.

Makarevich, A.V. (2005). *Mesto, gde svet* [The place where is the light]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 480 p.

Mikeshina, L.A. (2014). *Eklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti nauchnogo znaniya* [Eclecticism and syncretism: on the issue of the systemic character of scientific knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. No. 1(39), pp. 60–78.

Petrov, A.V. (2005). *Sotsialnye praktiki i vzaimodeystviya: kontseptualizatsiya ponyatiy* [Social practices and interactions: conceptualization of concepts]. *Obschestvo i pravo* [Society and Law]. No. 4(10), pp. 38–50.

Stepin, V.S. (2012). *Ot teoreticheskogo znaniya — k postneklassicheskim praktikam* [From theoretical knowledge — to post-non-classical practices]. *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. V.I. Arshinova, O.N. Astaf'evoy* [Post-non-classical practices: the experience of conceptualization: a collective monograph, ed. by V.I. Arshinov, O.N. Astafyeva]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 8–12.

Tolboll, M. (2014). *Philosophical counseling as an alternative to psychotherapy*. Available at: https://ia801400.us.archive.org/30/items/Counseling_201401/Counseling.pdf (accessed 15.09.2018).

Volik, O.Yu. (2012). *Vozmozhnye cherty postneklassichnosti v psikhologicheskikh praktikakh* [Possible features of post-non-classical in psychological practices]. *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. V.I. Arshinova, O.N. Astaf'evoy* [Post-non-classical practices: the experience of conceptualization: a collective monograph, ed. by V.I. Arshinov, O.N. Astafyeva]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 383–392.

Volkov, V.V. and Harhordin, O.V. (2008). *Teoriya praktik* [The theory of practices]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 298 p.

Received 24.10.2018

Об авторе

Динабург Светлана Роальдовна
аспирант, старший преподаватель кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0654-4167>

About the author

Svetlana R. Dinaburg
Ph.D. Student, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0654-4167>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Динабург С.Р. Проблема концептуализации феномена практики в контексте трансдисциплинарных стратегий постнеклассической науки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 496–507. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-496-507

For citation:

Dinaburg S.R. The problem of conceptualizing the phenomenon of practice in the context of transdisciplinary strategies of post-non-classical science // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 496–507. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-496-507

УДК 122

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-508-516

«ПРАВО ОТКЛЮЧИТЬСЯ» КАК ОТВЕТ НА ЭКСПАНСИЮ ТРУДА В НЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ: КТО ИМ ВОСПОЛЬЗУЕТСЯ*

Пак Галина Станиславовна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Хусяинов Тимур Маратович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде

В условиях развития Всемирной паутины, современных информационно-коммуникативных технологий профессиональная деятельность проникла в нерабочее время и частную жизнь работника. Привлекает внимание современный тренд в зарубежном трудовом законодательстве — защита «права отключиться». Право дает работнику возможность не отвечать на сообщения и звонки, связанные с его трудовой деятельностью во вне рабочее время. Подобные нормы существуют во Франции и Германии, формируются в США. Но в условиях современного «Общества риска» далеко не каждый человек имеет возможность воспользоваться своим «правом отключиться», он вынужден соглашаться на любые условия, включаясь в прекаритет. Серьезным является и то, что далеко не каждый сотрудник сам готов отказаться от «подключения», так как по разным причинам стремится продолжить работу вне рабочего времени. Мотивация зависит от того, какой смысл вкладывает индивид в свой поступок. В современной России «право отключиться» авторы анализируют в контексте распространенных смысловых стратегий. Занятость характеризуется сегодня чаще всего как атипичная, прекарная, нестабильная. В этих условиях стремление человека к самосовершенствованию, заложенное эпохой модерна, в «турбулентные времена» оборачиваются для индивида постоянным движением, состоянием «между». Проведенное исследование показывает, что для транзитного индивида и приверженца морали успеха «право отключиться» не вписывается в их жизненные стратегии. О «праве отключиться» мечтает «варвар», для которого труд — принудительная обязанность. Для творческих личностей «право отключиться» является необходимым условием их креативного бытия. От соотношения «варваров» и «творцов» зависит будущее человечества.

Ключевые слова: вне рабочее время, рабочее время, право отключиться, информатизация трудовых отношений, практическая философия, транзитная этика, мораль успеха, творчество.

«THE RIGHT TO DISCONNECT» AS A RESPONSE TO THE EXPANSION OF WORK DURING NON-WORKING HOURS: WHO WILL USE IT

Galina S. Pak

Lobachevsky State University of Niznij Novgorod

Timur M. Khusyainov

National Research University Higher School of Economics in Nizhny Novgorod

In the conditions of the world wide web, modern information and communication technologies, professional activity has penetrated into the non-working hours and the private life of an employee. The modern trend of protection of the «Right to disconnect» in foreign labor legislation attracts attention of modern

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335 «Козволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

researchers. The right gives an employee an opportunity not to respond to messages and calls related to work during his non-working hours. Similar rules exist in France and Germany and are being formed in the United States. However, the modern «Risk Society» leaves its imprint, and not every person has the opportunity to use his «Right to disconnect», being forced to agree to any conditions, including precariat. Concerning is the fact that not every employee is ready to refuse from the «Connection», because he wants to continue working during non-working hours for various reasons. Motivation depends on what sense an individual implies in his actions. In modern Russia, the «right to disconnect» is analyzed in the context of life purpose strategies. Employment is characterized today as atypical, premature, unstable. In these conditions, a person's intention of self-improvement, laid down by the era of modernity, during «the turbulent times» turns into constant movement, a state «in between». The research shows that for a transitional individual and a follower of the morality of success, the «right to disconnect» does not fit into their life strategies. A «barbarian», for whom work is an obligation, dreams of «the right to disconnect». For creative individuals, «the right to disconnect» is a necessary condition for their creative being. The future of mankind depends on the ratio of «barbarians» and «creators».

Keywords: non-working time, working hours, right to disconnect, informatization of labor relations, practical philosophy, transient ethics, morality of success, creativity.

Когда возникает потребность в «праве отключиться»

Ритм жизни современного человека значительно отличается от ритма предыдущих поколений. Человек и человечество в целом стали жить не просто быстрее, а быстрее, чем ожидали. Приходится констатировать разрыв между реальностью и ожиданиями.

Трансформация общества труда в общество занятости дало человеку право выбора между работой или отдыхом [Хусяинов Т.М., 2017]. Технический прогресс и гуманизация общества привели к становлению правовых основ трудовой деятельности — сокращение максимального количества рабочего времени, определение права на отдых и неприкосновенность частной жизни. На фоне этого развивается многообразие досуговых практик, ставших предметом многочисленных исследований.

Социальное время при одинаковом физическом измерении течет для разных культур и социальных групп по-разному. Элвин Тоффлер в своей работе «Шок будущего» отмечал, что жители планеты могут быть дифференцированы не только по национальному, расовому, религиозному принципу, но и по времени. Тоффлер выделяет группу тех, кто живет современной жизнью, как правило, в промышленно развитых странах. Это те, кто попал в ускоренный темп жизни. Они постоянно включены в этот высокоскоростной темп и чувствуют тревогу, напряжение и дискомфорт при его снижении [Тоффлер Э., 2002, с. 27–28]. Не менее красноречиво писала об этом Маргарет Мид и

предлагала выделить три типа культур: постфигуративную, кофигуративную, префигуративную. Критерием выделения культур является соотношение между тремя основными генерациями в культуре. Постфигуративная культура характеризуется циклическим временем, образцы поведения определяются старшими по возрасту — дедами. Кофигуративная культура характеризуется линейным течением времени, человек учится не только у старших по возрасту, но и у своих сверстников. Разрыв между поколениями признается, власть в кофигуративной культуре принадлежит отцам. М. Мид очерчивает контуры становящейся на глазах префигуративной культуры. М. Мид утверждает, что на место традиционно понимаемых культурных различий — классовых, политических и др. — приходят различия между поколениями. «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [Мид М., 1988, с. 342]. Образцы поведения задаются младшими по возрасту, старшие по возрасту вынуждены у них учиться. Это во многом объясняет тот факт, что изменения происходят быстрее, чем мы ожидали.

Развитие информационно-коммуникативных технологий и повышение доступности информации, скорости ее обмена сыграло решающую роль. Профессиональная деятельность практически в любой сфере уже сопряжена с использованием электронной почты, звонками или обменом мгновенными сообщениями. Именно электронная почта стала первым симптомом будущих проблем, которые принесли информационные технологии. Имея целый ряд преимуществ по скорости, доступности, широкой аудитории, т.е. способствуя повышению производительности труда, она стала, по мнению Ричарда Сэвиджа и Майкла Стонтонна, основой для «тирании», пронизывая всю корпоративную культуру [Savage R., Staunton M., 2018].

При этом мы можем отметить эволюционное развитие средств профессиональных коммуникаций внутри организации: если первоначально активно использовались телефон и факс, затем электронная почта, то теперь для этих целей активно используются различные виртуальные рабочие среды и мессенджеры, что приводит к повышению скорости прочтения подобных сообщений, с одной стороны, и постоянному их потоку, с другой. Внедрение разного рода виртуальных рабочих сред («Slack», «Мегаплан» и т.д.) связано с оптимизацией современных профессиональных процессов. Данные среды характеризуются постоянной доступностью с любого мобильного устройства, при этом и обладатель этого устройства становится доступен. Он получает уведомления о происходящих изменениях, его привлекают к обсуждениям и т.д.

Таким образом, профессиональная деятельность через современные средства коммуникации проникает в жизненный мир человека все глубже, «опутывая» его постоянными звонками, текстовыми сообщениями, уведомлениями, т.е. постоянно вовлекает в профессиональную деятельность, где бы индивид ни был и чем бы он ни занимался в текущий момент. При этом часто «работа» в лице клиентов, коллег, руководителя или партнеров переходит в пространство более личной виртуальной коммуникации, в социальные сети, личную электронную почту и т.д. По сути, происходит постоянная экспансия во вне рабочее время и это заставляет работника «быть на связи» всегда, обеспечивая его виртуальное присутствие на работе.

Данный процесс порождает рост сверхзанятости: рост рабочего времени и превышение допустимых норм. Сам человек уже находится вне офиса, часто уже дома, но продолжает выполнять рабочие задания. В этих условиях нарушаются трудовые и конституционные права на отдых и неприкосновенность частной жизни человека. Информатизация приводит к полной доступности человека в любое время.

Подобные процессы не могли не отразиться на жизни самого работника. Результатом чрезмерной включенности в профессиональную деятельность могут стать проблемы коммуникативного характера, например, в семье или трудовом коллективе, а также проблемы психологического и медицинского плана.

Проблема постоянной вовлеченности работника в профессиональную коммуникацию была поставлена в период активного внедрения информационных технологий в трудовую деятельность, в период роста экономики. Все это вызвало озабоченность со стороны государства и общества в ряде стран. С тех пор число подобных случаев значительно возросло, что привело к формированию нового понятия «право отключиться» («Right to disconnect»).

В начале 2010-х гг. в корпорациях Германии начался процесс противодействия явлению, когда работника тревожат по рабочим вопросам в нерабочее время. В Германии это процесс развивался в контексте корпоративного права. В 2011 г. концерн Volkswagen внедрил технические меры, ограничивающие отправку электронной почты и звонков на мобильные телефоны сотрудников с 18:00 до 7:00, после чего схожие схемы были реализованы в ряде других крупных немецких компаний (например, BMW, Allianz, Telekom, Bayer и Henkel) [Verhoek S., 2014].

Первый случай законодательного решения данной проблемы имел место во Франции в 2016 г. Основой для этого стал так называемый «Закон Эль-Хомри» («El Khomri law» или «Loi travail»), который внес ряд изменений во «Французский кодекс законов о труде», включая и «право отключиться» (ст. 55) [LOI n° 2016–1088]. Однако «право отключиться» вызывает критику со стороны исследователей — как закон, не защищающий права работников, а лишь ограничивающий компании [Hesselberth P., 2017].

22 марта 2018 г. в Нью-Йорке был предложен законопроект под названием «Местный закон о внесении изменений в устав города Нью-Йорка и административный кодекс города Нью-Йорка в отношении частных сотрудников, отключающихся от электронных сообщений в нерабочее время» [Private employees disconnecting..., 2018]. Законопроект призван ограничить компании, численность сотрудников которых свыше 10 человек. По этому закону они не должны требовать от работников отвечать на электронные письма и текстовые сообщения за пределами установленного рабочего дня. По предложению американских законодателей, компании, которые нарушили данные ограничения, предполагается подвергать штрафам размером от 250 долларов за единичный случай. Законодатель учел возможные исключения: чрезвычайное положение, круглосуточная или сверхурочная работа.

О рисках пользования «правом отключиться»

Речь шла о типичных работниках, которые работают по стандартному трудовому графику и бессрочным или долгосрочным контрактам. Те, кто работает по временным и срочным договорам, неформально или удаленно, занимается самостоятельной трудовой деятельностью, оказываются в более сложном положении

Современное общество, по меткой характеристике У. Бека, есть «общество риска». В условиях постоянной неопределенности, высоких темпов развития, «турбулентности времени» формируется новый вид занятости, доля стандартной все больше уступает атипичной. С одной стороны, возрастает гибкость (гибкость) условий труда — времени, места, способов выполнения, но с другой — работник лишается ряда социальных гарантий, берет на себя риски, связанные с низкой востребованностью на рынке труда, безработицей и пенсионным обеспечением, сокращается ответственность работодателя за нанимаемые трудовые ресурсы, появляется возможность расторгнуть соглашение в любой момент. Происходит прекарнизация труда и формируется новая группа работников, так называемый прекарный класс [Кастель Р., 2009; Сизова И.Л., Осипова О.С., 2016].

При постоянном риске остаться без работы, усиливающейся конкуренции, дестандартизации требований к работникам и нарастающих темпах информатизации возникает проблема пользования «правом отключиться». В то время как для одних характерна «работа по вызову», другие — должны находиться в постоянной связи с заказчиком или нанимателем. Эта сфера находится в «серой зоне»: люди не скрывают своей деятельности и уплачивают налоги, но при этом значительно усложняется регулирование трудовой деятельности со стороны государства, общественных институтов, в частности профсоюзов.

Законодательство разных стран по-разному защищает неприкосновенность частной жизни человека. Трудовой кодекс Польши и ряда других европейских стран имеет особые нормы регулирования в отношении интернет-работников, но законы о «праве отключиться» не охватывают такую категорию, как самостоятельные интернет-работники (электронные фрилансеры). Они тоже сталкиваются с подобной проблемой в своей деятельности, но их положение более сложное в силу особенностей организации интернет-труда. Наличие постоянной связи является важным условием — составной частью доверия между исполнителем и заказчиком, особенно при взаимодействии в условиях анонимности и неформальности трудовых отношений.

Переработка и сверхзанятость не только результат требований работодателя. Постоянная включенность в трудовой процесс может быть обусловлена личным стремлением сотрудника или культурными особенностями. Во многих странах западного мира постоянная включенность становится своего рода квинтэссенцией американской идеала. Упорный труд — способ постоянной восходящей социальной мобильности. Мобильность знаменует собой движение на пути к «Американской мечте» [Secunda P.M., 2018]. Японская культура характеризуется особым отношением к профессиональной деятельности. С ним связано появление большого количества сверхзанятых и феномена «Кароси» (過勞死). Он означает внезапную смерть, вызванную стрессом на профессиональном поприще [Morioka K., 2004]. Современные технические устройства создают условия для этого,

поскольку позволяют работать постоянно, даже тогда, когда офис закрыт и сотрудники отдыхают.

Порожденная информационной революцией новая информационная реальность дала серьезный толчок развитию экономики, изменила социально-трудовую структуру, существенно расширила разнообразие видов и форм трудовых отношений, привнесла много нового в условия труда, обусловила формирование новых профессий и сфер. В трудовые отношения внедряются новые коммуникативные стратегии и способы взаимодействия (поиск и подбор исполнителей онлайн, особенности неформальных соглашений о работе, сетевые структуры взаимодействия и т.д.). Развитие отраслевого законодательства позволяет ввести государственное регулирование подобных изменений и снизить часть их негативных последствий. Информационные технологии проникли настолько глубоко в жизненный мир человека, что возникает необходимость говорить о праве на отключение от Глобальной сети.

В условиях информатизации труда, неолиберальных реформ в области занятости и повышения прекарности, распространения технических средств коммуникации желание отключиться стало важной проблемой, поднимаемой на самом высоком уровне [Hesselberth P., 2017]. В результате разрабатываются нормы, ограничивающие контакты с сотрудниками по рабочим вопросам вне рабочего времени. Однако в большинстве стран нет никаких норм, освобождающих работника от электронной коммуникации по профессиональным вопросам. Стоит отметить, что далеко не каждый случай должен быть запрещен, бывают ситуации, когда работник по личным причинам (связанным с семьей или здоровьем) вынужден пропустить часть рабочего времени и наверстывает упущенное во внерабочее [Savage R., Staunton M., 2018].

Этический контекст занятости в условиях информационной реальности

Формирование информационного общества, развитие и активное внедрение коммуникативных технологий требуют развития и информационной культуры в обществе — культуры пользования информацией и технологиями, в том числе и в трудовых отношениях, и в про-

фессиональной деятельности. Речь идет об этических компонентах, связанных с уместностью и допустимостью сообщения на определенную тему и в определенное время, используя определенный канал связи. Современные достижения науки и техники требуют выработки новых этических норм, в том числе в организационном плане, так как современное право не может охватить и законодательно определить все происходящие в обществе изменения.

Звучит — красиво, кажется — правильно. Но рассмотрим проблему в контексте стратегии постулирования смысла жизни, «практического разума» нашего современника и нашего соотечественника. Практический разум является синонимом этики не только у И. Канта. «Этика, понятая как практическая философия, — не философия практики, а практика философии, т.е. не философствование по поводу практики, а сама практика в ее философской заданности» [Гусейнов А.А., 2008, с. 130].

Действие практического разума начинается с оценки поступка. Ситуация такова, что оба поступка индивида независимо от того, воспользуется ли он «правом отключиться» или нет, являются в терминологии И. Канта легальными. Этика легальных поступков, по Канту, соответствует бытию нравственности в повседневной жизни [Кант И., 1965, с. 228, 240]. Чтобы определить их моральную ценность, необходимо обратиться к исследованию мотивации поступка.

Индивид принципиально не желает пользоваться этим правом и дает моральное обоснование своему поступку. В конце прошлого века советская пресса любила описывать феномен «трудоголика» не в собственном отечестве, а за рубежом. Суть «трудоголика» журналистам представлялась как зависимость от профессиональной деятельности, где она являлась целью и смыслом индивидуального существования. Эта зависимость казалась такой же, как наркотическая или алкогольная зависимость, считалась пороком «буржуазного общества».

Сегодня в современном российском обществе занятость необходимо проанализировать в контексте транзитной этики и морали успеха.

Для начала необходимо выяснить, почему о практическом разуме нашего современника предпочтительнее говорить «в терминах транзитной, то есть постоянно движущейся, про-

цессуальной, текучей этики» [Шалагина Г.Э., 2015, с. 184].

Современный человек воспитан в идеологии саморазвития личности, с этим необходимо считаться. Эпоха модерна прошла под знаком «больше, выше, быстрее» в отношении человека. Положение о равенстве всех людей закономерно приводит к признанию всякого другого конкурентом на рынке труда при постоянной модернизации и повышении темпов роста. В философии экзистенциализма этот факт нашел отражение в рассмотрении человека в качестве незавершенного проекта, который подлежит трансформации и улучшению. «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но и такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого прорыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает» [Сартр Ж.П., 1990, с. 323]. В собственном «самостроительстве» человек исходит из установки: в современном изменчивом и подвижном мире, чтобы соответствовать ему, необходимо самому находиться в постоянном движении и изменении. «Принадлежать модерни — значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта» [Бауман З., 2005, с. 131].

Идеал индивида общества «растекающейся модерни» кратко можно охарактеризовать как совершенствование навыка «казаться, а не быть», чтобы представлять из себя привлекательный продукт, в первую очередь на рынке труда, но не только. С увеличением спроса на малых предприятиях требуется пересмотр профессионализма как ценности: необходимы не углубленные знания, а широта горизонта, транспрофессионализм [Perkin H., 1996]. Сегодня в российском обществе среди молодых людей широко распространено стремление к получению нескольких высших образований. Для повышения скорости собственных личных изменений осваивается скоротечение и тайм-менеджмент.

Если задача этики как практической философии состоит в выработке стиля и образа жизни, адекватного представлениям индивида о

смысле жизни, то «право отключиться» не соответствует жизненной стратегии транзиторного индивида, всегда находящегося в состоянии «между».

Не будет большим преувеличением сказать, что современного россиянина, особенно молодого жителя крупного города, как правило, характеризует приверженность «морали успеха». Стержнем морали успеха является «достижительный» идеал. В более ранние времена он выражал стремление стать великим или выдающимся. «В нашу эпоху амбициозность подает себя иначе — стать *успешным*» [Пилипенко А.А., 2015, с. 122]. В своей статье «Генеалогия морали успеха» А.А. Пилипенко раскрывает, чем обусловлено подобное изменение. Названием статьи автор недвусмысленно отсылает нас к Ф. Ницше. Авторские высказывания звучат весьма нелицеприятно для носителя морали успеха. Речь идет о простом, маленьком человеке, который до эпохи романтизма знал свое место, его претензии к миру были робки и скромны. Но идеи романтизма и Просвещения, низведенные до обывательского уровня, стали идеологией маленького человека, человека массы. «По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой меркой, а ощущает таким же, “как все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [Ортега-и-Гассет Х., 2007, с. 12–13]. На фроммовский вопрос «быть или иметь?», без сомнения, отвечает «иметь!». Вопрос о признании простого маленького человека, человека массы личностью или недоличностью оставим открытым. Но со всей определенностью можно утверждать, что носитель морали успеха желает быть, по возможности всегда, в состоянии онлайн. В этом он видит одну из причин своего успеха. Массовый человек не возражает против существования «права отключиться», но это не для него.

Для носителя транзиторной этики и приверженца морали успеха «право отключиться» не соответствует смысложизненной стратегии. Он воспользуется этим правом только в крайнем случае и в состоянии полной опустошенности, как главный герой С. Кинга. Роман писателя представлен фразой: «Сплошная работа и никакого веселья сделали Джека скучным парнем...», она повторяется на десятках, а может

быть, и сотнях страниц. В начале XXI в. ситуация выглядит не такой безнадежной: широкое применение антидепрессантов, преобразование физической природы человека на пути к пост-человеку... Сценарий знаком и хорошо известен. П.С. Гуревич превращение человека в киборга рассматривает в качестве третьего возможного, но не желательного, сценария развития человека [Гуревич П.С., 2009, с. 286–292]. Киборгу нет нужды в «праве отключиться».

Кто он, таинственный незнакомец, на просторах нашего отчества, для которого востребованным является «право отключиться»? На ум приходят слова А.А. Пилипенко: «...варвар — проедающий ресурс цивилизации» — на одном полюсе и творческая личность — на другом. Варвар в нашем случае тот, кто с большим удовольствием пользуется благами цивилизации, ничего не давая взамен. Чтобы лицо варвара было более знакомым, можно представить его как человека, работающего «от звонка до звонка», для которого труд принудительная обязанность, а «право отключиться» желанная возможность... С другой стороны, «право отключиться» — это потребность творческой личности, которая автономна и не терпит суесть. Пока преобладают вторые над первыми, у цивилизации есть будущее.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

Гуревич П.С. Новые темы по философской антропологии. Ч. 3: Радикальное преображение человека // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI, № 3(50). С. 278–292.

Гусейнов А.А. Прикладная этика — разве она сама не является практикой? // Ведомости НИИ ПЭ. Вып. 32: Прикладная этика: «КПД практичности» / под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. С. 124–135.

Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 1 / под общ. ред. Я.Ф. Асмуса, А.Я. Гулыги, Т.И. Ойзермана; ред. тома В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1965. 544 с.

Кастель П. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.

Мид М. Культура и мир детства / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; сост. и послесл. И.С. Кона. М.: Наука, 1988. 429 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: пер. с исп. М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 269 с.

Пилипенко А.А. Генеалогия морали успеха // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII, № 3–4(87–88). С. 122–137.

Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

Сизова И.Л., Осипова О.С. Развитие precariousности в трудовых отношениях в сфере малого и среднего бизнеса // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докл. конференции / под ред. О.Б. Божкова, С.С. Ярошенко, В.Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 192–211.

Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Хусяинов Т.М. От общества труда к обществу занятости // Философия и культура. 2017. № 7. С. 32–40. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.7.21525.

Шалагина Г.Э. Транзиторная этика в контексте духовной ситуации постсовременности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 1. С. 181–186.

Hesselberth P. Discourses on disconnectivity and the right to disconnect // *New Media & Society*. 2017. P. 1–17. DOI: 10.1177/1461444817711449.

LOI n° 2016–1088 du 8 août 2016 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels. Article 55. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2016/8/8/2016-1088/jo/article_55 (accessed: 30.04.2018).

Morioka K. Work till You Drop // *New Labor Forum*. 2004. Vol. 13, no. 1. P. 80–85.

Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L., 1996. 272 p.

Private employees disconnecting from electronic communications during non-work hours. 2018. URL: <http://legistar.council.nyc.gov/LegislationDetail.aspx?ID=3458217&GUID=8930D471-5788-4AF4-B960-54620B2535F7&Options=ID%7CText%7C&Search=disconnect> (accessed: 30.04.2018).

Savage R., Staunton M. How Employees Are Impacted // *Conquering Digital Overload* / ed. by P. Thomson, M. Johnson, J. Devlin. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 9–24. DOI: 10.1007/978-3-319-63799-0_2.

Secunda P.M. The Employee Right to Disconnect // *Notre Dame Journal of International and Comparative Law*. 2018. Vol. 8, iss. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3116158> (accessed: 30.04.2018).

Verhoek C. Anti-stress legislation in Germany — how realistic is the prospect? // *Lus Laboris*. 2014. Sep. 30. URL: <https://www.globalhrlaw.com/resources/anti-stress-legislation-in-germany--how-realistic-is-the-prospect> (accessed: 30.04.2018).

Получено 19.10.2018

References

- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obschestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos Publ., 390 p.
- Gurevich, P.S. (2009). *Novye temy po filosofskoy antropologii. Ch. 3: Radikalnoe preobrazhenie cheloveka* [New topics on philosophical anthropology. Pt. 3: Radical transformation of human]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. [Personality. Culture. Society]. Vol. XI, no. 3(50), pp. 278–292.
- Guseinov, A.A. (2008). *Prikladnaya etika — razve ona sama ne yavlyaetsya praktikoy?* [Applied ethics — is not it itself a practice?]. *Vedomosti NII PE. Vyp. 32: Prikladnaya jetika: «KPD praktichnosti»* [Vedomosti of SRI of Applied Ecology. Iss. 32: Applied ethics: «efficiency of practicality»]. Tumen: SRI of Applied Ecology Publ., pp. 124–135.
- Hesselberth, P. (2017). Discourses on disconnection and the right to disconnect. *New Media & Society*. Pp. 1–17. DOI: 10.1177/1461444817711449.
- Kant, I. (1965). *Sochineniya v 6 t. T. 4, ch. 1* [Works in 6 vols. Vol. 4, pt. 1]. Moscow: Mysl Publ., 544 p.
- Kastel, R. (2009). *Metamorfozy sotsialnogo voprosa. Khronika naemnogo truda* [Metamorphosis of the Social Question. Wage Chronicle]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 574 p.
- Khusyainov, T.M. (2017). *Ot obschestva truda k obschestvu zanyatosti* [From labor society to employment society]. *Filosofija i kultura* [Philosophy and Culture]. No. 7, pp. 32–40. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.7.21525.
- Morioka, K. (2004). Work till You Drop. *New Labor Forum*. Vol. 13, no. 1, pp. 80–85.
- LOI n° 2016–1088 du 8 août 2016 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels. Article 55. [LAW n° 2016–1088 of 8 August 2016 relating to work, the modernization of social dialogue and the securing of career paths. Article 55.]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2016/8/8/2016-1088/jo/article_55 (accessed 30.04.2018).
- Mead, M. (1988). *Kultura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka Publ., 429 p.
- Ortega y Gasset, J. (2007). *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow: AST Publ., AST Moscow Publ., Hranitel Publ., 269 p.
- Perkin, H. (1996). *The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World*. London, 272 p.
- Pilipenko, A.A. (2015). *Genealogiya morali uspekha* [Genealogy of the morals of success]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. [Personality. Culture. Society]. Vol. XVII, no. 3–4(87–88), pp. 122–137.
- Private employees disconnecting from electronic communications during non-work hours* (2018). Available at: <http://legistar.council.nyc.gov/LegislationDetail.aspx?ID=3458217&GUID=8930D471-5788-4AF4-B960-54620B2535F7&Options=ID%7CText%7C&Search=disconnect> (accessed 30.04.2018).
- Sartre, J.-P. (1990). *Ekzistentsializm — eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.
- Savage, R. and Staunton, M. (2018). How Employees Are Impacted. *Conquering Digital Overload*, ed. by P. Thomson, M. Johnson, J. Devlin. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 9–24. DOI: 10.1007/978-3-319-63799-0_2.
- Secunda, P.M. (2018). The Employee Right to Disconnect. *Notre Dame Journal of International and Comparative Law*. Vol. 8, iss. 1. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3116158> (accessed 30.04.2018).
- Shalagina, G.E. (2015). *Tranzitornaya etika v kontekste dukhovnoy situatsii postsovremennosti* [Transitional Ethics in the Context of the Spiritual Situation of Post-modernity]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 157, book 1, pp. 181–186.
- Sizova, I.L. and Osipova, O.S. (2016). *Razvitie prekarnosti v trudovykh otnosheniyakh v sfere malogo i srednego biznesa* [The growth of precariousness in labour relations in small and medium business]. *Yadovske chteniya: perspektivy sotsiologii: sb. nauch. dokl. konferentsii / pod red. O.B. Bozhkova, S.S. Yaroshenko, V.Yu. Bocharova* [Yadovsky Readings: Prospects of Sociology, a collection of scientific conference reports, ed. by O.B. Bozhkov, S.S. Yaroshenko and V.Yu. Bocharov]. St. Petersburg: Eidos Publ., pp. 192–211.

Toffler, A. (2002). *Shok buduschego* [Future shock]. Moscow: AST Publ., 557 p.

Verhoek, C. (2014). Anti-stress legislation in Germany — how realistic is the prospect? *Lus Laboris*. Sep. 30. Available at: [https://www.globalhrlaw.com/](https://www.globalhrlaw.com/resources/anti-stress-legislation-in-germany--how-realistic-is-the-prospect)

resources/anti-stress-legislation-in-germany--how-realistic-is-the-prospect (accessed 30.04.2018).

Received 19.10.2018

Об авторах

Пак Галина Станиславовна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: galinapak5@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1317-079X>

Хусяинов Тимур Маратович

преподаватель департамента социальных наук

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде,
603155, Нижний Новгород,
ул. Большая Печерская, 25/12;
e-mail: timur@husyainov.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7193-6410>

About the authors

Galina S. Pak

Doctor of Philosophy Professor,
Professor of the Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23, Gagarin avr., Nizhni Novgorod, 603950, Russia;
e-mail: galinapak5@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1317-079X>

Timur M. Khusyainov

Lecturer of the Department of Social Sciences

National Research University Higher School
of Economics in Nizhny Novgorod,
25/12, Bolshaya Pecherskaya str., Nizhni Novgorod,
603155, Russia;
e-mail: timur@husyainov.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7193-6410>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пак Г.С., Хусяинов Т.М. «Право отключиться» как ответ на экспансию труда в нерабочее время: кто им воспользуется // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 508–516. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-508-516

For citation:

Pak G.S., Khusyainov T.M. «The right to disconnect» as a response to the expansion of work during non-working hours: who will use it // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 508–516. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-508-516

УДК 122:159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-517-531

ВЛИЯНИЕ МОРАЛЬНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ГЕШТАЛЬТА НА СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Хлебникова Ольга Владимировна

Омский государственный университет путей сообщения

В статье исследуются моральные презумпции современного капиталистического гештальта в контексте их воздействия на бытование существующих коммуникативных практик. При этом значение термина «капиталистический гештальт» определяется в качестве особой совокупности базовых онтологизирующих установок современного сознания капитализма. Работа этих установок интерпретируется в русле положений постструктурализма и постмодернизма. В подобном отношении исходными основаниями рассуждения о морали выступают нелегитимность фундаментальных трансцендентных отсылок, «естественность» морального права человека, актуальность формальной, а не субстанциальной морали и сведение человечности к голой процессуальности обыденного. К важнейшим моральным презумпциям современного капиталистического гештальта можно отнести имплицитную самооценку экономической логики и значимость рекурсии социальных изменений самих по себе. Капиталистический гештальт предполагает отождествление рациональности вообще с принципами бытования именно экономической рациональности, превращая последнюю в единственную морально допустимую разновидность логики. Данное превращение вынуждает современного человека к существованию в качестве механического элемента во всеобщей структуре желаемой машинности, которое объявляется его свободным нравственным выбором. Такое положение дел задает общую направленность всех актуальных коммуникативных практик. Развитие капитализма также постоянно требует конституирования рекурсии социальных перемен, ввне которой он не только перестал бы быть возможным, но и утратил бы право на идеологическую претензию морального превосходства над иными видами социально-экономической организации. Капитализм нуждается в перманентных, но при этом программируемых и направляемых изменениях ландшафта реальности как в важнейшем механизме своего выживания. Такие изменения играют в нем роль ведущего средства интенсификации процесса становления онтологической Пользы на фоне тотального умножения капиталистической прибыли. Важнейшим эффектом действия капиталистического гештальта, сказывающимся на всякой современной коммуникативной практике, является продуцирование в человеке невротического переживания иллюзии полноценности собственного бытия.

Ключевые слова: мораль, коммуникативная практика, капиталистический гештальт, экономическая логика, повседневность, желаемая машинность, рекурсия социальных изменений, невротическое переживание.

INFLUENCE OF MORAL PRESUMPTIONS OF CAPITALIST GESTALT ON THE MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES

Olga V. Khlebnikova

Omsk State Transport University

The article explores the moral presumptions of modern capitalist gestalt in the context of their influence on the existence of communicative practices. The term «capitalist gestalt» is understood as a special set of

basic ontologizing attitudes of the modern consciousness of capitalism. Those are interpreted in the paper through the prism of poststructuralism and postmodernism. In this context, the illegitimacy of the fundamental transcendental references, the «naturalness» of the man's moral right, the relevance of formal rather than substantial morality and the reduction of humanity to the pure procedurality of the ordinary serve as the initial grounds for reasoning about morality. The most important moral presumptions of the modern capitalist gestalt include the implicit self-worth of economic logic and the importance of recursion of social changes. The capitalist gestalt assumes identification of rationality in general with the principles of the existence of precisely economic rationality, transforming the latter into the only variety of logic being morally permissible. This transformation forces the modern man to exist as a mechanical element in the universal structure of the desire machine, which is declared to be his free moral choice. This state of affairs sets the general direction of all relevant communicative practices. The development of capitalism also constantly requires constituting recursion of social changes, outside of which it would not only cease to be possible but would also lose the right to the ideological claim of moral superiority over other types of socioeconomic organization. Capitalism needs permanent, but programmable and directed, changes in the landscape of reality as in the most important mechanism of its survival. Such changes serve as a leading agent in intensifying the process of the ontological Good formation against the background of total multiplication of capitalist profit. The most important effect of the capitalist gestalt, affecting any modern communicative practice, is producing a neurotic experience of the illusion of usefulness of one's own being in every person.

Keywords: morality, communicative practice, capitalist gestalt, economic logic, daily life, desire machine, recursion of social changes, neurotic experience.

Понятия капиталистического гештальта и коммуникативной практики

Настоящая статья посвящена исследованию моральных аспектов бытования гештальта современного капитализма в горизонте их воздействия на разворачивание актуальных коммуникативных практик. Для прояснения сути вопроса необходимо в первую очередь обозначить смысловые контексты самого употребления таких категорий, как «гештальт», «капиталистический гештальт» и «коммуникативная практика».

Что касается термина «гештальт», то при всей его распространенности, прежде всего, в современных психологическом и лингвистическом дискурсах [Бунько В.А., 2010; Захарова Е.В., 2009; Резник И.В., 2010; Сергиева Н.С., 2006] в рамках данной работы он используется все же в более широком метафизическом значении, далеком от своих сугубо психолого-лингвистических коннотаций. Подобное обращение с данным термином органично вписывается в логику современного гуманитарного знания в целом, поскольку, с одной стороны, в его рамках одним из наиболее востребованных подходов сейчас выступает междисциплинарный подход, легитимизирующий перекрестное применение эвристических способностей и категориальных тезаурусов различных системных

дискурсов, а с другой стороны, непосредственное обращение к термину «гештальт» многих современных философов, культурологов и социологов [Бочарников В.Н., 2014; Рыкова С.А., 2011; Словицова Е.Л., 2011; Шукуров Ш.М., 2009] определило саму возможность его расширительной метафизической трактовки. В настоящей статье речь, таким образом, идет о понимании гештальта в качестве феноменологического указания на целостность любого явления действительности, проистекающую из априорного единства восприятия, то есть указания на предзаданность общих очертаний самого человеческого бытия в горизонте актуализирующихся презумпций сознания [Хлебникова О.В., 2017]. При этом подразумеваемая тут априорность должна интерпретироваться вовсе не в кантовском духе, а в русле постструктуралистских и постмодернистских рассуждений об историческом априори, представленных во взглядах М. Фуко. Эти рассуждения следует рассматривать в качестве современной попытки возобновления радикального кантовского вопрошания об онтологии разума как таковой, а также в качестве варианта осмысления базовых принципов интеллектуальной экспликации, собственно, чуждости мира. То историческое априори, о котором писал Фуко, в методологическом смысле можно считать отсылкой к фактической невозможности вычленения посред-

ством знаковых систем языка какого-либо раз и навсегда устойчивого содержания понятия «мир». В его концепции разговор, таким образом, велся о выделении в сфере реального опыта некой гипотетической области знания, которая определяла бы способ бытия объектов этого опыта, задавая правила и законы построения всех признаваемых истинными рассуждений о них [Фуко М., 1994, с. 188]. И если априоризм И. Канта носил характер рефлексии над трансцендентальной природой мышления, то историческое априори Фуко есть, помимо прочего, способ констатации бессознательности срабатывания принципов некоторой исторической «грамматики» мысли, ни в один момент времени не являющейся простой суммой эффектов действующих культурных универсалий, но выступающей практическим фундаментом самой их возможности. Таким образом, тот «гештальт», который далее будет иметься в виду, есть особый инструмент видения, посредством становления которого и картина мира, и воплощенная в ее рамках история человеческой цивилизации в целом предстают в качестве места случившегося смысла, состоявшейся судьбы и явленной истины, в качестве пространства, внутри которого человек присваивает право рассматривать самого себя как меру жизни, как точку преломления всех интенций стихии бытия [Юнгер Э., 2000, с. 91].

Вообще обращение к исследованию глобальных процессов смыслообразования как таковых, к изучению онтологических оснований восприятия и сопряженных обстоятельств формирования некоторой устойчивой картины мира именно в русле постструктурализма и постмодернизма задается здесь очевидной актуальностью их базовых методологических интенций, связанной одновременно с массовым характером современной культуры, выводящим всякую попытку означивания в качестве симуляционного процесса [Бодрийяр Ж., 2000, с. 43], и с обусловленной этим фактом распространенностью так называемого принципа деконструкции в современном гуманитарном знании. Данный принцип сводится к ясному осознанию того, что в существующих условиях всякий эксплицированный смысл должен рассматриваться, прежде всего, как продукт аналитики лишенных инвариантного содержания означающих. По большому счету суть заключа-

ется в том, что любое преобразование гуманитарного знания, любое расширение его объема мыслится теперь как осуществляющееся за счет смещения привычных значений означающих, ставших объектом аналитики в рамках того или иного конкретного исследования. При этом постоянно подразумевается, с одной стороны, склонность любого подобного смещения к превращению в самодовлеющую, то есть абсолютизирующую самое себя, процедуру, а с другой стороны, невозможность смещения некоторых значений (имеется в виду невозможность в рамках той или иной конкретной попытки смещения) никакими сознательными усилиями. Поэтому всякое гуманитарное изыскание сейчас начинается фактически с рефлексии над основаниями и обстоятельствами производимого смещения [Деррида Ж., 2000, с. 357].

Рассуждая далее о «капиталистическом гештальте», мы, следовательно, будем подразумевать под данным термином совокупность онтологизирующих установок современного сознания капитализма. Подобный подход обладает, на наш взгляд, значительной научной новизной на фоне существующей традиции изучения капитализма в целом. В рамках этой традиции капитализм рассматривается, как правило, в русле отношения к нему как к специфической экономической системе, основанной на определенных типах производства и собственности, воздействующих на все формы социальной организации. Предлагаемое же в настоящей статье исследование капитализма в качестве гештальта в формальном смысле вырастает из методологических интенций постструктурализма и постмодернизма, а в содержательном смысле — из различных концепций, интерпретирующих капитализм в контексте становления, в первую очередь, капиталистической идеологии и восходящих, конечно, к взглядам М. Вебера и В. Зомбарта.

Таким образом, разговор о капиталистическом гештальте будет разворачиваться здесь в поле размышлений одновременно об очевидной корреляции значимых социальных и культурных духовных ценностей и складывающихся под их влиянием формах хозяйственной, деловой активности [Зомбарт В., 2005, с. 28–29], об обратном историческом эффекте воздействия логики капиталистического производства на превращения рациональности вообще и пере-

живание темпоральности в частности [Валлерстайн И., 2005, с. 117–131], а также о действующей на уровне универсалий современной культуры идеологеме рынка как эталонной системы организации области социального [Розанваллон П., 2007, с. 25–29]. Фактически внутри этой логики «капиталистический гештальт» можно интерпретировать как интегральный термин, позволяющий указать на общий контекст бытования структур современного сознания, его ориентаций в сфере расстановки аксиологических приоритетов и принципов принятия практических решений, его смысловых устремлений, прогнозируемых интеллектуальных рассогласований и пр. Заявим сразу, что, как нам кажется, существом капиталистического гештальта является отношение человека к собственной жизни как к бизнес-предприятию, в полной мере включенному в игру эффективностей, на фоне чего реализуется еще и восприятие собственно человечности исключительно в перспективе пресуществления всего «стоящего на повестке дня», «модного», в горизонте раскрытия человеческой способности в каждый момент времени выступать всего лишь подлинным рупором сиюминутно «актуального» [Фуко М., 2014, с. 12]. Подобные имплицитные свойства гештальта капитализма показывают себя и в сознании отдельного человека, и на уровне общественного сознания. По нашему мнению, в силу тотальности эффектов действия гештальтов вообще следует говорить еще и о крайней сложности реализации любой индивидуальной или системной попытки реального блокирования работы тех или иных презумпций капиталистического гештальта. Ведь, помимо прочего, одной из важнейших подобных презумпций является установка на несущественность всего того, что не включено в глобальную игру эффективностей, вследствие чего всякий участник такого протестного движения, в определенном смысле, становится социальным аутсайдером.

Обратимся теперь к разъяснению содержания термина «коммуникативная практика». В рамках настоящей статьи мы будем исходить из общей интерпретации такого рода деятельности в качестве одной из разновидностей социальной практики, предполагающей не только информационный обмен между сторонами коммуникации в ходе общения, но и сопутствующее

конструирование новых смыслов, а также формирование новых норм и правил общественного бытия [Зотов В.В., Лысенко В.А., 2010, с. 53]. При этом необходимо помнить о том, что в основе любой коммуникативной практики всегда лежат и специфическое превращение человеческого сознания, и актуализация интенций определенной рациональности, и социально легитимная стратегия установки ценностных эталонов. И в данном смысле всякую коммуникативную практику можно рассматривать как элемент системы производства и воспроизводства условной реальности, то есть как инструмент постепенного превращения ориентаций сознания в онтологическую данность [Луман Н., 2005, с. 120–147; Хабермас Ю., 2001, с. 91–92]. Кроме того, в силу технологических особенностей современной информационной цивилизации коммуникативные практики выступают еще и механизмом встраивания каждого отдельного индивида в некую коммуникационную сеть, внутри которой осуществляется языковая игра означивания, приписывания словам отныне разрешенных значений, которые, в свою очередь, затем оказывают формирующее воздействие на дальнейшую работу сознания [Лиотар Ж.-Ф., 1998, с. 42–45]. Таким образом, как можно видеть, сам концепт гештальта органично соотносится с идеей изучения коммуникативных практик, поскольку речь здесь идет, кроме прочего, о выявлении базовых онтологизирующих и аксиологических установок сознания.

Современная мораль в контексте действующих коммуникативных практик

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению моральных презумпций капиталистического гештальта и их воздействия на современные коммуникативные практики, следовало бы обратить внимание на актуальные условия любого возможного разговора о морали вообще. В подобном отношении первое, что бросается в глаза, является логическая невозможность в существующих культурных обстоятельствах фундаментальных трансцендентных отсылок по причине их принципиальной нелегитимности. Суть дела заключается в фактической, наглядной данности (хотя бы в силу влияния достижений научно-технического прогресса) современному человеку самого мира

как такого места, где Бог в каждый момент времени «уже мертв», а значит, вопрос о необходимости «переоценки всех ценностей» словно бы уже по определению решен [Хайдеггер М., 1993, с. 65]. Современность необратимым образом выводит человека в качестве единственного автора собственных жизненных выборов [Руди А.Ш., 2017, с. 99], в качестве одинокого существа, опирающегося лишь на свои воления, не подкрепленные действием никаких возвышенных субстанций или всеобщих абсолютов. Причем эта новая свобода мыслится современной интеллектуальной культурой в качестве реального воплощения высокой демократической идеи, декларирующей врожденное право личности, задействованной в основанном на конкуренции в общественном производстве, принимать судьбоносные решения на свой страх и риск. Подобный концепт в наиболее полном виде был раскрыт, например, в произведениях П. Фейерабенда, заявлявшего о том, что в наше время любые познавательные традиции могут и должны вводиться в социальный оборот исключительно путем широких свободных дискуссий [Фейерабэнд П., 2010, с. 152, 157]. Это означает, что в области разговоров о морали современный человек изначально считает себя вправе выносить суждения, говорить словно бы вместо отсутствующего абсолюта. Моральное право, таким образом, превращается в «естественное» право, а реальность вообще обретает некую условную «мертвую точку», внутри которой осуществляется отныне ее становление, являющееся одновременно и формой актуализации человеческих желаний, и прагматически оправданной версией разворачивания языковой игры означивания [Делез Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 13–23; Жижек С., 2008, с. 24; Putnam H., 2004, p. 22; Raz J., 2002]. Собственно говоря, это принципиальное «одиночество» современного человека, вечно находящегося «в своем праве», и выступает отправной точкой любой действующей коммуникативной практики. Подобная ситуация ведет к логическому перемещению всей моральной проблематики, с одной стороны, в сферу рассуждений о структурах формальной морали, а с другой стороны, в поле размышлений об эффективных стратегиях социализации человека.

Существо формальной морали показывает себя в первом приближении уже в рассуждени-

ях И. Канта о так называемом категорическом императиве. Речь идет о фактическом отсутствии (в условиях грядущей нелегитимности трансцендентного) у морального действия устойчивых и однозначных качественных характеристик, сводимых в финале к предустановленному, конкретному набору поведенческих принципов, о бытийной неизбежности принятия свободным человеком именно формальных, а не содержательных моральных решений, о его жизненной обреченности на подобные решения. В этом смысле еще одним известным обращением к данной проблематике можно считать рефлексию Ф. Ницше над основаниями «воли к власти», являющуюся, кроме прочего, размышлением об обстоятельствах становления в человеке способности к окончательному, а значит, формальному самоопределению.

Формальная мораль, следовательно, маркирует собой область острого ответственного переживания человеком события собственной свободы. Парадокс же современной ситуации состоит в том, что моральным естественным правом, по ее логике, обладают все люди. Такой «онтологический демократизм» подразумевается всеми ныне действующими глобально культурными универсалиями и коммуникативными практиками. Эти универсалии и практики выводят современного человека в качестве инстанции, по определению будто бы способной гарантировать пресуществование невозможности поступить иначе, чем она все-таки поступила. Однако подобные претензии должны были бы обеспечиваться как минимум наличием чистого субъекта сознания, не подверженного влиянию массовых идеологий. Само это наличие в наши дни с очевидностью стоит под вопросом [Хоркхаймер М., Адорно Т., 1997, с. 149–209; Chomsky N., 1989]. В подобных условиях вообще любая вероятная беседа о морали становится одновременно попыткой совладать с экзистенциальной тоской по уже не работающей субстанциальной, трансцендентной морали прошлого [Адорно Т., 2000, с. 138] и с противостоянием нигилистическому стремлению лишенных «воли к власти» людей к сползанию в сферу интерпретации формальности актуальной морали как признака ее тотальной бессмысленности, незначимости.

В то же время наличная культурная ситуация явным образом словно бы «запирает» человека в его повседневности, выводит все коммуникативные практики как укорененные в ней. Вся логика этой ситуации подразумевает отождествление вообще человеческого с голой процессуальностью обыденного. В определенном смысле человечность сейчас становится неотличима от стремления пробудить в реальности как таковой своеобразный эротический отклик на механистически воспроизводимые человеческие желания. В подобных обстоятельствах размышление о морали очень часто скатывается к попыткам самооправдания человека, а точнее, такие попытки иногда и становятся внешне самым телом дискурса морали (в том отношении, что мораль вообще превращается в область рационализации человеческого права на желания, а значит, и в область легитимации инструментального отношения к действительности как к средству получения удовольствия) [Rorty R., 1989, p. 23–43]. В целом бросается в глаза тот факт, что современность можно рассматривать как пространство борьбы «рефлектирующих соблазнительей» [Кьеркегор С., 2011, с. 35], обеспокоенных исключительно степенью «интересности» собственной жизни, что называется, за место под солнцем. Мораль в своем качестве, следовательно, обращается в простой объяснительный механизм, позволяющий человеку (как потребителю в конечном счете) спокойно испытывать чувство законного удовлетворения от осознания меры удобства бытия, степени его приспособленности (вероятно, М. Хайдеггер назвал бы это пригнанностью) к рутинным человеческим нуждам. Эта мораль, таким образом, не способствует воспитанию некой условной личности, а только лишь дисциплинирует частный интерес. В русле данных рассуждений ясно, что представление об успешной социализации современного человека коррелирует прежде всего с формированием у него умения грамотно устанавливать общественно одобряемые приоритеты в сфере разрешенного желания.

Моральная презумпция самооценки экономической логики

Имея в виду все вышесказанное, исследуем далее некоторые тесно связанные друг с другом моральные презумпции современного капита-

листического гештальта и их влияние на действующие коммуникативные практики. На наш взгляд, можно выделить две основные презумпции подобного сорта.

Прежде всего речь должна идти о презумпции самооценки экономической (капиталистической) логики. Очевидно, что одной из важнейших установок современного сознания капитализма выступает аксиоматическое отождествление экономического и социального [Фридман М., 2006, с. 31–46]. Капиталистический гештальт предполагает постепенное слияние экономики с жизнью человека и общества как таковой [Лаваль К., 2010, с. 8]. Посредством данного слияния любое движение человеческой рациональности начинает рассматриваться и оцениваться только лишь с позиции выявления степени его соотносимости с принципами бытования экономической рациональности. Логика капиталистической экономики, таким образом, превращается в единственную социально, интеллектуально и морально допустимую логику. Эта самооценная исключительность экономической логики подтверждается, в первую очередь, своеобразным мессианским пониманием в целом капитализма, воспринимаемого в качестве наилучшей формы общественно-экономического устройства, актуализирующей все потенции человеческого разума [Рэнд А., 2003, с. 22, 31–32]. В то же время нельзя забывать, что сама претензия осуществления всякой социальной легитимации через процедуру рационализации была заявлена именно капитализмом [Касториadis К., 2010, с. 22]. Это означает, что, помимо прочего, капиталистический гештальт изначально складывался как гештальт оптимизации существующего, органично подразумевающей единственно верным такое представление о мире, в котором любая осмысленность выступает математической функцией глобальной полезности, экономической эффективности [Касториadis К., 2010, с. 34–36], достигающей своего экстремума в точке тотальной минимизации всех вероятных человеческих затрат.

Подобная ситуация инициирует ряд взаимосвязанных практических моральных затруднений, с которыми современный человек вынужден, следовательно, постоянно иметь дело.

Во-первых, концепт самооценки экономической логики по определению предполагает

незначимость, второсортность всего, что не вписывается в ее структуры (особенно сильно это затрагивает отношения, которые принципиально, онтологически не могут быть в них вписаны). В частности, логика капиталистической экономики подразумевает на уровне осуществления любой коммуникативной практики естественное отношение к человеку как к ресурсу. В силу этого на человечность априори распространяется концепция необходимости достижения обществом некой оптимальной точки, маркирующей ситуацию равновесия количества и качества человеческого материала. В свою очередь, это означает, что перед современным социумом стоит сложносоставная задача параллельного поддержания определенной рентабельной численности человеческой популяции, обеспечения воспроизводства некоторого уровня экономически эффективных личных характеристик каждого отдельного человека (например, капиталистическая экономика для своего успешного развития нуждается, прежде всего, в человеке-потребителе) и непрерывного нивелирования собственно качества человеческого ресурса до уровня некой условной посредственности (поскольку талантливость и, тем более, гениальность в промышленных масштабах абсолютно не эффективны в силу невозможности их прямой экономической регламентации). Подобные обстоятельства ведут к тому, что фактически в наши дни каждый человек вынуждается всей логикой социальных коммуникаций к экзистенциальному выбору в пользу существования в качестве желаемого механизма. Именно такой выбор позиционируется в этой логике как моральный, нравственный, именно человек, по доброй воле, свободно выступающий в роли винтика во всеобщей структуре желаемой машинности, объявляется высоким воплощением самого современного капиталистического духа. Все же прочие странные сумасшедшие, желающие мысленно удалиться в воображаемую хайдеггеровскую провинцию, чтобы там рефлексировать над экономически, а значит, и морально бесполезными вещами и отношениями, выводятся в качестве девиантов, ускользнувших от эффективной социализации. Капиталистический гештальт, таким образом, не оставляет места для иррациональных порывов метафизических бунтарей, уклоняющихся от

своего морального долга быть рентабельной посредственностью.

Во-вторых, логика капиталистической экономики обесценивает саму идею социальной и сущностной значимости интеллектуального труда, творческой самореализации личности. В условной точке этого обесценивания соединяются, сходятся несколько важнейших современных процессов: глобальный капиталистический процесс оптимизации смыслообразования, становление желаемой машинности, растворение чистого субъекта сознания в идеологических метаморфозах и всеобъемлющая симуляция пустыми знаковыми кодами наличного бытия как такового [Бодрийяр Ж., 2000, с. 51–55]. В данных обстоятельствах любой интеллект, включаясь в ту или иную коммуникативную практику, по определению оказывается, с одной стороны, в положении существа, выброшенного самой историей общества за горизонт существенных событий, а с другой стороны, в комичном положении человека, обманутого в его искренних претензиях на элитарность, претензиях, воспитанных в нем всеми усвоенными интенциями авторитетной классики. На деле же интеллигалы в наши дни более не олицетворяют ничьей совести, не выступают от имени высших инстанций и не обладают предустановленными привилегиями в игре эффективностей [Фуко М., 2002, с. 67]. Фактически сейчас интеллигализм и творчество выступают только лишь в качестве разновидностей возможной массовой активности, подчиняющейся, конечно, всем законам логики капитализма и играющей роль инструмента регламентирования протестных настроений все тех же метафизических аутсайдеров. По сути, с точки зрения современного общества интеллигалы — это люди, в совершенстве владеющие устным и письменным словом, которых от других людей, «делающих то же самое», отличает исключительно отсутствие ответственности за практические дела, за любые события, случающиеся в контексте становления общезначимой экономической полезности [Шумпетер Й., 1995]. Парадокс ситуации заключается в том, что поскольку вообще идеология современного капитализма, его явленное мессианство все-таки подразумевают, как мы уже выяснили ранее, присутствие установки на априорное приписывание человеку целого набора «естественных» прав,

постольку всякая рафинированная интеллектуальная, творческая деятельность превращается еще и в область невротического переживания собственно интеллектуалами своей антропологической несостоятельности. Капиталистический гештальт, следовательно, есть, кроме прочего, механизм воспроизводства (через коммуникативные практики) специфического коллективного невроза, связанного с неизбежным осознанием бессмысленности всех бывших и будущих достижений человеческого духа самого по себе, в том числе бессмысленность (неэффективность) чистого морального переживания как такового.

В-третьих, в условиях тотальности действия экономической логики радикально и необратимо меняется существо работы некоторых важнейших социальных институтов (а значит, и сопряженных с ними коммуникативных практик), например, и, возможно, в первую очередь института образования. Очевидно, что значимость образования обусловлена прежде всего его ролью в системном воспитании новых членов общества, в процессах трансляции накопленных знаний и опыта от поколения к поколению. Однако в современной ситуации, аккумулирующей в себе одновременно три принципиально важных исторических интенции, а именно все большее отождествление процессов воспитания и социализации, прогрессирующее видоизменение сущности феномена образования от института, воспроизводящего определенным образом мыслящих и действующих личностей, к структуре, дающей всего-навсего учебную подготовку к какой-либо узкой, конкретной профессии, и общее подчинение сферы образования законам рынка, законам организации потребительской сферы услуг (об этом, например, свидетельствует появление в информационном и правовом поле такого устойчивого словооборота, как «образовательные услуги») [Огурцов А.П., Платонов В.В., 2004, с. 26–35; Розин В.М., 2007, с. 17–24]. Фактически образование, особенно высшее образование, иницирует исключительно увеличение количества людей с непрерывно и неуклонно повышающимся уровнем имплицитных потребительских, желающих претензий. Речь идет о том, что основным, пусть и не явным, эффектом развития современного образования сейчас выступает умножение количества лиц, онтологи-

чески недовольных качеством бытия по причине рассогласования между размером затраченных на получение образования усилий и соответствующим вероятным уровнем личного потребления [Веблен Т., 1984, с. 334–361]. Одним из социальных маркеров этого недовольства является очевидный факт наличия так называемой структурной безработицы в силу избытка людей с «хорошим образованием», обманутых в их расчетах на гарантированное счастье воплощенного потребительского желания, мыслившееся ими в качестве закономерного итога их образовательных усилий [Шумпетер Й., 1995]. Суть же заключается в том, что вообще эффективность любого массового производства (в том числе массового производства «образованных людей», с которым мы имеем дело в наши дни) по определению действует исключительно на макроуровне, на уровне общества в целом, для которого обстоятельства каждого отдельного участника, реагента не имеют никакого значения. Это априорное социальное безразличие к частным интеллектуальным, образовательным, профессиональным и прочим усилиям всех людей, взятых в отрыве от нужд усиления рентабельности всеобщего производства, и выступает одним из источников вышеупомянутого онтологического недовольства. Напрашивающийся здесь с очевидностью вывод неутешителен: не только практическая, но и моральная ценность образованности как таковой в наши дни стоит под вопросом. В качестве частной ремарки заметим, что капиталистический гештальт, таким образом, помимо прочего, разрывает обозначенную еще Аристотелем связь между вообще человечностью и стремлением к знанию.

Моральная презумпция значимости рекурсии социальных изменений

Укажем также на презумпцию самоценности изменений как таковых. В первую очередь для прояснения сути нашего рассуждения необходимо обратить внимание на специфическое западное отношение ко времени вообще как к разновидности ценного невозполнимого ресурса. На наш взгляд, такое отношение исторически укоренено в самой христианской эсхатологии, основанной на синхронном переживании темпоральности в качестве процесса и процедуры тяжкого труда по спасению человеческой

души [Ле Гофф Ж., 2001, с. 119–120]. Также для христианского восприятия времени характерно приписывание ему особого субстанциального содержания, связанного с предвечным замыслом Бога и требующего от каждого отдельного субъекта определенных нравственных действий, демонстрирующих достаточный уровень личностных усилий в деле осуществления божественных замыслов [Бульман Р., 2012, с. 74]. Ясно, что в подобной логике время становится формой истинного богатства, важнейшим ресурсом, который по определению должен быть потрачен на по-настоящему значимые вещи. И в этом смысле всякое отношение ко времени с неизбежностью превращается тут в моральное, нравственное деяние. Именно с данной общей интерпретацией времени мы сталкиваемся в большинстве западных исторических и футурологических концептов. Какой бы конкретный вид ни имело то или иное частное системное рассуждение о ходе мировой истории, в нем непременно воспроизводится ситуация некоего напряженного всматривания в меру удовлетворительности человеческих усилий по строительству этой истории, ситуация придирчивого оценивания степени достаточности подобных действий. Равным образом любые попытки западной философии исследовать возможное будущее цивилизации сводятся к финальной констатации грядущего завершения «творческого движения Человека» внутри некоего полного и, наконец-то, окончательно установившегося соответствия «между Бытием и Дискурсом» [Кожев А., 1998, с. 134–135], являющегося, по сути, аллюзией на все то же Царство Божие.

Имея в виду данные обстоятельства, нельзя также забывать о том, что фактически современный капитализм, весь его облик, все его явные и скрытые интенции изначально являются порождениями именно западного способа хозяйствования, западной ментальности в целом. Вследствие этого очевидно, что и сам капиталистический гештальт априорно содержит в себе подобное напряженное моральное переживание темпоральности как условной длительности становления всеобъемлющей онтологической Пользы, в силу чего возникает еще и представление о возможной иерархии легитимных коммуникативных практик. В качестве ремарки отметим, что, на наш взгляд, известное

классическое определение самого термина «капитал» у К. Маркса, в котором он тавтологичным образом выводит его как бесконечное движение капитала [Маркс К., Энгельс Ф., 1960, с. 162–166], помимо прочего, подразумевает отсылку ко времени как к вечному самодвижущемуся круговороту эффективностей, что, с одной стороны, безусловно, согласуется с общим западным моральным переживанием времени как важнейшего ресурса, а с другой стороны, обнажает факт отсутствия у капитализма (как и, кстати говоря, у органично связанного с ним феномена потребления) некой субстанциальной точки насыщения [Сорвин К.В., 2016, с. 395–397] и, значит, указывает на самоценность собственно постоянного возобновления ситуации круговорота эффективностей, то есть любых признаваемых (конечно, прежде всего экономически) значимыми социальными изменений самих по себе.

Моральная презумпция значимости изменений раскрывается на практике, кроме прочего, еще и в идеологическом преподнесении имплицитной нестабильности капитализма в качестве особого цивилизационного достижения. Эта нестабильность (изменчивость), которая здесь подразумевается, связана с очевидностью того обстоятельства, что капитализм является таким типом социально-экономического устройства, для которого всякая ситуация системного кризиса методологически может быть рассмотрена не как внезапное сосредоточение в одной точке времени и пространства некоторых неблагоприятных факторов, а лишь как типовой движущий элемент развития. Любое капиталистическое событие, по сути, инициируется именно перманентным шоком неотвратимости изменений [Кляйн Н., 2009, с. 15–38]. Другими словами, само существование капитализма постоянно требует (при необходимости искусственного) конституирования рекурсии значимых социальных перемен, ввне которой это существование не только перестало бы быть возможным, но и утратило бы право на идеологическую претензию морального превосходства над иными видами социально-экономической организации. При этом наиболее капиталистически эффективны, конечно, мгновенные тактические изменения, сопровождающиеся пока недостаточным общественным пониманием происходящего. Именно они обеспечивают

коммуникативную, идеологическую и материальную возможность (в условиях временного всеобщего замешательства) конструирования такой реальности будущего, которая в наилучшей степени согласуется с законами максимизации глобальной Пользы, а также с частными интересами значимых субъектов капиталистического развития (например, крупных корпораций). Можно даже сказать, что основополагающая моральная претензия на переустройство мира в соответствии с принципами капиталистической рационализации и есть та базовая форма, в которую в конечном счете выливается трепетное отношение капитализма к изменениям вообще.

Капитализм, следовательно, нуждается в перманентных, но при этом программируемых и направляемых изменениях ландшафта реальности как в важнейшем механизме своего выживания. Подобные изменения, как мы выяснили, играют в нем роль ведущего средства интенсификации процесса становления онтологической Пользы на фоне тотального умножения капиталистической прибыли и в таком контексте наиболее плодотворны, конечно, катастрофические изменения. Нельзя забывать, что в современных условиях, когда природные и человеческие ресурсы с очевидностью давно включены в капиталистическую игру эффективностей в максимальном объеме (и в этом смысле давно «отработаны»), естественным образом в ход идут такие шоковые инструменты регулирования, как искусственно организованная война и терроризм [Жижек С., 2002, с. 148–150].

Что же касается идеологических попыток различных западных мыслителей представить нестабильность капитализма в качестве одного из маркеров его цивилизационного преобладания, то здесь обращает на себя внимание позиция Ф. Хайека, который, рассуждая в соответствии с представлением об эволюционном превосходстве систем, доказавших свою историческую состоятельность посредством наглядной, прямой эмпирической и прагматической успешности, над системами, порожденными заранее определенной, предзаданной телеологией [Хайек Ф., 2006, с. 27–28], утверждает, что все проблемы капитализма возникают исключительно вследствие волюнтаристских попыток форсирования социального прогресса. В то время как естественная работа механизмов сво-

бодной капиталистической конкуренции (в перспективе иницирующая собственно ту самую нестабильность) способна расставить все по своим местам, привести в финале общество к некоему равновесному состоянию, в котором наилучшим образом согласованы требования Пользы и интересы отдельной личности. В поле действия принципов подобной логики напрашивается итоговый вывод о том, что подлинная мораль не имеет отношения к области конституирования общечеловеческих целей, которых попросту не существует, хотя бы в силу абсолютной дискретности частного интереса. Она выступает сферой социальных коммуникаций по поводу правил поведения внутри стихийного рыночного порядка, созданного людьми, действующими «в рамках положений права собственности, деликта и контракта» [Хайек Ф., 2006, с. 276]. Другими словами, в дискурсе Хайека рыночная конкуренция, являющаяся, по сути, не чем иным, как формой канализации бесконечной рекурсии шокирующих изменений, выводится в качестве некоего краеугольного камня, на котором вообще покоится мораль; вследствие чего капитализм предстает в качестве единственного морального общественно-экономического устройства. Можно заключить, следовательно, что действие капиталистического гештальта сопряжено также и с расистским переживанием всеми участниками соответствующих коммуникативных практик своей исторической и антропологической исключительности.

И, наконец, еще одной гранью капиталистической презумпции самооценности изменений выступает своеобразная обобщенная «инфантильность» капитализма. Речь идет о том виде умножающегося именно в капиталистическом обществе инфантилизма, который В. Зомбарт описывал как «необыкновенное сведение всех духовных процессов к их самым простейшим элементам», как возврат к «простым состояниям детской души» [Зомбарт В., 2005, с. 220–221]. Если пристально взглянуть в эту условную детскую душу, то немедленно станет очевидным то обстоятельство, что жизненные ценности ребенка в наибольшей степени имеют отношение к восприятию времени как бесконечно длящегося приключения перемен. Гипотетический ребенок, например, испытывает восхищение перед величиной, выраженное,

прежде всего, в представлении о взрослых как о великанах, воплощающем мечту о собственном будущем росте. Этот потенциальный рост, конечно, мыслится ребенком как перманентное приращение ряда событий, как все та же рекурсия изменений. Кроме того, детям свойственна страсть новизны, отсутствие устойчивого интереса к уже несуществующему, а значит, всегда устаревшему, прошлому и иллюзия личного бессмертия, каковые качества могут быть критически интерпретированы в контексте напряженного темпорального переживания невозможности и бессмысленности постоянства. Естественным спутником подобного переживания является некоторое легкомыслие, имплицитная поверхностность, свойственная всем «простым душам», истово верующим в моральное превосходство изменяющегося над неизменным. В целом очевидно, что духовные ценности современного капиталистического общества действуют в этой же системе координат. К примеру, важнейшее для капитализма понятие успешности (как воплощенной эффективности) есть, по сути, вариация формы актуального восхищения от скорости перемен. Быть по-капиталистически успешным значит, с одной стороны, постоянно пребывать в фокусе всех значимых изменений, а с другой стороны, вечно оставлять позади как устаревшее и регрессивное все, что утверждает наличие некой константной глубины события за простой «поверхностью языка» [Делез Ж., 2011, с. 19]. И в этом смысле капиталистический гештальт морально инфантилен по определению, что, конечно, находит отражение на уровне современных коммуникативных практик, обладающих устойчивой тенденцией к демонстративности и пренебрежению нюансами.

В качестве вывода из сказанного хотелось бы заявить следующее: в силу приведенных выше соображений ясно, что капиталистический гештальт, гештальт инфантильного человека-предприятия, погрязшего в игре эффективностей, отторгает как несущественную наглядную и простую очевидность того, что отныне только уже неизменное по причине его сущностной определенности обладает и соответствующей полнотой, т.е. случается в истинном смысле этого слова. Фактически это означает, что всякий носитель данного гештальта в рамках осуществления той или иной коммуни-

кативной практики постоянно обнаруживает себя внутри дурной бесконечности не случившихся событий и не состоявших вещей. В конечном счете капиталистическая мораль продуцирует в современном человеке невротическое стремление к имитации полноценности собственного бытия, к самоубеждению в нравственной оправданности того отказа от всего выходящего за рамки повседневности, с которым мы очень часто имеем дело в наши дни.

Список литературы

- Адорно Т.* Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. 239 с.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
- Бочарников В.Н.* Конструкт и гештальт — неoinструментальные средства гуманитарной науки // Гуманитарный вектор. 2014. № 2(38). С. 150–157.
- Бульман Р.* История и эсхатология. Присутствие вечности. М.: Канон+: Реабилитация, 2012. 208 с.
- Бунько В.А.* Гипотеза как гештальт // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 4. С. 70–80.
- Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 176 с.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
- Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академ. проект, 2011. 472 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000. 430 с.
- Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры, 2002. 160 с.
- Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
- Захарова Е.В.* Гештальт-терапия: деконструкция в диалоге // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 5. С. 9–14.
- Зомбарт В.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Буржуа: К истории духовного развития современного экономического человека. СПб.: Владимир Даль, 2005. 638 с.
- Зотов В.В., Лысенко В.А.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 53–55.

- Касториадис К.* «Рациональность» капитализма // Политико-философский ежегодник ИФ РАН. 2010. Вып. 3. С. 21–53.
- Кляйн Н.* Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2009. 656 с.
- Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос: Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.
- Кьеркегор С.* Или — или. Фрагмент из жизни. СПб.: Изд-во РХГА: Амфора, 2011. 823 с.
- Лаваль К.* Человек экономический. Эссе о происхождении неолитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
- Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
- Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
- Резник И.В.* Когнитивно-функциональные аспекты реализации понятий «гештальт» и «гештальт-структура» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 27. С. 120–129.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 256 с.
- Розин В.М.* Философия образования: Этюды-исследования. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007. 576 с.
- Руди А.Ш.* Культурная идентичность в социальном взаимодействии // Инновационная экономика и общество. 2017. № 3. С. 97–103.
- Рыкова С.А.* Гештальт рабочего как дионисийство // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 2. С. 140–144.
- Рэнд А.* Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 360 с.
- Сергиева Н.С.* Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 160–165.
- Словинова Е.Л.* Гештальт-синергетический подход к исследованию дискурсивного смыслового пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17. С. 138–143.
- Сорвин К.В.* Классическая и неклассическая формы онтологического аргумента: от доказательства бытия Бога к рефлексивной социологии знания. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 446 с.
- Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
- Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 63–176.
- Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
- Хлебникова О.В.* Потребление как гештальт // Философия и культура. 2017. № 9. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
- Шукуров Ш. М.* Гештальт и теория видения // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2, № 1. С. 154–179.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
- Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
- Chomsky N.* Necessary illusions. Thought control in democratic societies. L.: Pluto Press, 1989. 574 p.
- Putnam H.* Ethics without ontology. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 161 p.
- Raz J.* Practical reason and norms. Oxford: Oxford University Press, 2002. 220 p.
- Rorty R.* Contingency, irony and solidarity. N.Y.: Cambridge University Press, 1989. 202 p.

Получено 22.07.2018

References

- Adorno, T. (2000). *Problemy filosofii morali* [Problems of Moral Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 239 p.
- Baudrillard, J. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet Publ., 387 p.
- Bocharnikov, V.N. (2014). *Konstrukt i geshtalt — neoinstrumental'niye sredstva gumanitarnoj nauki* [Construct and Gestalt — Neo-instrumental Means of Humanitarian Science]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector]. No. 2(38), pp. 150–157.
- Bultmann, R. (2012). *Istoriya i eskhatologiya. Prисutstvie vechnosti* [History and Eschatology. Presence of Eternity]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 208 p.
- Bun'ko, V.A. (2010). *Gipoteza kak geshtalt* [Hypothesis as Gestalt]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. Vol. 2, no. 4, pp. 70–80.
- Castoriadis, C. (2010). «Ratsionalnost» kapitalizma [«Rationality» of Capitalism]. *Politiko-filosofskiy ezhegodnik IF RAN* [Political and Philosophical Yearbook of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences]. No. 3, pp. 21–53.
- Chomsky, N. (1989). *Necessary illusions. Thought control in democratic societies*. London: Pluto Press, 574 p.
- Deleuze, G. (2011). *Logika smysla* [Logic of sense]. Moscow: Akadem. proekt Publ., 472 p.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007). *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 672 p.
- Derrida, J. (2000). *Pismo i razlichie* [Writing and Distinction]. St. Petersburg: Academ. proekt Publ., 430 p.
- Feyerabend, P. (2010). *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Moscow: AST Publ., 378 p.
- Foucault, M. (2002). *Intellektualy i vlast: Izbrannye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu. Ch. 1* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Pt. 1]. Moscow: Praxis Publ., 384 p.
- Foucault, M. (2014). *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II* [Courage of Truth. Self and Other Control II]. St. Petersburg: Nauka Publ., 358 p.
- Foucault, M. (1994). *Slova i veschi* [Words and Things]. St. Petersburg: A-cad Publ., 406 p.
- Friedman, M. (2006). *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom]. Moscow: Novoe Publ., 240 p.
- Habermas, J. (2001). *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 380 p.
- Hayek, F. (2006). *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Freedom: A Contemporary Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics]. Moscow: IRISEN Publ., 644 p.
- Heidegger, M. (1993). *Evropeyskiy nigilizm* [European Nihilism]. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., pp. 63–176.
- Horkheimer, M. and Adorno T. (1997). *Dialektika Prosvescheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow: St. Petersburg: Medium Publ., Yuventa Publ., 312 p.
- Jünger, E. (2000). *Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt; Totalnaya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and Gestalt; Total Mobilization; About Pain]. St. Petersburg: Nauka Publ., 539 p.
- Khlebnikova, O.V. (2017). *Potreblenie kak geshtalt* [Consumption as Gestalt]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. No. 9, pp. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.
- Kierkegaard, S. (2011). *Ili — ili. Fragment iz zhizni* [Or — Or. Fragment from Life]. St. Petersburg: RCHA Publ., Amfora Publ., 823 p.
- Klein, N. (2009). *Doktrina shoka* [The Shock Doctrine]. Moscow: Dobraya kniga Publ., 656 p.
- Kojeve, A. (1998). *Ideya smerti v filosofii Gegelya* [The Idea of Death in the Philosophy of Hegel]. Moscow: Logos Publ., Progress-Traditsiya Publ., 208 p.
- Laval, K. (2010). *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [An Economic Man. Essay on Origin of New Liberalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 432 p.
- Le Goff, J. (2001). *Srednevekoviy mir voobrazhaemogo* [The Medieval World of the Imaginary]. Moscow: Progress Publ., 440 p.
- Luman, N. (2005). *Realnost massmedia* [Mass Media Reality]. Moscow: Praxis Publ., 256 p.
- Liotard, J.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [Postmodern Condition]. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ.; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 160 p.
- Marx, K. (1960). *Kapital. T. 1* [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat, Vol. 23, 908 p.

- Ogurtsov, A.P. and Platonov, V.V. (2004). *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of Education. Western Philosophy of Education. XX Century]. St. Petersburg: RCHI Publ., 520 p.
- Putnam, H. (2004). *Ethics without ontology*. Cambridge: Harvard University Press, 161 p.
- Rand, A. (2003). *Apologiya kapitalizma* [The Apology of Capitalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 360 p.
- Raz, J. (2002). *Practical reason and norms*. Oxford: Oxford University Press, 220 p.
- Reznik, I.V. (2010). *Kognitivno-funktsionalnye aspekty realizatsii ponyatiy «gestalt» i «gestalt-struktura»* [Cognitive and Functional Aspects of Realization of the Concepts «Gestalt» and «Gestalt-Structure»]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. No. 27, pp. 120–129.
- Rorty, R. (1989). *Contingency, irony and solidarity*. New York: Cambridge University Press, 202 p.
- Rosanvallon, P. (2007). *Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka* [An Utopian Capitalism. History of the Market Idea]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 256 p.
- Rozin, V.M. (2007). *Filosofiya obrazovaniya: Etudy-issledovaniya* [Philosophy of Education: Etudes-Study]. Moscow: MPSU Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 576 p.
- Rudi, A.Sh. (2017). *Kulturnaya identichnost v sotsialnom vzaimodeystvii* [Cultural Identity in Social Interaction]. *Innovatsionnaya ekonomika i obschestvo* [Innovative Economy and Society]. No. 3, pp. 97–103.
- Rykova, S.A. (2011). *Geshtalt rabocheho kak dionisiystvo* [Gestalt of Worker as Dionysian]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The territory of New Features. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service]. No. 2, pp. 140–144.
- Sergieva, N.S. (2006). *Semanticheskiy geshtalt i yadro yazykovogo soznaniya russkikh* [Semantic Gestalt and the Core of the Linguistic Consciousness of Russians]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki* [Bulletin of South Ural State University. Series «Social and Human Sciences»]. No. 2, pp. 160–165.
- Shukurov, Sh.M. (2009). *Geshtalt i teoriya videniya* [Gestalt and Vision Theory]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History]. Vol. 2, no. 1, pp. 154–179.
- Shumpeter, J. (1995). *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika Publ., 540 p.
- Slovikova, E.L. (2011). *Geshtalt-sinergeticheskiy podkhod k issledovaniyu diskursivnogo smyslovogo prostranstva* [Gestalt-Synergistic Approach to the Study of Discursive Semantic Space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin]. No. 17, pp. 138–143.
- Sombart, W. (2005). *Sobraniye sochineniy v trekh tomakh. T. 1. Burzhua: K istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Collected Works in Three Volumes. Vol. 1. Bourgeois: On History of Spiritual Development of Modern Economic Man]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 638 p.
- Sorvin, K.V. (2016). *Klassicheskaya i neklassicheskaya formy ontologicheskogo argumenta: ot dokazatel'stva bytiya Boga k refleksivnoy sotsiologii znaniya* [The Classical and Non-Classical Forms of the Ontological Argument: from the Proof of the Existence of God to the Reflexive Sociology of Knowledge]. Moscow: Russkaya panorama Publ., 446 p.
- Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress Publ., 368 p.
- Wallerstein, I. (2005). *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism. Capitalist Civilization]. Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 176 p.
- Zakharova, E.V. (2009). *Geshtalt-terapiya: dekonstruktsiya v dialoge* [Gestalt Therapy: Deconstruction in Dialogue]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. No. 5, pp. 9–14.
- Zotov, V.V. and Lysenko, V.A. (2010). *Kommunikativnye praktiki kak teoreticheskiy konstrukt izucheniya obschestva* [Communicative Practices as a Theoretical Construct of Social Study]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 3, pp. 53–55.
- Žižek, S. (2002). *Dobro pozhalovat v pustynyu Realnogo* [Welcome to Desert of Real]. Moscow: Pragmatika kultury Publ., 160 p.
- Žižek, S. (2008). *Ustroystvo razryva. Parallaxnoe videnie* [Break Device. Parallax Vision]. Moscow: Evropa Publ., 516 p.

Received 22.07.2018

Об авторе

Хлебникова Ольга Владимировна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории, философии
и культурологии

Омский государственный университет
путей сообщения,
644046, Омск, пр. К. Маркса, 35;
e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7573-3650>

About the author

Olga V. Khlebnikova

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of History, Philosophy
and Cultural Studies

Omsk State Transport University,
35, K. Marx av., Omsk, 644046, Russia;
e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7573-3650>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хлебникова О.В. Влияние моральных презумпций капиталистического гештальта на современные коммуникативные практики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 517–531. DOI: [10.17072/2078-7898/2018-4-517-531](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-517-531)

For citation:

Khlebnikova O.V. Influence of moral presumptions of capitalist gestalt on the modern communicative practices // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 517–531.
DOI: [10.17072/2078-7898/2018-4-517-531](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-517-531)

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ФОНОВЫХ ПРАКТИК

Панасенко Юрий Александрович

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске*

В работе рассмотрены феномены «вписанности» и «подручности» в окружающем «жизненном мире». Автор опирается на такие базисные определения «жизненного мира», как мир естественной установки сознания, совокупная характеристика бытия индивида. Материалом исследования стал жизненный мир воинской службы. В исследовании выделены три социальных уровня общения военнослужащих с увязкой данного процесса с фоновыми практиками. Описан процесс феноменологического конституирования интерсубъективного жизненного мира воинской службы, исходящий из трех базисных определений жизненного мира. Это позволяет увидеть новые аспекты культуры воинской службы в контексте такой важнейшей концептуальной инновации социальной феноменологии, какой является понятие интерсубъективности. В контексте понятия интерсубъективности рассмотрено понятие интенциональности. В рамках социальной феноменологии представлен коммуникативно-смысловой подход к анализу социального мира, особое внимание обращается на характерные черты предметности и интенциональности. Конституирование «жизненного мира» воинской службы проводится с учетом трех главных факторов: системности, устойчивой цепочки базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Определены ценностные установки, обеспечивающие поддержание целостной структуры «жизненного мира» воинской службы. Рассмотрена связь феномена «культура воинской службы» с культурой и профессией.

Ключевые слова: феноменология, конституирование, интерсубъективность, жизненный мир, воинская служба, интенциональность, предметность, «вписанность», «подручность», фоновые практики.

PHENOMENOLOGICAL DESIGNING OF INTERSUBJECTIVE LIFEWORLD OF MILITARY SERVICE IN THE CONTEXT OF BACKGROUND PRACTICES

Yuriy A. Panasenko

*Branch of Military Training Scientific Center of Military Air Forces «Military Air Academy
named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Chelyabinsk*

The paper examines the phenomena of «inscription» and «readiness-to-hand» in the «lifeworld». The author uses the basic definition of the «lifeworld» as the world of the natural attitude of consciousness, the cumulative characteristic of the individual's being. The material of the research is the lifeworld of military service. Three social levels of military communication are identified and linked with background practices. The process of the phenomenological designing of the intersubjective lifeworld of military service, emanating from the three basic definitions of the lifeworld, is described. It is possible to perceive new aspects of the culture of military service in the context of intersubjectivity as the most important conceptual innovation of social phenomenology. The concept of intentionality is considered in relation to the concept of intersubjectivity. The communicative-semantic approach to the analysis of the social world within the framework of social phenomenology is presented. Special attention is paid to characteristic

features of objectivity and intentionality. The designing of the lifeworld of military service is performed with three main factors, such as consistency, a stable chain of basic values, and diachronic-synchronous maintenance of basic values, being considered. The values employed to sustain the integral structure of the lifeworld of military service have been determined. The connection between the phenomenon «culture of military service» and culture and profession is analyzed.

Keywords: phenomenology, institutionalization, intersubjectivity, lifeworld, military service, intentionality, objectivity, «inscription», «readiness-to-hand», background practices.

Феномены повседневной жизни: вписанность и подручность

Э. Гуссерль в «Избранных работах» ввел такое философское понятие, как жизненный мир, которое мы будем использовать в нашей работе в качестве опорного концептуального средства [Гуссерль Э., 2005]. В процессе дальнейшего исследования будем обращаться и к такому понятию, как «установка». Э. Гуссерль в работе «Логические исследования» дает следующее определение этого понятия: «...привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым также предопределен. В этом пребывающем стиле как в нормальной форме разворачивается любая определенная жизнь» [Гуссерль Э., 2000, с. 640–642]. Задачей исследования является описание структуры реальности нерелексирующего, вписанного в свой обыденный мир человека. При этом необходимо отбросить наши готовые интерпретации того, что происходит, и внимательно посмотреть, что явилось нам. Обратимся к примерам. Когда человек что-либо пишет, он не обращает внимания на шариковую ручку и не придает ей значение, так как она не является темой повседневных забот. Когда заканчиваются чернила и ручка перестает писать, она становится объектом рассмотрения для нашего сознания. Она нам дана «не тематически», т.е. в процессе деятельности мы ее не замечаем. Таким образом, в обыденной ситуации, когда все работает так, как надо, мы не строим планы, как мы будем двигать рукой и как исполнять задачу по написанию документа. Закручивая шурупы, мы меньше всего смотрим на отвертку, и наш практическое умение тем лучше, чем меньше есть в нем разглядывания. Это состояние является незаметной, но очень важной практически вписанной в нашу жизнь подручностью. Эта подручность незаметна, так как она всегда под рукой — если можно так сказать: она «приручена» и ра-

ботает оптимально. Следовательно, можно отметить, что многие феномены, которые вписаны в «жизненный мир» воинской службы, настолько распространены и непроблематичны, что мы их просто не можем заметить.

В исследовании обратимся к практикам, когда личность еще не открылась миру, а есть простая вписанность в повседневную жизнь, где мир является человеку за счет нарушения обыденных операций с подручным. В таких простых ситуациях мир является нам вместе с выступанием чего-либо напоказ, налицо — так, что выступающее требует внимания и решения. В большинстве ситуаций в таком мире военнослужащий действует не как уникальный индивид: он живет в соответствии с утвержденным распорядком, как принято, как установлено старшим начальником. Но вдруг человеку начинает чего-то не хватать в этом типе бытия, он выходит за рамки уставов, инструкций и указаний, однако наша задача исследовать самый массовый способ жизни до того, как человек встал на путь девиантного поведения.

Феноменология «жизненного мира» воинской службы

Воинская служба рассматривается нами в различных аспектах: установка сознания на защиту Отчизны и служение ей, личностная социально-профессиональная характеристика, явление и признак государства, модель санкционированного со стороны общества поведения личности, социальный институт, интегрирующая общество система, вид социальной ответственности, жизненная позиция, продукт системы образования и воспитания, компонент культуры и т.п.

Однако какой бы аспект воинской службы мы ни взяли, она изначально социальна по своей природе, потому что представляет собой результат деятельности человека в ее общественно-историческом развитии. В рамках этой деятельности происходит взаимодействие людей,

социальных групп и институтов; кроме того, она образует самостоятельный социальный институт, на который в значительной степени воздействуют процессы, происходящие в обществе, формирующие устойчивые обратные связи и смысловые цепочки.

В работе мы опираемся на базисные определения «жизненного мира», которые заключаются в том, что «жизненный мир»:

– повседневный мир человека, где человек живет и реализует свои устремления и планы;

– совокупная характеристика бытия индивида и его поведения в обществе в культурно обусловленной ситуации;

– методы и средства, при помощи которых индивид имеет возможность разбираться, ориентироваться и делать выводы в создавшейся жизненной ситуации, ставить перед собой цели, строить жизненные планы и достигать этих целей с помощью имеющегося запаса знаний и умений.

Ценностное конституирование любого общества основывается на универсальных законах существования и самоорганизации «жизненного мира». В кризисной для сообщества ситуации данные ценностные установки выходят на первый план и могут быть исследованы непосредственно, а не опосредованно через мифологемы и идеологемы предыдущего исторического времени. Конституирование «жизненного мира» человека осуществляется с помощью ценностей, влияющих на поведение и проявляющихся в нем. Общеизвестно, что каждый индивид решает для себя, как построить свою жизнь, чем ее наполнить, что оставить потомкам. Однако универсальное правило заключается в том, что смысл жизни состоит в реализации себя как личности, профессионала и в той пользе, которую человек приносит обществу и себе. Человек в качестве социального индивида является творением культуры. Согласно В.С. Степину, «усвоение накопленного культурой социального опыта связано со сложной состыковкой биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность человека, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода его социальную наследственность. Благодаря усвоению этих программ человек способен изобретать новые нормы, идеи, верования и т.д., которые призваны соот-

ветствовать социальным потребностям» [Степин В.С., 1992].

Рассмотрим такое понятие, как интересность «жизненного мира», означающее, что индивидуальные восприятия различных жизненных обстоятельств соединяются в общее представление об окружающем мире. Данный факт имеет место в культурном сообществе военнослужащих. Происходит это с помощью общения, а также использования в повседневной деятельности определенных, установленных стереотипов и образцов, которые являются составными частями самоопределения этого культурного сообщества.

Общеизвестно, что главным признаком воинского труда является коллективизм, предусматривающий взаимное общение военнослужащих. Так как воинское сообщество состоит из людей разных национальностей, с разным уровнем образования, со своим мировоззрением и менталитетом, а общение носит субъект-субъектный характер, часто такие взаимосвязи носят конфликтный характер. Для решения данной проблемы современному офицеру-руководителю недостаточно применять только административные методы. Необходимо разобраться в сущности общения, его функциональной, структурной и уровневой организации. Выделим три социальных уровня общения, являющихся основанием для выработки правил и норм поведения.

Первое — общение субъектов, являющихся гражданами страны, в которой действуют нормы поведения, возведенные в ранг закона.

Второе — общение в военно-профессиональной сфере деятельности, в ходе повседневного учебно-воспитательного процесса. Поведение субъектов общения в данном случае, кроме установленных законом норм и правил, регулируется ведомственными документами: приказами, уставами, инструкциями.

Третье — уровень межличностного общения, на котором отношения субъектов общения регулируются нормами морали, нравственности и совести, не имеющими юридической силы. Данные нормы применимы ко всем участникам общения: начальникам и подчиненным, старшим и младшим, независимо от должности, стажа, знаний. Они являются основанием для общения. Военно-профессиональное общение воинов способствует наличию моральных установок, по-

этому любые деловые отношения в культурном пространстве «жизненного мира» воинской службы имеют нравственный характер.

Общение — процесс взаимодействия людей в социуме, выполняющий различные познавательные и коммуникативные функции. Общение позволяет человеку проявлять свойства личности.

На общение военнослужащих накладывает отпечаток своеобразие сложного, порой смертельно опасного воинского труда. Это является причиной того, что служебные формы общения жестко регламентируются, как в мирное, так и в военное время. Эта особенность общения имеет место в ходе повседневной деятельности начальников и подчиненных, старших и младших по званию.

Восприятие фоновых практик в условиях «жизненного мира» военнослужащего

Анализируя язык общения военнослужащих интересной представляется возможность увязывания данного процесса с идеей фоновых практик. «Наиболее важные для нас аспекты вещей, — писал Витгенштейн, — скрыты из-за своей простоты и повседневности. Их не замечают, потому что они всегда перед глазами. Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, чего мы не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Витгенштейн Л., 1994, с. 131].

Фон не является чем-то скрытым, но в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре.

При широком толковании этой идеи и перенесении ее на механизмы любого, не только зрительного, смыслообразования можно представить вслед за Витгенштейном и то, что понимается под «фоном» или «задним планом» по отношению к повседневному разговору или любым другим способам производства смысла: «Как можно описать человеческое поведение? Несомненно, лишь показав все разнообразие человеческих действий в их полном смещении. Не то, что один человек делает в данный момент, а вся сумятица действий образует тот фон, на котором мы видим любое действие и

который задает наши суждения, наши понятия и наши реакции» [Wittgenstein L., 1980].

В повседневном воинском общении смысл высказываний доопределяется тем, что само в языке напрямую не представлено, но не является чем-то «потусторонним» или скрытым. Философ языка Джон Сёрль, последовательно разрабатывающий идею фоновых практик, определил их логическое место следующим образом: «Для большого числа случаев буквальный смысл предложения или выражения задает условия собственной истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик» [Searle J., 1980]. Соответственно понимание любого, даже самого элементарного, высказывания всегда предполагает неявную отсылку к общедоступному массиву знаний о том, какова природа вещей и как «работает» данная культура. Под фоновыми практиками Сёрль подразумевает совокупность принятых в культуре традиционных способов деятельности, навыков обращения с различными предметами и т.д. [Searle J., 1983, p. 141–159].

Понятие фона привлекает наше внимание к другой стороне этой же проблемы. В контексте одной культуры, разделяемой и говорящим, и слушающим, создание предпосылок для сопоставления утверждений о вещах и самих вещей идет незаметным, но схожим образом. Наша задача — увидеть эту связь слов и вещей и сделать ее заметной для других.

Согласно гештальтпсихологии, откуда и заимствован термин «фон», фигура никогда не воспринимается сама по себе, а всегда на фоне. Передний план всегда предполагает наличествующий задний план или фон — это условие любой перцепции. В визуальном восприятии мы умеем переключать гештальт, когда переводим задний план в переднее поле своего зрения, а бывший передний план в этот момент становится незаметным фоном.

Такие разноплановые философы, как Джон Сёрль и Хьюберт Дрейфус, используют понятие фона для описания не только визуального, но и вербального восприятия. Согласно Сёрлю, например, адекватное понимание изреченного зависит от совпадения фона высказывания для говорящего и слушающего — и фон здесь понимается как «набор неинтенциональных или доинтенциональных способностей, которые позволяют функционировать интенциональным

состояниям» [Searle J., 1995]. Дрейфус интерпретирует фон как некоторый набор практик, в котором социализируются члены данной культуры, если говорящий и слушающий разделяют обыденные практики обращения с предметами и людьми, упоминаемыми в высказывании, восприятие будет адекватно, а если нет, то произойдет сбой в коммуникации [Dreyfus H., 1991, p. 57]. Эти выводы имеют важнейшее значение в сообществе военнослужащих для субъект-субъектного процесса коммуникации в ходе повседневной деятельности. От того, как будет налажено взаимодействие, в каком виде будет выступать его интерсубъективная сущность, будет зависеть и выполнение учебной или боевой задачи.

Конституирование «жизненного мира» воинской службы в контексте интерсубъективности

Как отмечает Н.М. Смирнова, «социальная феноменология ориентирована не на исследование структурно-институционального каркаса — скелета социального организма, но на его всеобщие смысловые характеристики — интерсубъективную смысловую структуру» [Смирнова Н.М., 2009, с. 11].

Мы полагаем, что в рамках социальной феноменологии действительность представляет структурообразующий мир интерсубъективных значений, которые выступают в виде обобщенных представлений о предметах и событиях мира.

В контексте понятия интерсубъективности представляет интерес такое понятие, как интенциональность, которое означает процесс направленности сознания индивида на какой-либо предмет или объект и является смыслообразующим процессом. Интенциональность — дело мышления, акт установления взаимосвязи между сознанием, языком и окружающим миром, в нашем случае есть дело конституирования личности в пространстве «жизненного мира» воинской службы. Однако мы отстаиваем принципиальную точку зрения, суть которой заключается в том, что процесс мышления не является только личностным, так как имеются факторы, влияющие на процесс интенциональности таким образом, что он принимает черты интерактивности и интерсубъективности.

Сущность первого фактора состоит в том, что повседневная деятельность индивида в культуре воинской службы — это публичная деятельность, это взаимоотношения в воинском коллективе с себе подобными, это существование с Другим.

Вторым фактором, органически связанным с первым и обуславливающим взаимодействие и взаимовлияние, является то, что инструментом мышления и деятельности выступает специфический для воинской службы смысловой язык. Отсюда вывод: истинное осознание процесса интенциональности не может быть гносеологическим или экзистенциальным, а может быть только культурно-философским.

Конституирование «жизненного мира» воинской службы обеспечивается тремя главными факторами — системностью, устойчивой цепочкой базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Эти три фактора — три грани процесса самоорганизации «жизненного мира». Благодаря данным факторам процесс феноменологического конституирования интерсубъективного «жизненного мира» воинской службы представляет образец социальной самоорганизации, для которого характерны творческое начало, самоочищение и самообразование. Что является катализатором системности «жизненного мира» воинской службы? В качестве такого катализатора можно рассматривать то, что М.С. Каган определил в «Философской теории ценностей» как «виды универсальных нравственных ценностей», которые функционируют в любом сообществе: ценности-нормы, ценности-цели и ценности-качества [Каган М.С., 1997, с. 34–41].

Ценностные установки «жизненного мира» воинской службы

Конституирование «жизненного мира» воинской службы означает формирование определенных предпочтительных в данной среде ценностных установок. Ценностные установки обеспечивают поддержание целостной структуры «жизненного мира», дают субъекту представление о его подлинном существовании. Ценности относятся к фундаментальным основаниям любого сообщества. Ценность, даже если она и реализована, не теряет своего качества должного. Она имеет всеобщий характер для

данного «жизненного мира». Ценность проявляется в поступках субъекта. Ценность определяется значимостью того или иного объекта для субъекта и только таким субъективным образом проявляет себя, а зрелость, сформированность личности определяет устойчивость системы ценностей. В.А. Ядов в работе «Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности» отмечает: если учесть, что система ценностных ориентиров образует высший уровень диспозиционной системы, то она успешно преобразует витальные потребности в потребности высшего уровня — социальные потребности. Именно они обеспечивают включение личности в социальную среду, где могут быть реализованы ее ценностные установки [Ядов В.А., 1994].

Ценности выполняют важнейшие функции в жизни любого сообщества — определяют тактические и стратегические жизненные цели и мотивы деятельности, нравственные принципы поведения, моральные устои. Люди, находясь в социуме, должны соответствовать этим принципам поведения и принимать их. Это является для сообщества приоритетным, жизненно важным. Живя в обществе, нельзя быть свободным от общества, поэтому человек, попадая в сообщество, неминуемо становится объектом воспитания. Причем методы воспитания, применяемые к личности, характеризуют систему ценностей, культивируемую в данном сообществе. Так культурное пространство «жизненного мира» обеспечивает свое существование, воспроизводство и защиту.

Переоценка ценностей, характерная для любых рубежных исторических эпох, всегда бросает вызов тотальным институтам, каким является воинское сообщество, которые проходят суровую практику выживания. Мир постмодерна коренным образом изменил ценностные системы и традиции, ценностные ориентиры в силу того, что радикальную трансформацию претерпевают структуры «жизненного мира». Ценностные ориентиры, формировавшиеся на протяжении веков, в момент социальных трансформаций теряют связь с «жизненным миром» сообщества и лишаются тем самым жизненной подпитки, превращаясь в ходульные декларации, лишённые общественного доверия.

Согласно характеристикам, полученным в исследовании Л.В. Бaeвoй «Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории», интенсивное развитие техники и технологий, повышение роли информации, возможность влияния творчества отдельной личности на культурную жизнь в целом приводят к необходимости осознания цели активной и зачастую непредсказуемой деятельности, связанной с достижением некоего сверхзначимого идеала [Баева Л.В., 2004]. Современная наука приводит к скачкообразному изменению общества в самых различных направлениях, выбор которых зависит от ценностей, определяющих существование субъекта. Переход к плюрализму в оценке реальности приводит к размыванию культурных детерминант. Феноменологический метод позволяет ответить на вопрос о том, что же все-таки сохраняет сущность и неповторимость воинской службы, несмотря на все глобальные социокультурные трансформации? Феноменология позволяет держать в фокусе внимания фундаментальные ценности личности и сообщества, которые продолжают выполнять свою культуuroобразующую функцию, несмотря на изменившуюся социально-историческую ситуацию, когда старые символические коды утратили свое прежнее значение.

Понятно, что даже в условиях провозглашенных свобод человек не может быть свободен от общества, а следовательно, он не может быть свободен от ценностных предпочтений, которые при всей своей внешней семантической изменчивости достаточно устойчивы в своих внутренних смысловых значениях и не поддаются кардинальным изменениям, например, в отношении своего эмоционального воздействия. Их значимость для человека заключается в том, что они конституируют «жизненный мир», в котором он живет. Наше феноменологическое исследование помогает понять, как исподволь происходит включение, образование и воспитание военнослужащего в условиях «жизненного мира» воинской службы. Ценностное конституирование основывается на универсальных законах существования и самоорганизации «жизненного мира». В кризисной для сообщества ситуации данные ценностные установки выходят на первый план и могут быть исследованы непосредственно, а не опосредованно через мифологемы-симулякры

предыдущего исторического времени. Конституирование «жизненного мира» человека осуществляется с помощью ценностей, влияющих на поведение и проявляющихся в нем. Общеизвестно, что каждый индивид решает для себя, как построить свою жизнь, чем ее наполнить, что оставить потомкам. Однако универсальное правило состоит в том, что смысл жизни состоит в самореализации себя как личности, профессионала, семьянина и в той пользе, которую человек приносит обществу и себе. Только в этом инкультурация обретает свой высший и подлинный смысл — превратить человека в самостоятельного организатора собственной жизни, что дает ему возможность понимать смысл жизни, иметь жизненные идеалы и видеть путь для своей самореализации в реализации этих идеалов.

Ценности — это узкий мостик, звено между культурой общества и духовным миром индивида. «Духовная жизнь не есть отражение какой-либо реальности, она есть самая реальность», — отмечает Н.А. Бердяев в своей работе «Смысл истории» [Бердяев Н. А., 1990]. Каждая личность самостоятельно определяет свое место в той специфической иерархии ценностей «жизненного мира», которая ей предписана, благодаря таким личностным качествам, о которых пишет Н.А. Бердяев, как достоинство, осмысленность, творческая деятельность, страсть, цельность, единение с божественным миром. Военская среда тоже является питательной средой и «инкубатором» этих личностных качеств.

Так, офицер, обладающий личным достоинством, способен на подвиг, благородные поступки и мужественные решения. Он анализирует поведение в обществе, соотнося свои поступки с нормами морали и нравственности, стремится избегать вредных привычек, которые могут негативно отразиться на его репутации или чести.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к российской военной истории, ритуалам и традициям вооруженных сил, духовным истокам и ценностям. Необходимо использовать этот интерес для укрепления идеологии «возрождения Российской армии». Идеология дает возможность по-новому посмотреть на события, связанные с распадом страны и армии, способствует заполнению духовного «вакуума»

в сознании военнослужащих. Это говорит о том, что такие основополагающие ценности, как долг перед Отечеством, правильное понимание воинской чести и офицерского достоинства, остались неизменными, что отмечается в работе Ю.А. Панасенко и В.С. Елагиной «Ценностный мир офицера в условиях трансформации общества». Это «...способствует поддержанию стабильности армии, воспроизводству воинских традиций, специфического статуса военного человека в обществе даже в условиях изменения общественно-экономического строя и смены политических элит» [Панасенко Ю.А., Елагина В.С., 2015].

Офицерами становятся курсанты военных вузов, в большинстве своем пришедшие в армию со школьной скамьи. Курсанты еще не сформированы как личности, поскольку их знания не увязаны в единую систему, представления о военной службе и специальности размыты, а на формируемое мировоззрение оказывает влияние окружающий социальный мир. «Жизненный мир» воинской службы сводит эти разобщенные знания и элементы мировоззрения в единую систему, конституируя особый «малый социальный мир» воинской службы. Отбрасывая все «лишнее», избыточное, культура воинской службы достигает того необходимого эффекта, когда пусть небольшое, ограниченное, но систематизированное знание или мировоззренческая система становится реальной силой, поддерживающей «жизненный мир» воинской службы, и может являться стержнем личности военнослужащего.

Для нас это концептуальное замечание очень важно, поскольку увидеть новые аспекты культуры воинской службы можно в контексте такой важнейшей концептуальной инновации социальной феноменологии, какой является понятие интерсубъективности. В рамках социальной феноменологии «естественная установка сознания» не «заключается в скобки», а трансформируется в более сложное пространство интерсубъективности.

В условиях транзитивности усиливается конфликтогенность социальной реальности, происходит переориентация культуры воинской службы — духовно-моральные идеалы и ценности сталкиваются с материальными интересами. Можно констатировать, что население любой страны предрасположено к защите свое-

го ареала обитания. Эта предрасположенность является константной величиной, хотя на нее влияет масса политических, экономических, психологических и, конечно же, социокультурных факторов. При всей «расколотости» России и антиномичности ее политических предпочтений, при всех противоречиях российской культуры в целом культура воинской службы в контексте интерсубъективности может опираться только на национальное самосознание.

Список литературы

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та, 2004. 279 с.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис, 1994. С. 74–319.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 465 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск; М.: Харвест, 2000. 752 с.

Коган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

Панасенко Ю.А., Елагина В.С. Ценностный мир офицера в условиях трансформации общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/1/1688.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).

Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+: Реабилитация, 2009. 400 с.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. 191 с.

Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 264–287.

Dreyfus H. Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 384 p.

Searle J. Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 292 p.

Searle J. The Background of Meaning // Speech of Act of Theory and Pragmatics. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Company, 1980.

P. 221–232.

Searle J. The Construction of Social Reality. London: Allen Lane, 1995. 256 p.

Wittgenstein L. Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1 / ed. by G.E.M. Anscombe, G.H. von Wright. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 97 p.

Получено 29.09.2018

References

Baeva, L.V. (2004). *Tsennosti izmenyayuschego-sya mira: ekzistentsialnaya aksiologiya istorii* [Value of a changing world: existential axiology history]. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 279 p.

Berdyaev, N.A. (1990). *Smysl istorii* [Sense of history]. Moscow: Mysl Publ., 175 p.

Dreyfus, H. (1991). *Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I*. Cambridge: MIT Press, 384 p.

Husserl, A. (2005). *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., 465 p.

Husserl, A. (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk I transsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak stroгая nauka* [Logical studies. Cartesian reflections. Crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a strict science]. Minsk, Moscow: Kharvest Publ., 752 p.

Kogan, M.S. (1997). *Philosophskaya teoriya tsennostey* [Philosophical theory of values]. St. Petersburg: Petropolis, 205 p.

Panasenko, Yu.A. and Elagina, V.S. (2015). *Tsennostniy mir ofitsera v usloviyah transformatsii obschestva* [The value world of the officer under the conditions of the transformation of the society]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1. Available at: <https://science-education.ru/pdf/2015/1/1688.pdf> (accessed 16.03.2017).

Searle J. (1983). *Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 292 p.

Searle J. (1980). *The Background of Meaning // Speech of Act of Theory and Pragmatics*. Dordrecht, Boston, London: D. Reidel Publishing Company, pp. 221–232.

Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. London: Allen Lane Press, 256 p.

Smirnova, N.M. (2009). *Sotsialnaya fenome-*

nologiya v izuchenii sovremennogo obschestva [Social Phenomenology in the Study of Modern Society].

Moscow: Kanon+ Publ.: Reabilitatsiya Publ., 400 p.

Stepin, V.S. (1992). *Filosofskaya antropologiya i filozofiya nauki* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Science]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 191 p.

Wittgenstein, L. (1994). *Filosovskie issledovaniya v knige* [Philosophical Studies]. *Filosovskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnosis Publ., pp. 74–319.

Wittgenstein L. (1980). *Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1*, ed. by G.E.M. Anscombe

and G.H. von Wright. Chicago: University of Chicago Press, 97 p.

Yadov, V.A. (1994). *Sotsialnye identifikatsii lichnosti v usloviyakh bystrykh sotsialnykh peremen*. [Social identifications of personality under the conditions for rapid social changes]. *Sotsialnaya identifikatsiya lichnosti. Kn. 2* [Social identification of personality. Book 2]. Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., pp. 264–287.

Received 29.09.2018

Об авторе

Панасенко Юрий Александрович

кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника филиала по учебной
и научной работе

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске,
454015, Челябинск, Городок 11-й, 1;
e-mail: panasenko-ep@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

About the author

Yuriy A. Panasenko

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Docent,
Deputy Head in Training and Science

Branch of Military Training Scientific Center
of Military Air Forces «Military Air Academy
named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin»
in Chelyabinsk,
1, Gorodok-11, Chelyabinsk, 454015, Russia;
e-mail: panasenko-ep@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панасенко Ю.А. Феноменологическое конструирование интересубъективного жизненного мира воинской службы в контексте концепции фоновых практик // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 532–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540

For citation:

Panasenko Yu.A. Phenomenological designing of intersubjective lifeworld of military service in the context of background practices // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 532–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-541-549

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ, ЛОКУСА КОНТРОЛЯ
И МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ*****Кроповницкий Олег Владимирович****Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан*

В статье дается теоретико-эмпирический анализ понятий копинг-стратегия, локус контроля (интернальность-экстернальность), мотивация достижения. Рассмотрены различные точки зрения на копинг-стратегии, а также на мотивацию достижения и интернальность как профессионально важные характеристики личности руководителей реального сектора экономики. Выявлена структура взаимосвязей социально-психологических характеристик и копинг-стратегий руководителей. Исследовано соотношение копинг-стратегий и локус контроля, мотивации достижения. Результаты исследования взаимосвязи копинг-стратегий, локуса контроля и мотивации достижения у руководителей позволили сделать следующие выводы. 1. Чем выше уровень мотивации успеха, тем больше вероятность того, что человек будет использовать следующие копинг-стратегии: положительная переоценка, планирование решения проблемы, проблемно-ориентированный копинг. 2. Чем выше уровень мотивации избегания неудач, тем больше вероятность того, что человек в процессе совладания будет прибегать к таким стратегиям, как дистанцирование, бегство-избегание, эмоционально-ориентированный копинг. 3. Чем выше уровень внутреннего локус контроля, тем больше вероятность использования таких копинг-стратегий, как планирование решения проблемы, положительная переоценка и проблемно-ориентированный копинг. 4. Чем выше уровень внешнего локус контроля, тем больше вероятность использования таких копинг-стратегий, как дистанцирование, бегство-избегание, эмоционально-ориентированный копинг.

Ключевые слова: копинг-стратегия, мотивация достижения, интернальность, экстернальность, локус контроля, ответственность, адаптивность, дезадаптация, менеджеры.

**CORRELATION OF COPE-STRATEGIES, LOCUS OF CONTROL
AND MOTIVATION OF ACHIEVEMENT AT MANAGERS*****Oleg V. Kropovniksky****Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Auspices
of the Republic of Bashkortostan*

The article focuses on the theoretical and empirical analysis of the concepts of coping strategy, locus of control (internality-externality), and achievement motivation. Different points of view on coping strategies are considered, as well as achievement motivation and internality as professionally important characteristics of managers of the real sector of the economy. The structure of the interrelation between socio-psychological characteristics and coping strategies of managers is revealed. The correlations between coping strategies, locus of control, and achievement motivation have been studied. The results of the study of the relationship between coping strategies, locus of control and achievement motivation among managers made it possible to draw the following conclusions. Firstly, the higher the level of motivation

for success, the greater the likelihood is that a person will use such coping strategies as planning of a solution to the problem, positive reassessment and problem-oriented coping. Secondly, the higher the level of motivation for avoiding failures, the more likely it is that a person, in the process of coping, will resort to such strategies as distancing, escape-avoidance, emotionally-oriented coping. Thirdly, the higher the level of the internal locus of control, the greater the probability of using such coping strategies as problem-solving planning, positive reassessment, and problem-oriented coping. Finally, the higher the level of the external locus of control, the greater the likelihood is of using such coping strategies as distancing, flight-avoidance, emotionally-oriented coping.

Keywords: coping strategy, achievement motivation, internality, externality, locus of control, responsibility, adaptability, disadaptation, managers.

Копинг представляет из себя одно из необходимых условий сохранения психического здоровья, повышения качества жизни и душевного благополучия. Его основной функцией является адаптация личности к трудным жизненным ситуациям. При этом копинг способствует овладению личностью ситуацией, ослабляет и смягчает ее негативное воздействие.

Что же такое копинг? S. Folkman и R.S. Lazarus обозначают копинг как «...поведенческие и когнитивные попытки справиться со специфическими внутренними и/или внешними требованиями, которые оцениваются как чрезвычайные для возможностей человека или вызывающие напряжение» [Lazarus R.S., Folkman S., 1991, p. 192].

В современной научной литературе под понятием «coping behavior» понимается тот или иной способ поведения в различных ситуациях — от сложных ситуаций в жизни до повседневных проблем [Анцыферова Л.И., 1994; Муздыбаев К., 1983; Нартова-Бочавер С.К., 1997].

F. Cohen считает, что копинг можно рассматривать как систему диспозиций, как стиль или как эпизодическое поведение. В соответствии с первым подходом копинг — это определенный тип поведения в разных стрессовых ситуациях, т.е. личность ведет себя всегда определенным образом, используя при этом типичные для себя способы преодоления сложных жизненных ситуаций. Копинг, понимаемый как стиль, является комплексным поведением, зависящим от особенностей личности и среды, а также от их взаимоотношений. В этом случае копинг будет представлять из себя результат творческого приспособления личности, которая на основе своих особенностей и особенностей среды создает свой собственный способ совладания с ситуацией. Наконец, если под копингом понимать эпизодическое поведение, то в рамках данного под-

хода F. Cohen предлагает исследовать то, как конкретный человек преодолевает конкретную стрессовую ситуацию. Однако, как замечает сам автор, такой способ не позволяет получить стабильный прогноз относительно того, каким образом индивид будет использовать (и будет ли) те способы, которыми он овладел, на новые ситуации в будущем [Cohen F., 1991].

Понятие копинга требует своего раскрытия путем определения стратегий совладания с жизненными ситуациями, которые объективно или субъективно понимаются как трудные, проблемные, стрессовые и т.д. В этом смысле копинг-стратегии можно рассматривать в качестве той или иной формы реализации копинг-поведения, которое, в свою очередь, является механизмом осуществления копинга.

Копинг-стратегии в контексте всей жизни человека являются важным условием в преодолении «поворотных моментов» жизни. При этом их можно обозначить как «частный случай индивидуальной стратегии жизни» [Волкова Н.В., 2004, с. 121], а процесс копинга — «ситуационной модификацией жизненного стиля» [Волкова Н.В., 2004, с. 120]. Таким образом, копинг-стратегии могут проявляться в трех сферах: оценка ситуации (фокусировка на оценке), решение практической проблемы (фокусировка на проблеме) и собственное эмоциональное состояние (фокусировка на эмоциях) [Lazarus R.S., Folkman S., 1991].

Понятие «интернальность» было предложено американским ученым Дж. Роттером в 1956 г. в рамках разработанной им концепции «теория социального научения». В соответствии с его концепцией поведение человека проявляется в социальной ситуации и неразрывно связано с потребностями, удовлетворение которых возможно только лишь с помощью других людей и при взаимодействии с ними. Таким образом, удовлетворение потребностей с помощью того

или иного поведения выполняет роль подкрепления, формирующего ожидание определенного поведения. По теории Роттера, речь идет о наличии связи между собственными действиями и подкрепляющими их последствиями, которые закрепляют наличное поведение, в чем проявляется отличие его теории от классической формулы бихевиоризма «раздражитель–реакция». Причем сформировавшаяся в результате подобного научения связь в сочетании «действие и подкрепление» ослабевает при отсутствии дальнейшего подкрепления. При этом чем сильнее переживание причинной связи между конкретным действием и его подкреплением, тем сильнее отсутствие этой связи сказывается на устойчивости сформированного ожидания. С другой стороны, если слабо сформировано ожидание подобной связи, то отсутствие подкрепления будет оказывать слабое влияние на формирование этого ожидания. Важным параметром в ожидании событий, следующих за тем или иным поведением, является убеждение человека в способности влиять на эти события своей собственной деятельностью. Дж. Роттер назвал это убеждение внутренним локусом контроля последствий поведения [Rotter G.V., 1966]. Соответственно обратное убеждение, а именно в неспособности контролировать подкрепление удовлетворения своих потребностей, он назвал внешним локусом (точкой расположения).

Таким образом, у человека формируются обобщенные ожидания относительно целых областей жизненных ситуаций — либо поддающихся воздействию субъекта (внутренний контроль), либо не поддающихся (внешний контроль). Подобные ожидания проявляются в социальных установках, убеждениях и взглядах на степень влияния на жизнь человека таких факторов, как судьба, власть, настроение, погода и т.п. Существуют достоверные различия между людьми относительно подобных убеждений [Кудашев А.Р., 2015].

В своей теории Дж. Роттер говорит о том, что степень обобщенности ожиданий внутреннего или внешнего контроля подкреплений настолько высока, что охватывает все сферы жизнедеятельности, в результате чего становится личностной диспозицией, которую он обозначил как «интернальность–экстернальность».

Интернальность существенно влияет на формирование и выбор копинг-стратегий, которые используют руководитель. Данная характери-

стика позволяет ему ощущать себя хозяином ситуации, дает ему ощущение уверенности в способности контролировать результаты своей деятельности, тем самым снизить чувство беспокойства относительно нестабильности и чрезмерной изменчивости окружающей обстановки. Это качество особенно важно, учитывая рыночный характер социально-экономических отношений в нашей стране, требующих высокого уровня адаптивности от предприятий и организаций [Психология адаптации..., 2006].

Профессиональная деятельность менеджеров характеризуется исполнительской деятельностью в отношении вышестоящего руководства и управленческой — в отношении своих подчиненных. В таком случае в ситуации совмещения этих ролей интернальность приобретает большую значимость. На сегодняшний день существует достаточное количество научных источников, свидетельствующих о тесной связи между ответственным поведением и характеристиками интернальности. С философских позиций ответственность связана со смыслом жизни. Согласно результатам, полученным К. Муздыбаевым, интернальность также положительно коррелирует со степенью сформированности смысла жизни [Муздыбаев К., 1983]. Если же человек отказывается от ответственности, то это может трактоваться как фатальность, детерминированность судьбой. При этом экстернальность имеет положительную связь с зависимостью от судьбы и чувством беспомощности. Данное положение, как пишет А.А. Реан, проверено в экспериментальных исследованиях как отечественных (И.М. Кондаков, М.Н. Нилопец), так и западных психологов (Г. Левинсон, К. Крампен) [Реан А.А., 1998].

Кроме того, А.А. Реан указывает на наличие корреляции между локусом контроля личности и социальной зрелостью. Он отмечает, что интернальность «внутренний локус» положительно коррелирует с социальным поведением и социальной зрелостью. А экстернальность (внешний локус) — с асоциальным поведением и низким уровнем социальной зрелости [Реан А.А., 1998, 1999].

Высокий уровень внутреннего локуса контроля «интернальность» обнаружен у людей, занимающих высокие руководящие посты, признающих себя успешными в бизнесе и руководстве (как женщины, так и мужчины). Причины своей успешности большинство приписывает

своей ответственности, профессиональной грамотности, аккуратности и трудолюбию.

Исходя из вышесказанного, может создаться впечатление об абсолютной предпочтительности внутреннего контроля. Однако ситуация несколько сложнее. Интернальные «...менее тревожны, менее подвержены депрессии, менее склонны к агрессии, более благожелательны, терпимы и более популярны в группе. Они более уверены в себе и чаще находят смысл и цели жизни. За всеми этими выводами стоит большое число исследований и эмпирических фактов. Однако что-то не дает возможности абсолютно, полностью принять эту идиллическую картину» [Реан А.А., 1999, с. 109]. Однако субъект, который тотально принимает на себя ответственность как за достижения, так и за все промахи, провалы и неудачи в своей жизни, с большой вероятностью подвергается риску дезадаптации, повышения напряжения и ощущения дискомфорта, формирования комплекса вины и тому подобных дезадаптивных образований. Поэтому, на наш взгляд, наиболее экологичным и адекватным вариантом будет сбалансированное сочетание интернальности и экстернальности, согласованное с реальностью.

Что касается интернальности в области неудач, то А.А. Реан предлагает различать ее по каузальным областям. Граница разделения проходит между ответственностью за причины неудач, с одной стороны, и ответственностью за их преодоление — с другой. Причина неудачи — это область прошлого, уже случившегося, произошедшего. Тогда как ответственность за преодоление неудачи лежит в области настоящего и будущего. Кроме того, всеобъемлющий контроль, который характеризует высокий уровень интернальности, лежит в основе многочисленных конфликтов — как внутриличностных, так и межличностных. Менеджеры с очень высоким уровнем интернальности отличаются сверхответственностью, зачастую они не могут доверить подчиненным принятие самостоятельных решений, недооценивают их способности и возможности. Такие руководители принимают на себя всю тяжесть ответственности за решение всевозможных проблем, а это, в свою очередь, ведет к физическому и эмоциональному истощению и никак, естественно, не приводит к чувству удовлетворения и радости от работы [Реан А.А., 1999].

Мотивация к достижению — это мотивация, которая направлена на достижение максимально возможной эффективности любого вида деятельности, направленной на достижение определенного результата, к которой может применяться критерий успешности [Гордеева Т.О., 2002]. Мотив достижения — как стабильная черта характера — впервые был обозначен Г.А. Мюрреем. Уже в 1938 г. Г. Мюррей включил его в список потребностей под названием «потребности достижения». Центральными понятиями в его мотивационных исследованиях являются потребность индивида и давление ситуации. Содержание понятия «потребность» определяется желаемым целевым состоянием отношения «личность – окружающая среда», а понятие «давление» — целевым состоянием ситуации, к которому можно стремиться или которого необходимо бояться. Потребности вызывают соответствующее поведение, которое должно принести желаемое удовлетворение. Он описывает потребность в достижении следующим образом: «Справляться с чем-то трудным. Справляться с физическими объектами, людьми или идеями, манипулировать ими или организовывать их. Делать это настолько быстро и независимо, насколько это возможно. Преодолевать препятствия и достигать высокого уровня. Превосходить самого себя. Соревноваться с другими и превосходить их. Увеличивать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей» [Murray H.A., 1938, p. 164]. Более того, он был инициатором изучения мотивации достижения и создал тематический апперцептивный тест в начале 50-х гг. Макклелланд и его соавторы превратили его в инструмент для измерения мотивов (J. Atkinson, R.A. Clark, E.L. Lowell, D.C. McClelland) [McClelland D. et al., 1976].

Мы видим, таким образом, что мотивация достижения изначально рассматривалась сквозь призму преодоления препятствий и преодоления самого себя. Это позволяет нам поставить вопрос об их соотношении у такой важной социально-профессиональной группы, как современные руководители.

Мотивация достижения является системной характеристикой личности. Ее структура сложна по составу, она включает в себя:

– постоянные личные диспозиции — степень индивидуального выражения мотивов

успеха и избегания неудачи, сила потребности достижения;

– ситуативные, прямые детерминанты поведения — ожидание или вероятность, субъективная мотивационная ценность будущих успехов или неудач: их привлекательность, ожидание будущих последствий действий.

Такие факторы, как локализация контроля, уровень притязаний и самооценка личности, ригидность или лабильность деятельности, принятие своей ответственности за результаты деятельности, также связаны с выраженностью мотивации достижения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении структуры связей между копинг-стратегиями и интернальностью-эстернальностью и мотивацией к успеху и боязнью неудач у руководителей.

Научная новизна. Выявлена структура взаимосвязей социально-психологических характеристик и копинг-стратегий руководителей. Впервые рассмотрено соотношение стратегий и характеристик, указанных в работе.

Гипотеза. Копинг-стратегии, направленные на решение проблем, должны быть прямо связаны с интернальностью и мотивацией достижения, а копинг-стратегии, направленные на избегание проблемы, обратно связаны с интернальностью и мотивацией достижения.

Выборка. В исследовании принимали участие в период с июня по ноябрь 2017 г. слушатели президентской программы «Стратегический менеджмент» при Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан в количестве 96 чел.: 58 мужчин и 38 женщин, средний возраст по выборке составил 34,8 года.

Методики исследования

1. Методика WCQ (Ways of Coping Questionnaire, 1985) или «Опросник способов совладания» [Крюкова Т.Л., 2010]. (Folkman и Lazarus, 1985, адаптация Т.Л. Крюковой). Методика является первым стандартизированным опросником в сфере измерения копинга и выявляет две основные стратегии совладания — эмоционально-фокусированный и проблемно-фокусированный копинг в стрессовых ситуациях, например, потеря работы, болезнь, боль и т.д.

Последний вариант 1988 г. включает в себя 50 вопросов и состоит из 8 шкал, полученных эмпирическим путем:

– конфронтативный копинг (6 вопросов) характеризуется агрессивными усилиями для изменения ситуации;

– поиск социальной поддержки (6 вопросов) как усилия обрести эмоциональный комфорт и информацию от других;

– планирование решения проблемы (6 вопросов);

– самоконтроль (7 вопросов);

– дистанцирование (6 вопросов);

– позитивная переоценка прежде всего своих собственных возможностей (7 вопросов);

– принятие ответственности (4 вопроса);

– избегание;

– уход как фантазирование, еда, алкоголь, курение, наркотики или лекарства (8 вопросов).

Данные шкалы разделены на 3 группы по таким основным критериям — решение проблемы, поиск и использование социальной поддержки, регулирование эмоций: 1. Планомерное решение проблемы (одна шкала). 2. Поиск социальной поддержки (одна шкала). 3. Шесть эмоционально-фокусированных шкал.

2. Методика многомерного измерения копинга CISS (Coping Inventory for Stressful Situations в переводе Т.Л. Крюковой называется «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» или сокращенно: КПСС — опросник обобщенных реакций) [Крюкова Т.Л., 2010] была разработана одним из ведущих канадских специалистов в сфере психологии здоровья и клинической психологии Норманом С. Эндлером в соавторстве с Дж.А. Паркером в 1990 г. Она предназначена для испытуемых старше 18 лет и состоит из 48 утверждений, которые группируются в три (по 16 утверждений) шкалы. Считается, что опросник надежно измеряет три основных стиля совладающего поведения: стиль, ориентированный на решение задачи, проблемы (проблемно-ориентированный стиль или копинг); эмоционально-ориентированный стиль; копинг, ориентированный на избегание (данные нами сокращения — ПОК, ЭОК и КОИ).

3. Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (УСК) (адаптирована Е.Ф. Бажиным, С.А. Голынкиной, А.М. Эткин-дом) [Практическая психодиагностика..., 2001]. Методика УСК включает 44 вопроса, по ответам на которые делается вывод о степени выраженности у испытуемого следующих диагностических показателей или шкал:

1) Ио — шкала общей интернальности;

2) Ид — шкала интернальности в области достижений;

3) Ин — шкала интернальности в области неудач;

4) Ис — шкала интернальности в семейных отношениях;

5) Ип — шкала интернальности в производственных отношениях;

6) Им — шкала интернальности в области межличностных отношений;

7) Из — шкала интернальности в отношении здоровья и болезни;

8) Мотивация успеха и боязнь неудачи. Опросник А.А. Реана [Практическая психодиагностика..., 2001] включает в себя 21 вопрос и измеряет уровень мотивации успеха и боязни неудач. Определяет ведущую мотивацию: либо

на достижение результата, либо на избегание ошибок и неудач.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета SPSS Statistics 23.0 по критерию r_{xy} Пирсона.

Анализ и обсуждение результатов

Для достижения цели исследования и проверки выдвинутой гипотезы нами была проведена диагностика предпочитаемых испытуемыми копинг-стратегий и уровня субъективного контроля и мотивации к успеху и боязни неудач. Полученные данные были подвергнуты математической обработке путем вычисления r_{xy} Пирсона.

Результаты проведенного корреляционного анализа представлены в таблице.

Эмпирические значения r_{xy} Пирсона

Копинг-стратегии	Мотивация успеха (А.А. Реан)	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Конфронтативный копинг								
Дистанцирование	-,277**	-,368**		-,390**		-,367**		
Самоконтроль								
Поиск социальной поддержки								
Принятие ответственности								
Бегство – избегание	-,282**	-,271*				-,331**		
Планирование решения проблемы	,291**	,326**			,276**			
Положительная переоценка	,293**	,269*						
Проблемно-ориентированный копинг – ПОК	,343**	,423**	,352**	,273*		,337**		
Эмоционально-ориентированный копинг – ЭОК	-,281**	-,495**	-,528**		-,301**	-,503**		
Копинг, ориентированный на избегание – КОИ								

Примечание: Ио — шкала общей интернальности, Ид — шкала интернальности в области достижений, Ин — шкала интернальности в области неудач, Ис — шкала интернальности в семейных отношениях, Ип — шкала интернальности в производственных отношениях, Им — шкала интернальности в области межличностных отношений, Из — шкала интернальности в отношении здоровья и болезни.

* — при $p \leq 0,05$
 ** — при $p \leq 0,01$.

Наличие обратной связи копинг-стратегии дистанцирования с мотивацией к успеху является закономерным следствием того простого факта, что когда человек не заинтересован или, точ-

нее говоря, обладает низким уровнем заинтересованности в достижении цели, тогда он отстраняется от решения проблем, связанных с тем, чтобы преодолеть трудности и достичь желае-

мого результата и успеха. Отсутствие сильной мотивации к достижению успеха ведет к отстранению от трудной жизненной ситуации и обесцениванию ее значимости для субъекта. Руководители обладают высоким уровнем мотивации достижения и поэтому практически не используют копинг-стратегию дистанцирование.

Обратная корреляция между дистанцированием и общей интернальностью характеризует тот факт, что, чем большую ответственность берет на себя субъект в процессе совладания, тем с меньшей вероятностью он будет дистанцироваться от разрешения трудной ситуации. То есть руководители, принимая на себя ответственность за ситуацию, неизбежно включаются в нее, минимально используя копинг-стратегию дистанцирование. Данная особенность руководителей характеризует их локус контроля в области неудач и производственных отношений. В этих областях они в наименьшей степени готовы дистанцироваться от ситуации, о чем свидетельствует наличие обратной взаимосвязи.

В отличие от стратегии дистанцирования, в стратегии бегство-избегание субъект пытается уйти в фантазии, в иллюзию того, что проблемы не существуют вовсе. Однако для того чтобы добиться успеха в решении сложных жизненных задач, необходимо их признавать, ясно видеть и брать на себя ответственность за их выполнение. Поскольку была выявлена отрицательная корреляция между бегством-избеганием и мотивацией к успеху и общей интернальностью, можно сделать вывод о том, что профессиональная деятельность руководителя требует от него брать на себя ответственность, ясно осознавать и признавать наличие проблемы.

Положительная связь между планированием решения проблемы и мотивацией успеха свидетельствует о том, что, для того чтобы успешно решать стоящие перед руководителем профессиональные задачи, ему необходимы проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблемы. Кроме того, копинг-стратегия планирование решения проблем для своей реализации требует наличия у руководителя способности брать на себя ответственность. Планируя решение проблемы, субъект уже включается в ее преодоление, тем самым беря на себя ответственность за совладание с ситуацией.

Связь положительной переоценки с мотивацией успеха можно объяснить тем, что в рамках данной копинг-стратегии субъект пытается найти положительные моменты, пользу, плюсы и выгоды той сложной ситуации, в которой он оказался. Мотивация успеха, в свою очередь, также характеризуется стремлением индивида в любой ситуации найти что-то положительное, на что можно было бы опереться в достижении своей цели. Поэтому в этой точке копинг-стратегии положительная переоценка и мотивация успеха обладают схожими характеристиками, следствием чего и является наличие прямой корреляционной связи.

Проблемно-ориентированный копинг положительно связан как с мотивацией успеха, так и с принятием на себя ответственности за решение проблемы. Объяснить это можно тем, что данная копинг-стратегия характеризуется восприятием субъектом ситуации в качестве проблемы, в решение которой он погружается. Мотивация успеха, как и принятие на себя ответственности, в свою очередь, тоже связана с решением проблемы. Суть мотивации успеха заключается в том, чтобы добиваться результата. А это возможно только в том случае, если субъект воспринимает трудную жизненную ситуацию как задачу, которую необходимо решить. При этом невозможно решить задачу, не беря на себя ответственность.

Выводы

1. Чем выше уровень мотивации успеха, тем больше вероятность того, что руководители будут использовать такие копинг-стратегии, как положительная переоценка, планирование решение проблемы, проблемно-ориентированный копинг.

2. Чем выше уровень мотивации избегания неудач, тем больше вероятность того, что руководители в процессе совладания будут прибегать к таким стратегиям, как дистанцирование, бегство-избегание, эмоционально-ориентированный копинг.

3. Чем выше уровень внутреннего локуса контроля, тем больше вероятность использования руководителями таких копинг-стратегий, как планирование решение проблемы, положительная переоценка и проблемно-ориентированный копинг.

4. Чем выше уровень внешнего локус контроля, тем больше вероятность использования руководителями таких копинг-стратегий, как дистанцирование, бегство-избегание, эмоционально-ориентированный копинг.

Список литературы

Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал Т. 15, № 1. 1994. С. 3–19.

Волкова Н.В. Coping strategies как условие формирования идентичности // Мир психологии. 2004. № 2(38). С. 119–124.

Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы. // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 47–102.

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. 2-е изд., испр., доп. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова: Авантитул, 2010. 64 с.

Кудашев А.Р. Диалогические и коммуникационные компетенции менеджеров: социально-психологические аспекты // Международный научно-практический семинар «Психология диалога и мир человека». 2015. № 1(33). С. 63–69.

Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.

Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30.

Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2001. 672 с.

Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / ред. А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

Реан А.А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4. С. 3–11.

Реан А.А. Психология изучения личности: учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.Л. Михайлова, 1999. 288 с.

Cohen F. Measurement of coping // Stress and Coping: An Anthology / ed. by A. Monat, R.S. Lazarus. N.Y., 1991. P. 228–244. DOI: 10.1097/00006842-197309000-00002.

Lazarus R.S., Folkman S. The concept of coping // Stress and Coping: An Anthology / ed. by A. Monat, R.S. Lazarus. N.Y., 1991. P. 189–206. DOI: 10.1017/s0141347300015019.

McClelland D., Atkinson J.W., Clark R.A., Lowell E.L. The achievement motive. N.Y., 1976. 386 p. DOI: 10.1017/cbo9781139878289.009.

Murray H.A. Explorations in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305067.001.0001.

Rotter G.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs. 1966. Vol. 80, no. 1. P. 1–28. DOI: 10.1037/h0092976.

Получено 08.02.2018

References

Antsyferova, L.I. (1994). *Lichnost v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zaschita* [Personality in difficult living conditions: re-thinking, transformation of situations and psychological defense]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 5, no. 1, pp. 3–19.

Cohen F. (1991). Measurement of coping. *Stress and Coping: An Anthology*, ed. by A. Monat, R.S. Lazarus. New York, pp. 228–244. DOI: 10.1097/00006842-197309000-00002.

Gordeeva, T.O. (2002). *Motivatsiya dostizheniya: teorii, issledovaniya, problemy* [Motivation of achievement: theory, research, problems]. *Sovremennaya psikhologiya motivatsii / pod red. D.A. Leonteva* [Modern psychology of motivation, ed. by D.A. Leont'ev]. Moscow: Smysl Publ., pp. 47–102.

Kryukova, T. L. (2010). *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri kopinyng-shkaly* [Methods of studying coping behavior: three coping-scales]. Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasova Publ., Avanti Publ., 64 p.

Kudashov, A.R. (2015). *Dialogicheskie i kommunikatsionnye kompetentsii menedzherov: sotsialno-psikhologicheskie aspekty* [Dialogic and communication competence of managers: socio-psychological aspects]. *Mezhdunarodniy nauchno-prakticheskiy seminar «Psikhologiya dialoga i mir cheloveka»* [International scientific-practical seminar «Psychology of dialogue and the world of man»]. No. 1(33), pp. 63–69.

Lazarus, R.S. and Folkman, S. (1991). The concept of coping. *Stress and Coping: An Anthology*, ed. by A. Monat, R.S. Lazarus. New York, pp. 189–206. DOI: 10.1017/s0141347300015019.

McClelland, D. et al. (1976). *The achievement motive*. New York, 386 p. DOI: 10.1017/cbo9781139878289.009.

Murray, H.A. (1938). *Explorations in personality*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305067.001.0001.

Muzdybaev, K. (1938). *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility] Leningrad: Nauka Publ., 240 p.

Nartova-Bochaver, S.K. (1997). «Coping behavior» в системе понятий психологии личности [«Coping behavior» in the system of concepts of personality psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 18, no. 5, pp. 20–30.

Raygorodskiy, D.Ya. (ed.). (2001). *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara: ВАИРАН-М Publ., 672 p.

Rean, A.A. (1998). *Problemy i perspektivy razvitiya kontseptsii lokusa kontrolya lichnosti* [Problems and perspectives of development of the concept of the locus of personality control]. *Psikhologicheskii*

zhurnal [Psychological journal]. Vol. 19, no. 4, pp. 3–11.

Rean, A.A. (1999). *Psikhologiya izucheniya lichnosti* [Psychology of the study of personality]. St. Petersburg: V.L. Mihaylov's Publ., 288 c.

Rean A.A., Kudashev A.R. and Baranov A.A. (ed.). (2006). *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika* [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice]. St. Petersburg: PRAYM-EVROZNAK Publ., 479 p.

Rotter, G.B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological monographs*. Vol. 80, no. 1, pp. 1–28. DOI: 10.1037/h0092976.

Volkova, N.V. (2004). *Coping strategies kak uslovie formirovaniya identichnosti* [Coping strategies as a condition for the formation of identity]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 2(38), pp. 119–124.

Received 08.02.2018

Об авторе

Кроповницкий Олег Владимирович

аспирант кафедры общей и социальной психологии, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 450008, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а;

старший преподаватель кафедры менеджмента и социальной психологии, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 450057, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 40;

e-mail: olegkrop@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-1504>

About the author

Oleg V. Kropovnitsky

Ph.D. Student of the Department of General and Social Psychology, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla; 3a, October revolution str., Ufa, 450008, Republic of Bashkortostan, Russia;

Senior Lecturer of the Department of Management and Social Psychology, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Auspices of the Republic of Bashkortostan, 40, Zaki Validi str., Ufa, 450057, Republic of Bashkortostan, Russia;

e-mail: olegkrop@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-1504>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кроповницкий О.В. Взаимосвязь копинг-стратегий, локуса контроля и мотивации достижения у руководителей // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 541–549. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-541-549

For citation:

Kropovnitsky O.V. Correlation of cope-strategies, locus of control and motivation of achievement at managers // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 541–549. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-541-549

УДК 159.94

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-550-561

ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРЫ ПРОКРАСТИНАЦИИ

Руднова Наталья Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В исследовании при рассмотрении саморегуляции как значимого системообразующего деятельности феномена и предиктора ее эффективности поднимается вопрос о наличии связи саморегуляции с прокрастинацией, которая, исходя из ее отличительных признаков, неизбежно эту эффективность снижает. Исследование проводилось в период с 2017 по 2018 г., сбор эмпирических данных произведен в формате интернет-тестирования. Общая выборка состояла из 541 человек, возраст участников исследования варьируется от 17 до 60 лет ($M = 24,33$; $SD = 6,96$), 59,3 % женщин. В качестве психодиагностического инструментария использовались Шкала общей прокрастинации К.Х. Лэй в адаптации О.С. Виндекер, М.В. Останиной и опросник «Стиль саморегуляции поведения», разработанный В.И. Моросановой с коллегами. Результаты теоретического анализа свидетельствуют о правомерности выдвижения подобной гипотезы. Анализ полученных данных позволяет утверждать, что недостаточное развитие компонентов саморегуляции снижает общий уровень саморегуляции на любом этапе деятельности, что может проявиться в форме прокрастинации — откладывании выполнения запланированных действий на более поздний срок. Кроме того, найдены половые различия по уровню прокрастинации в контексте оценивания результатов.

Ключевые слова: деятельность, прокрастинация, саморегуляция, планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность, половые различия.

SELF-REGULATION'S CHARACTERISTICS OF ACTIVITY AS FACTORS OF PROCRASTINATION

Natalya A. Rudnova

Perm State University

The author regards self-regulation as a significant personality characteristic which plays one of the leading roles in different kinds of activity and determines results. At the same time, procrastination viewed as postponing of planned actions until a later date reduces effectiveness and success. This study aims to clarify the relation between self-regulation and procrastination. The purpose is to prove that self-regulation components are the predictors for procrastination. The data was collected from 2017 to 2018 via the Internet by means of the survey service SurveyMonkey. The sample consists of 541 persons, the age of the participants of the study varies from 17 to 60 ($M = 24.33$; $SD = 6.96$), 59.3 % of them being women. The scale of general procrastination by C.H. Lay and the questionnaire «Style of self-regulation of behavior», developed by V.I. Morosanova were used. The results of theoretical analysis prove the validity of the hypothesis. Data analysis shows that the lack of development of self-regulation components stimulates procrastination. In addition, the level of procrastination was found to be connected with sex of the respondents.

Keywords: activity, procrastination, self-regulation, planning, modeling, programming, evaluating of results, plasticity, self-dependence, sex differences.

Философская категория «практики», понимаемая как специфически человеческий способ бытия в мире, которая обладает сложной системной организацией и представляет собой

преобразование окружающего мира [Философский словарь..., 1991, с. 358–359], с точки зрения психологического подхода обретает более конкретное понимание в виде целенаправлен-

ной активности — деятельности — и рассматривает человека в качестве источника этой активности. При этом поднимаются более частные вопросы, связанные с изучением мотивации, особенностей протекания, регуляции, организации, результативности [Леонтьев А.Н., 1975], а также роли личностных черт в деятельности. Одним из таких феноменов является прокрастинация — склонность откладывать запланированные дела на более поздний срок.

Прокрастинация как психологическое явление активно изучается с 80-х гг. XX в., после того, как сначала в 1977 г. вышла книга А. Эллиса и У.Дж. Науса «Преодоление прокрастинации», представляющая собой руководство для психотерапевтов и их клиентов [Ellis A., Knaus W.J., 1977], а затем в 1983 г. Дж. Бурка и Л. Юэн выпустили книгу «Прокрастинация: что это такое и как с ней бороться» [Burka J.B., Yuen L.M., 1983]. С тех пор проблема прокрастинации привлекает внимание как практикующих психологов, так и ученых-исследователей.

Представления о прокрастинации в настоящее время включают в себя различные подходы к пониманию природы данного феномена, вот некоторые из них: Дж. Феррари связывал прокрастинацию со стремлением человека к «острым» ощущениям и переживанию активизации, которое появляется при сжатых сроках выполнения [Ferrari J.R., 1992], К. Лэй с коллегами интерпретировали прокрастинацию как «мятеж» — отказ от действий, основанный на внешнем давлении или несправедливом, с точки зрения человека, обращении [Lay C.H., 1986], П. Стил предлагал рассматривать в качестве прокрастинации стремление к сиюминутному удовольствию [Steel P., 2007], особенно если в отношении более отдаленного события имеется негативный опыт. При анализе работ отечественных авторов выяснилось, что у них также нет единого мнения: О.С. Виндекер и М.В. Останина относят прокрастинацию к негативным характеристикам, влияющим на успешность деятельности человека [Виндекер О.С., Останина М.В., 2014]. Н.Г. Гаранян при исследовании перфекционизма отнесла прокрастинацию к дезадаптивным стратегиям совладания со стрессом [Гаранян Н.Г. и др., 2009], Н.Н. Карловская и Р.А. Баранова под прокрастинацией подразумевают комплексный, неоднородный в психологическом плане феномен,

включающий в себя поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты, тесно связанный с мотивационной сферой личности [Карловская Н.Н., Баранова Р.А., 2008].

При отсутствии единого определения многие авторы, занимающиеся проблемой прокрастинации, выделяют следующие ее отличительные особенности: прокрастинацией является только то, что связано с временными ограничениями и не может быть выполнено в любой другой момент времени — внесение изменений в планы или смена приоритетов прокрастинацией не является; решение не выполнять то или иное действие всегда принимается человеком самостоятельно и не зависит от внешних обстоятельств; иррациональность или нелогичность откладывания — прокрастинатор предвосхищает негативные последствия, которые всегда за собой влечет подобное промедление; субъективное ощущение внутреннего дискомфорта и негативные эмоциональные переживания, связанные с ситуацией, качественно отличают прокрастинацию от лени [Steel P., 2007].

Кроме многочисленных попыток дать объемное, всестороннее определение прокрастинации, существует много как теоретических, так и эмпирически проверенных авторских подходов к классификации прокрастинации. Н. Милграм, Дж. Батори и Д. Моурер первыми выделили 5 основных типов прокрастинаций [Milgram N.A. et al, 1993] в зависимости от сферы проявления, но, поскольку не было выделено маркеров, определяющих особенности данных типов прокрастинации, позднее данная классификация была пересмотрена и оставлено только два типа откладывания: прокрастинация заданий и прокрастинация решений [Milgram N., Tenne R., 2000]. Я.И. Варваричевой была предложена классификация сфер проявления прокрастинации: учебная, трудовая, социальная, бытовая [Варваричева Я.И., 2010]. Дж. Феррари с соавторами в основу своей типологии положили стратегии поведения людей в ситуации откладывания и предложили три типа прокрастинаторов: «искатели острых ощущений», «нерешительные» и «избегающие» прокрастинаторы [Ferrari J.R., 1991]. К вышеописанным можно добавить еще ряд типологий прокрастинаторов, но мы не будем останавливаться на них подробно, поскольку это не является основным предметом настоящей работы [Chu A.H.C., Choi J.N., 2005; Ильин Е.П., 2011].

К задачам по операционализации термина и классификации стратегий поведения прокрастинаторов по мере роста объема накопленных эмпирических данных добавляются задачи систематизации результатов многочисленных исследований, выполненных в русле проблемы прокрастинации [Steel P., 2007; Дементий Л.И., Карловская Н.Н., 2013]. Л.И. Дементий и Н.Н. Карловская, изучая прокрастинацию в связи с особенностями временной регуляции, выделили три основных направления: культурологическое, психофизиологическое и ситуационно-личностное [Дементий Л.И., Карловская Н.Н., 2013]. П. Стил предложил другую дифференциацию эмпирических исследований: исследование ситуативных причин (сюда можно отнести анализ общих ситуативных факторов, в частности — изучение характеристик задач, способствующих прокрастинации), социально-культурные и демографические различия [Ferrari J.R., 1992; Chu A.H.C., Choi J.N., 2005; Steel P., 2007], последствия прокрастинации и индивидуально-личностные особенности самих прокрастинаторов [Steel P., 2007].

Из теоретического анализа материалов публикаций по данной теме можно сделать вывод, что наиболее изученными направлениями на сегодняшний день являются поиск ситуативных причин прокрастинации и изучение индивидуальных и личностных особенностей прокрастинаторов [Варваричева Я.И., 2010; Тащилина Е.А., 2014; Steel P., 2007]. Изучение прокрастинации, изначально имеющее чисто практическую актуальность и накопившее уже солидный багаж данных, в настоящее время требует скорее более глубокого теоретического осмысления и разносторонних, но при этом целостных эмпирических исследований, чем разработок частных гипотез.

Одним из ключей к пониманию механизмов образования и функционирования прокрастинации может стать рассмотрение ее в контексте концепции саморегуляции деятельности человека, разработанной О.А. Конопкиным, В.И. Моросановой и др. [Моросанова В.И., 2012].

Авторы данной концепции саморегуляцию представляют в широком смысле как интегративные психические явления, процессы и состояния, которые обеспечивают самоорганизацию различных видов психической активности человека, целостность индивидуальности и

становление бытия [Психология саморегуляции..., 2011].

Подобный взгляд отчетливо отражает субъектный подход к пониманию природы человека — способность самостоятельно и осознанно решать сложные проблемы в процессе своей жизнедеятельности посредством выдвижения целей активности и управления их достижением. О.А. Конопкин отдельно отмечал, что в ходе саморегуляции не просто отражаются отдельные осуществляемые акты — выделяются их рационально-логические и личностно-ценностные основания, а сами деятельностные акты соотносятся с контекстом целостной системы личностных потребностей и ценностей, смысловых установок и убеждений [Конопкин О.А., 2007]. Благодаря подобной интерпретации саморегуляция представляется одной из фундаментальных психологических категорий, определяющих триединство человека как индивидуальности, субъекта и личности.

В контексте исследования общих закономерностей психики саморегуляция рассматривается как многоуровневая динамическая система психических процессов по инициации, длительному поддержанию и контролю активности, направленная на достижение принятой субъектом цели [Психология саморегуляции..., 2011], осуществляется на основе переработки поступающей информации.

О.А. Конопкиным была разработана структурно-функциональная модель системы саморегуляции деятельности, в которую в качестве функциональных компонентов входили цели деятельности, модели значимых условий, программы исполнительских действий, критерии успешности, оценивания результатов и коррекции действий [Конопкин О.А., 1980]. Позже В.А. Моросанова выявила, что на стилевые особенности саморегуляции принципиальное влияние оказывают такие регуляторно-личностные качества, как гибкость, самостоятельность, ответственность, рефлексивность и др. [Моросанова В.И., 2012], что также находит отражение в современных представлениях о саморегуляции.

Если саморегуляция является значимым системообразующим деятельностью феноменом и предиктором ее эффективности [Психология саморегуляции..., 2011], то возникает гипотеза о существовании связи с прокрастинацией, которая, исходя из ее отличительных признаков, неизбежно эту эффективность снижает.

Возвращаясь к авторским определениям и классификациям прокрастинации, можно заметить, что исследователи рассматривают прокрастинацию чаще всего через попытку объяснить частные поведенческие акты, когнитивные процессы и эмоциональные состояния: стремление к переживаниям, к удовольствию, сопротивление внешнему давлению, попытка справиться со стрессом. Можно предположить в таком случае, что саморегуляция является более масштабным образованием, чем прокрастинация, последняя — скорее частный случай нарушения саморегуляции, «сбой» в работе одного из ее «звеньев» или всей системы.

Подобные рассуждения подтверждаются результатами ряда исследований [Барабанщикова В.В. и др., 2015]: например, у Ю.С. Ошемковой прокрастинация рассматривается как противоположный полюс саморегуляции [Ошемкова Ю.С., 2004], у М.М. Пурецкого в качестве основы нарушения саморегуляции называющего низкую сознательность, высокую импульсивность и недостаток когнитивного контроля [Пурецкий М.М., 2015].

Хотя количество эмпирических исследований, направленных на изучение взаимосвязей прокрастинации и саморегуляции, выполненных на «российской выборке», небольшое, полученные результаты свидетельствуют об однородности тенденции — высокий уровень прокрастинации неизбежно связан с низким уровнем показателей саморегуляции [Горбунова А.А., 2010]. В частности, Е.В. Гончарова с коллегами в ходе исследования особенностей прокрастинации учебных заданий не только обнаруживают отрицательную связь волевой саморегуляции и прокрастинации, но и выдвигают гипотезу о возможной трансформации ситуативно обусловленной прокрастинации, регулируемой на младших курсах настойчивостью студента, в личностно обусловленную прокрастинацию студента старших курсов, которая вытесняет волевую регуляцию и становится определяющей в учебной деятельности [Гончарова Е.В., Венгренюк М.М., 2017].

Зарубежные исследователи также занимаются разработкой проблемы саморегуляции и прокрастинации. Хотя анализ ряда подобных исследований уже проводился нами в предыдущих работах [Корниенко Д.С., Руднова Н.А., 2018], стоит еще раз отметить, что К. Лэй и Г.К. Шоуенбург обнаружили отрицательную

связь прокрастинации с планированием, постановкой целей и определением приоритетов, а также с распределением времени на решение поставленной задачи [Lay C.H., Schouwenburg H., 1993]. Баумейстер Р. с коллегами в результате исследования пришли к выводу, что прокрастинация является одним из видов нарушения саморегуляции. Рассматривая саморегуляцию как процесс, основанный на обратной связи и обеспечивающий стабильное функционирование различных систем (когнитивных, эмоциональных и т.д.), а также возможность адаптировать, изменять работу этих систем, они предполагают, что прокрастинация является одной из форм сбоя саморегуляции, основанной на отсутствии обратной связи [Baumeister R.F., Heatherton T.F., 1996].

Теоретическое предположение о наличии обратной связи между саморегуляцией и прокрастинацией, хотя и находит свое подтверждение в ряде эмпирических исследований, требует воспроизведения на отечественной выборке с опорой на основные положения концепции саморегуляции, разработанные О.А. Конопкиным и В.А. Моросановой. При этом возникает ряд вопросов, связанных с характером этой взаимосвязи: является ли прокрастинация частным случаем нарушения навыков организации собственной деятельности или откладывание дел на более поздний срок становится в противовес саморегуляции как независимый феномен; одинаково значимыми ли являются каждый из функциональных компонентов саморегуляции относительно прокрастинации и какую роль выполняют регуляторно-личностные качества в ситуации промедления?

Организация исследования

Исследование проводилось с 2017 по 2018 г., сбор эмпирических данных происходил в формате интернет-тестирования: респонденты переходили по предложенной организаторами исследования ссылке, где могли вписать псевдоним, что обеспечивало анонимность, которая выступает в данном случае дополнительным критерием достоверности данных, и заполняли электронные бланки опросников. Интернет-опрос проводился с помощью сайта опросов Survey Monkey.

Общая выборка состояла из 541 человек, возраст участников исследования варьируется от 17 до 60 лет ($M = 24,33$; $SD = 6,96$), 59,3 % женщин.

Методы исследования

Шкала общей прокрастинации К.Х. Лэй в адаптации О.С. Виндекер, М.В. Останиной была использована для выявления степени выраженности склонности откладывать запланированные дела [Виндекер О.С, Останина М.В., 2014]. Опросник является одномерным и состоит из 20 утверждений, касающихся прокрастинации в различных обстоятельствах. Респондентам предлагается оценивать по 5-балльной шкале Лайкерта свое согласие с каждым утверждением: от 1 — не согласен до 5 — согласен. Шкала демонстрирует высокую надежность α (альфа) Кронбаха = 0,94 [Виндекер О.С, Останина М.В., 2014].

Опросник «Стиль саморегуляции поведения», разработанный В.И. Моросановой с коллегами [Моросанова В.И., 2004], использован с целью диагностики степени развития каждого функционального компонента саморегуляции и соответствующего ему регуляторного процесса. Опросник состоит из 46 вопросов, которые оцениваются по 4-балльной шкале: 1 — «неверно», 4 — «верно».

Методика включает в себя 6 шкал: Планирование, Моделирование, Программирование, Оценивание результатов, Гибкость и Самостоятельность. Опросник может работать как единая шкала, оценивая общий уровень саморегуляции, который отражает уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности. Внутренняя согласованность шкал методики, выявленная на основе вычисления коэффициента альфы Кронбаха, варьируется от 0,60 до 0,68 [Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., 2015].

В рамках данного исследования использовался корреляционный анализ К. Пирсона для определения специфики взаимосвязей между общим уровнем прокрастинации и компонента-

ми саморегуляции. С целью выделения регуляционных предикторов прокрастинации применялся иерархический регрессионный анализ. Выявление различий в саморегуляции и прокрастинации у мужчин и женщин проводилось при помощи t-критерия Стьюдента. Для статистической обработки данных использовались программные пакеты IBM SPSS Statistics.

Результаты

С целью выявления взаимосвязей прокрастинации и компонентов саморегуляции был проведен корреляционный анализ.

В табл. 1 отражены связи, обнаруженные в ходе анализа: прокрастинация отрицательно коррелирует как с общим показателем саморегуляции ($r = -0,578, p \leq 0,05$), так и со всеми функциональными компонентами саморегуляции, исключая самостоятельность. Кроме того, связи прокрастинации с полом и возрастом не обнаружено.

Иерархический регрессионный анализ был проведен с целью выявления значимых предикторов прокрастинации среди компонентов саморегуляции путем последовательного включения пола, возраста и других параметров (табл. 2). Пол и возраст рассматриваются в качестве дополнительных независимых переменных, контролирующих влияние на зависимую.

Результаты регрессионного анализа показывают, что совокупность всех переменных объясняет порядка 33 % дисперсии, при этом уровень прокрастинации не зависит от самостоятельности, но все остальные компоненты саморегуляции — моделирование, программирование, планирование, оценка результата и гибкость — являются для него предикторами. Кроме того, на этапе включения в рассматриваемую модель такого параметра, как оценивание результатов, значимым параметром становится пол.

Таблица 1. Взаимосвязи показателей общего уровня прокрастинации и компонентов саморегуляции

Показатель	Среднее арифметическое	Степень отклонение	Прокрастинация
Планирование	2,739	0,462	-0,356*
Моделирование	2,636	0,404	-0,412*
Программирование	2,780	0,357	-0,453*
Оценивание результатов	2,797	0,384	-0,395*
Гибкость	2,864	0,390	-0,252*
Самостоятельность	2,674	0,424	0,018
Общий показатель саморегуляции	2,773	0,257	-0,578*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,005$; *** $p < 0,001$.

Таблица 2. Иерархический регрессионный анализ показателей общего уровня прокрастинации и компонентов саморегуляции.

Модель	Предиктор	R2	delta R2	delta F	Beta
1	Возраст	0,000	-0,003	0,005	0,004
2	Возраст	0,008	0,002	1,462	0,013
	Пол				0,088
3	Возраст	0,129	0,122	18,848	0,007
	Пол				0,049
	Планирование				-0,350***
4	Возраст	0,269	0,261	35,028	0,053
	Пол				0,048
	Планирование				-0,303***
	Моделирование				-0,380***
5	Возраст	0,311	0,302	34,331	0,050
	Пол				0,070
	Планирование				-0,191***
	Моделирование				-0,297***
	Программирование				-0,253***
6	Возраст	0,320	0,309	29,700	0,042
	Пол				0,085*
	Планирование				-0,189***
	Моделирование				-0,232***
	Программирование				-0,220***
	Оценивание результатов				-0,126*
7	Возраст	0,330	0,317	26,565	0,028
	Пол				0,088*
	Планирование				-0,189***
	Моделирование				-0,217***
	Программирование				-0,204***
	Оценивание результатов				-0,118*
	Гибкость				-0,105*
8	Возраст	0,330	0,316	23,192	0,028
	Пол				0,088*
	Планирование				-0,191***
	Моделирование				-0,215***
	Программирование				-0,205***
	Оценивание результатов				-0,116*
	Гибкость				-0,106*
	Самостоятельность				0,010

Примечание: * p < 0,05; ** p < 0,005; *** p < 0,001.

Выявление половых различий в саморегуляции и прокрастинации при помощи t-критерия Стьюдента позволило выявить следующие различия: женщины имеют более высокие показатели по параметрам прокрастинации ($t = -2,12$, $p < 0,05$) и оцениванию результатов ($t = 2,83$, $p < 0,05$), мужчины демонстрируют более высокие результаты по шкале «планирование» ($t = -2,28$, $p < 0,05$).

Обсуждение

Особенности взаимосвязей прокрастинации и саморегуляции, выявленные при помощи разных математических анализов, схожи: общий пока-

затель саморегуляции отрицательно связан с прокрастинацией, как и все его функциональные компоненты — планирование, моделирование, программирование и оценивание результатов. Корректная постановка цели, определение значимых условий для ее достижения, построение программы действий и разработка адекватных цели критериев успешности снижает вероятность прокрастинации. Схожие данные обнаружены в работе К.Х. Лэй и Г.К. Шоуэнберг, упоминавшейся выше [Lay C.H., Schouwenburg H., 1993]. Среди отечественных авторов подобной точки зрения придерживаются Н.Н. Карловская, Р.А. Баранова: они связывают

высокий уровень прокрастинации с недостаточно развитыми механизмами саморегуляции, такими как планирование и целеполагание [Карловская Н.Н., Баранова Р.А., 2008].

Гибкость как регуляторно-личностный компонент саморегуляции также снижает вероятность прокрастинации. Способность менять программу действий в непредвиденных ситуациях, производить переоценку значимых условий, выявлять рассогласование полученных результатов с поставленной целью и производить необходимую координацию деятельности повышают вероятность выполнения дел в указанный срок. Подобный результат интересным образом дополняет данные О.С. Виндекер с коллегами: согласно их выводам, прокрастинаторам характерно действовать скорее интуитивно, без детальной предварительной подготовки, больше ориентируясь по обстоятельствам [Виндекер О.С. и др., 2016]. Таким образом, можно заключить, что склонность действовать спонтанно, импровизировать, не опираясь на заранее продуманный план, с большей вероятностью приведет к прокрастинации, чем способность, учитывая изменяющиеся условия, вносить своевременные изменения в процесс деятельности.

Второй регуляционно-личностный компонент саморегуляции — самостоятельность — не продемонстрировал связи с прокрастинацией. Это можно объяснить тем, что откладывание дел будет происходить независимо от того, склонен ли человек к самостоятельной организации деятельности или ориентируется в этом процессе на окружающих и зависит от внешнего контроля. В наших прошлых исследованиях, посвященных изучению взаимосвязи прокрастинации и мотивации, мы рассматривали мотивацию с точки зрения теории самодетерминации. Согласно данной концепции мотивация представляет собой континуум, на одном полюсе которого располагается амотивация — отсутствие осмысленности, осознанности деятельности и в целом — желания ее выполнять, а на другом — внутренняя мотивация как стремление к удовлетворению трех базовых потребностей — в автономии, компетентности и принятии. Внешняя мотивация является некоторым «промежуточным звеном» и представляет собой скорее стремление к удовлетворению потребности в уважении и самоуважении, при этом «варьирующее по степени относительной автономности» [Гордеева Т.О., 2013, с. 58]. В том же исследовании

нами было выявлено, что прокрастинация снижается как при высокой внешней, так и при высокой внутренней мотивации [Руднова Н.А., 2017], что может служить подтверждением полученных в настоящем исследовании результатов: стремление к автономности как и самостоятельность не является предиктором прокрастинации. Подобные результаты могут подвергнуть сомнению гипотезу К. Лэй о прокрастинации как форме протеста в ситуации внешнего догмата [Семенова Ф.О., 2012] или нарушения границ личностного пространства.

В ходе исследования при добавлении в изучаемую модель одного из компонентов саморегуляции привело к повышению значимости пола как предиктора прокрастинации. Подобные данные позволили предположить наличие различий у мужчин и женщин в особенностях саморегуляции и уровне прокрастинации. Согласно полученным в настоящем исследовании данным женщины меньше, чем мужчины, склонны к детальной разработке цели и удержанию ее на протяжении всей деятельности, но при этом они чаще верно оценивают свои способности и возможности, разрабатывая адекватные критерии оценки достижения результатов. Подобные результаты противоречат данным, полученным С.И. Масловским и А.В. Цветковым. По результатам их работы мужчины имеют более высокие показатели по всем компонентам саморегуляции — как функциональным, так и личностным [Масловский С.И., Цветков А.В., 2017].

Обнаруженные половые различия в прокрастинации свидетельствуют о том, что женщины более склонны к прокрастинации, чем мужчины, хотя из регрессионного анализа видно, что пол становится прогностическим фактором для прокрастинации только в контексте оценивания результатов. Можно предположить, что в процессе деятельности мужчины и женщины равновероятно проявляют склонность к прокрастинации, но, если появляется необходимость оценивать результат деятельности, т.е. проявить критичность по отношению к собственным действиям, адекватно оценить свои способности и возможности, то есть вероятность, что именно женщины пропустят конечные сроки выполнения заданий. Подобные результаты могут свидетельствовать не столько о различии в уровне прокрастинации у мужчин и женщин, сколько о различии в ее причинах: женщины, оценивая последствия своих действий, с большей веро-

ятностью могут обнаружить расхождение между целью и результатом, что, в свою очередь, может стать причиной дезорганизации деятельности и, как следствие, привести к откладыванию выполнения задуманного.

Вопрос о причинах прокрастинации поднимался О.С. Виндекер с коллегами. Они рассматривали причины прокрастинации относительно локуса каузальности, стабильности проявления и степени контроля причин происходящего самим субъектом. Половые особенности были обнаружены только по локусу каузальности: женщины причинами прокрастинации чаще называли внутренние причины: «я не могу сосредоточиться», «я легко отвлекаюсь» [Виндекер О.С. и др., 2016], что вполне соответствует обнаруженным нами результатам: женщины, способные обнаружить действия, не ведущие к достижению цели, называют именно их в качестве причин прокрастинации. Аналогичных данных о мужчинах обнаружить не удалось. Стоит отметить, что итоги отечественных и зарубежных исследований половых особенностей прокрастинации противоречивы: часть исследователей утверждает, что мужчины и женщины не отличаются по уровню прокрастинации [Каяшева О.И., 2016; Тащилина Е.А., 2014; Фишер Я.И., 2014], часть обнаруживает различия [Steel P., Ferrari J., 2013; Ozer B.U. et al, 2009]. Вероятно, подобные противоречия можно разрешить, более подробно рассмотрев причины прокрастинации у мужчин и женщин.

Подводя итоги, можно заключить, что изучение проблемы прокрастинации в контексте саморегуляции находит как теоретические, так и эмпирические основания [Пурецкий М.М., 2015; Rebetez M.M.L. et al, 2015]. Саморегуляция является целостным процессом сознательного управления активностью и состоит из ряда компонентов, каждый из которых несет свою функцию в общей системе [Психология саморегуляции..., 2011]. Недостаточное развитие компонентов саморегуляции снижает уровень саморегуляции, а значит, и осознанности на любом этапе деятельности, что может проявиться в форме прокрастинации — откладывании выполнения запланированных действий на более поздний срок, — что и было подтверждено результатами настоящего исследования.

Преобразование окружающего мира на этапе его реализации зачастую сталкивается не столько со внешними препятствиями, связанными с

особенностями среды, сколько с внутренними, психологическими [Психология саморегуляции..., 2011]. Изучение механизмов их образования и функционирования способствует не просто накоплению знаний — изучение предикторов феноменов, подобных прокрастинации, позволит в дальнейшем разрабатывать практические рекомендации по их преодолению, направленные на повышение личной эффективности и осознанности человека.

Список литературы

Барабанщикова В.В., Останина М.В., Климова О.А. Феномен прокрастинации в деятельности спортсменов индивидуальных и командных видов спорта // Национальный психологический журнал. 2015. № 3(19). С. 91–104.

Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–130.

Виндекер О.С., Останина М.В. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С.Н. Lay (на примере студенческой выборки) // Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии. 2014. № 1(30). С. 116–126.

Виндекер О.С., Сморгалова Т.Л., Лебедев С.Ю. Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2(150). С. 98–108.

Гаранян Н.Г., Андрюшенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 23–32.

Гончарова Е.В., Венгренюк М.М. К вопросу о взаимосвязи прокрастинации и мотивации у студентов // Роль инноваций в трансформации современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конференции. Уфа: НИЦ АЭТЕРНА, 2017. Ч. 6. С. 73–78.

Горбунова А.А. Взаимосвязь интеллекта и прокрастинации в группах с различной выраженностью прокрастинации // Ломоносов 2010: матер. Междунар. молодежного научного форума / отв. ред. И.А. Алешковский и др. М., 2010. URL: <http://psy.hse.ru/data/2011/06/23/1215455869/Тезисы%20конференции%20Ломоносов-2010%20Горбуновой%20Анны.pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, меха-

низмы, условия развития: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 444 с.

Дементий Л.И., Карловская Н.Н. Особенности ответственности и временной перспективы у студентов с разным уровнем прокрастинации // Психология обучения. 2013. № 7. С. 4–19.

Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Карловская Н.Н., Баранова Р.А. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38–49.

Каяшева О.И. Синдром откладывания в учебной деятельности студентов вузов // Science Time. 2016. № 4(28). С. 373–378.

Конопкин О.А. Механизмы осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Субъект и личность в психологии саморегуляции: сборник научных трудов / под ред.

В.И. Моросановой. М.; Ставрополь: ПИ РАО: СевКавГТУ, 2007. С. 12–30.

Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.

Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1574-kornienko59.html> (дата обращения: 03.07.2018).

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Масловский С.И., Цветков А.В. Гендерные особенности саморегуляции поведения лиц с разным уровнем религиозности // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 10(92). С. 109–111.

Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.

Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука. 2012. 519 с.

Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.

Ошемкова Ю.С. Лень у молодых людей как следствие отсутствия экзистенциальной мотивации // Ананьевские чтения – 2004: матер. науч.-практ. конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 591–592.

Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В.И. Моросанова. СПб.: Нестор-История, 2011. 466 с.

Пурецкий М.М. Саморегуляция и время // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 8. С. 303–307.

Руднова Н.А. Негативный вклад прокрастинации в успеваемость студентов // Будущее клинической психологии – 2017: матер. XI Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием (27–28 апреля 2017) / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–244.

Семенова Ф.О., Узденова А.М. Влияние прокрастинации на развитие исполнительской деятельности в подростковом возрасте // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2012. № 83(09). С. 847–856.

Тащилина Е.А. Исследование прокрастинации и перфекционизма у студентов университета различных направлений подготовки: дис. ... магистра психологии. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, 2014.

Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. 560 с.

Фишер Я.И. Особенности академической прокрастинации у студентов (на примере педагогического вуза) // Психология XXI века. Психология и современные проблемы образования: сб. матер. IX Междунар. науч.-практ. конференции молодых ученых. СПб., 2014. С. 185–188.

Baumeister R.F., Heatherton T.F. Self-regulation failure: An overview // Psychological Inquiry. 1996. No. 7. P. 1–15.

Burka J.B., Yuen L.M. Procrastination: Why you do it, what to do about it. Reading, MA: Addison-Wesley, 1983. 227 p.

Chu A.H.C., Choi J.N. Rethinking procrastination: Positive effects of «active» procrastination behavior on attitudes and performance // Journal of Social Psychology. 2005. No. 14. P. 245–264.

Ellis A., Knaus W.J. Overcoming procrastination. N.Y.: Signet Books, 1977. 180 p.

Ferrari J.R. Procrastination and project creation: choosing easy, non-diagnostic items to avoid self-relevant information // Journal of Social Behavior and Personality. 1991. No. 6. P. 619–628.

Ferrari J.R. Psychometric validation of two procrastination inventories for adults: Arousal and avoidance measures // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 1992. No. 2. P. 97–110.

Lay C.H. At last, my research article on procrastination // Journal of Research in Personality. 1986. No. 20(4). P. 474–495.

Lay C.H., Schouwenburg H. Trait procrastination, time management, and academic behavior // Journal of Social Behavior and Personality. 1993. No. 8. P. 647–662.

Milgram N.A., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // *Journal of School Psychology*. 1993. No. 31. P. 487–500.

Milgram N., Tenne R. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination // *European Journal of Personality*. 2000. No. 14. P. 141–156.

Ozer B.U., Demir A., Ferrari J.R. Exploring academic procrastination among Turkish students: Possible gender differences in prevalence and reasons // *Journal of Social Psychology*. 2009. No. 149(2). P. 241–257. DOI: 10.3200/SOCP.149.2.241-257.

Rebetz M.M.L., Rochat L., Van der Linden M. Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach // *Personality and Individual Differences*. 2015. No. 76. pp. 1–6.

Steel P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. No. 1. P. 65–94.

Steel P., Ferrari J. Sex, Education and Procrastination: An Epidemiological Study of Procrastinators Characteristics from a Global Sample // *European Journal of Personality*. 2013. No. 27(1). P. 51–58. DOI: 10.1002/per.1851.

Получено 14.10.2018

References

Barabanschikova, V.V., Ostanina, M.V. and Klimova, O.A. (2015). *Fenomen prokrastinatsii v deyatel'nosti sportsmenov individualnykh i komandnykh vidov sporta* [The phenomenon of procrastination in the activities of individual and team sports]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 3(19), pp. 91–104.

Baumeister, R.F. and Heatherton, T.F. (1996). Self-regulation failure: An overview. *Psychological Inquiry*. No. 7, pp. 1–15.

Burka, J.B. and Yuen, L.M. (1983). *Procrastination: Why you do it, what to do about it*. Reading: Addison-Wesley, 227 p.

Chu, A.H.C. and Choi, J.N. (2005). Rethinking procrastination: Positive effects of «active» procrastination behavior on attitudes and performance. *Journal of Social Psychology*. No. 14, pp. 245–264.

Dementiy, L.I. and Karlovskaya, N.N. (2013). *Osobennosti otvetstvennosti i vremennoy perspektivy u studentov s raznym urovnem prokrastinatsii* [Features of responsibility and time perspective for students with different levels of procrastination]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of Education]. No. 7, pp. 4–19.

Ellis, A. and Knaus, W.J. (1977). *Overcoming procrastination*. New York: Signet Books, 180 p.

Ferrari, J.R. (1991). Procrastination and project creation: choosing easy, non-diagnostic items to avoid self-relevant information. *Journal of Social Behavior and Personality*. No. 6, pp. 619–628.

Ferrari, J.R. (1992). Psychometric validation of two procrastination inventories for adults: Arousal and avoidance measures. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. No. 2, pp. 97–110.

Fisher, Y.I. (2014). *Osobennosti akademicheskoy prokrastinatsii u studentov (na primere pedagogicheskogo vuza)* [Features of academic procrastination in students (on the example of a pedagogical university)]. *Psikhologiya XXI veka. Psikhologiya i sovremennye problemy obrazovaniya. Sbornik materialov IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Sankt-Peterburg* [Psychology of the XXI century. Psychology and modern problems of education. Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. St. Petersburg, pp. 185–188.

Frolov, I.T. (ed.). (1991). *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. Moscow, 560 p.

Garanyan, N.G., Andryushenko, D.A. and Khlomov, I.D. (2009). Perfeksionizm kak faktor studentcheskoy dezadaptatsii [Perfectionism as a factor in student's disadaptation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. No. 1, pp. 23–32.

Goncharova, E.V. and Vengrenyuk, M.M. (2017). *K voprosu o vzaimosvyazi prokrastinatsii i motivatsii u studentov* [On the question of the relationship of procrastination and motivation among students] // *Rol innovatsiy v transformatsii sovremennoy nauki: sbornik statey Mezhdunarodno-prakticheskoy konferentsii* [The role of innovation in the transformation of modern science: Collection of articles of the International Practical Conference]. Ufa: Scientific Publishing Center AETERNA, pt. 6, pp. 73–78.

Gorbunova, A.A. (2010). *Vzaimosvyaz intellekta i prokrastinatsii v gruppakh s razlichnoy vyrazhennostyu prokrastinatsii* [The relationship of intelligence and procrastination in groups with varying degrees of procrastination]. *Lomonosov-2010: materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma* [Lomonosov-2010: materials of the International Youth Scientific Forum]. Available at: <http://psy.hse.ru/data/2011/06/23/1215455869/Тезисы%20конференции%20Ломоносов-2010%20Горбуновой%20Анны.pdf> (accessed 03.10.2018).

- Gordeeva, T.O. (2013). *Motivatsiya uchebnoy deyatel'nosti shkolnikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Motivation of educational activity of school-children and students: structure, mechanisms, conditions for development: dissertation]. Moscow, 444 p.
- Il'in, E.P. (2011). *Rabota i lichnost. Trudogolizm, perfektsionizm, len* [Work and personality. Workaholicism, perfectionism, laziness]. St. Petersburg: Piter, 224 p.
- Karlovskaya, N.N. and Baranova, R.A. (2008). *Vzaimosvyaz obshchey i akademicheskoy prokrastinatsii i trevozhnosti u studentov s raznoy akademicheskoy uspevaemostyu* [The relationship of general and academic procrastination and anxiety in students with different academic performance]. *Psikhologiya v vuze* [Psychology in high school]. No. 3, pp. 38–49.
- Kayasheva, O.I. (2016). *Sindrom otkladyvaniya v uchebnoy deyatel'nosti studentov vuzov* [Syndrome of postponement in the educational activities of university students]. *Science Time*. No. 4(28), pp. 373–378.
- Konopkin, O.A. (2007). *Mekhanizmy osoznannoy samoregulyatsii proizvol'noy aktivnosti cheloveka* [Mechanisms of conscious self-regulation of arbitrary human activity]. *Subekt i lichnost v psikhologii samoregulyatsii: sbornik nauchnykh trudov* [The subject and personality in the psychology of self-regulation: a collection of scientific papers]. Stavropol': PI RAE Publ., North Caucasus STU Publ., pp. 12–30.
- Konopkin, O.A. (1980). *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow: Nauka, 256 p.
- Kornienko, D.S. and Rudnova, N.A. (2018). *Osobennosti ispolzovaniya sotsialnykh setey v svyazi s prokrastinatsiey i samoregulyatsiey* [Features of the use of social networks in connection with procrastination and self-regulation]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Vol. 11, no. 59. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1574-kornienko59.html> (accessed 03.07.2018).
- Lay, C.H. (1986). At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. No. 20(4), pp. 474–495.
- Lay, C.H. and Schouwenburg, H. (1933). Trait procrastination, time management, and academic behavior. *Journal of Social Behavior and Personality*. No. 8, pp. 647–662.
- Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 304 p.
- Maslovskiy, S.I. and Tsvetkov, A.V. (2017). *Gen-dernye osobennosti samoregulyatsii povedeniya lits s raznym urovnem religioznosti* [Gender features of self-regulation of behavior of persons with different levels of religiosity]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education]. No. 10(92), pp. 109–111.
- Milgram, N.A., Batori, G. and Mowrer, D. (1993). Correlates of academic procrastination. *Journal of School Psychology*. No. 31, pp. 487–500.
- Milgram, N. and Tenne, R. (2000). Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination. *European Journal of Personality*. No. 14, pp. 141–156.
- Morosanova, V.I. (2004). *Oprosnik «Stil samoregulyatsii povedeniya» (SSPM): Rukovodstvo* [Questionnaire «Style of self-regulation of behavior» (SMTA): Guide]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 44 p.
- Morosanova, V.I. (ed.) (2011). *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* [Psychology of self-regulation in the XXI century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 466 p.
- Morosanova, V.I. (2012). *Samoregulyatsiya i individualnost cheloveka* [Self-regulation and individuality of a person]. Moscow: Nauka, 519 p.
- Morosanova, V.I. and Bondarenko, I.N. (2015). *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnosis of human self-regulation]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 304 p.
- Oshemkova, Y.S. (2004). *Len u molodykh lyudey kak sledstvie otsutstviya ekzistentsialnoy motivatsii* [Laziness in young people as a result of lack of existential motivation]. *Ananevskie chteniya – 2004: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ananev Readings – 2004: Materials of the Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg: SPbSU Publ., pp. 591–592.
- Ozer, B.U., Demir, A. and Ferrari, J.R. (2009). Exploring academic procrastination among Turkish students: Possible gender differences in prevalence and reasons. *Journal of Social Psychology*. No. 149(2), pp. 241–257. DOI: 10.3200/SOCP.149.2.241-257.
- Puretskiy, M.M. (2015). *Samoregulyatsiya i vremena* [Self-regulation and time]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya)* [Vestnik Universiteta (State University of Management)]. No. 8, pp. 303–307.
- Rudnova, N.A. (2017). *Negativniy vklad prokrastinatsii v uspevaemost studentov* [The negative contribution of procrastination to student performance]. *Budushchee klinicheskoy psikhologii – 2017: mater. XI Vseros. nauch.-prakt. konferentsii s mezhdud-*

narodnym uchastiyem [The future of clinical psychology – 2017: materials of the XI All-Russian Scientific Conference]. Perm, pp. 240–244.

Rebetez, M.M.L., Rochat, L. and Van der Linden, M. (2015). Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach. *Personality and Individual Differences*. No. 76, pp. 1–6.

Semenova, F.O. and Uzdenova, A.M. (2012). *Vliyaniye prokrastinatsii na razvitiye ispolnitelskoy deyatel'nosti v podrostkovom vozraste* [The effect of procrastination on the development of performance in adolescence]. *Politematicheskiy setevoy nauchniy zhurnal KubGAU* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University]. No. 83(09), pp. 847–856.

Steel, P. (2007). The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure. *Psychological Bulletin*. Vol. 133, no. 1, pp. 65–94.

Steel, P. and Ferrari J. (2013). Sex, Education and Procrastination: An Epidemiological Study of Procrastinators Characteristics from a Global Sample. *European Journal of Personality*. No. 27(1), pp. 51–58. DOI: 10.1002/per.1851.

Taschilina, E.A. (2014). *Issledovanie prokrastinatsii i perfektsionizma u studentov universiteta razlichnykh napravleniy podgotovki: dis. ... master's degree* [The study of procrastination and perfection-

ism in university students of various areas of training: dissertation]. Ekaterinburg.

Varvaricheva, Ya.I. (2010). *Fenomen prokrastinatsii: problemy i perspektivy issledovaniya* [The phenomenon of procrastination: problems and prospects for research]. *Voprosy Psichologii*. No. 3, pp. 121–130.

Vindeker, O.S. and Ostanina, M.V. (2014). *Formal'nyy i sodержatel'nyy analiz shkaly obshchey prokrastinatsii C.H. Lay (na primere studencheskoy vyborki)* [Formal and informative analysis of the scale of total procrastination C.H. Lay (on the example of student sample)]. *Aktualnye problemy psichologicheskogo znaniya: teoreticheskie i prakticheskie problemy psichologii* [Actual problems of psychological knowledge: theoretical and practical problems of psychology]. No. 1(30), pp. 116–126.

Vindeker, O.S., Smorkalova, T.L. and Lebedev, S.Y. (2016). *Psichologicheskie korrelyaty prokrastinatsii i stsenariy otlozhennoy zhizni* [Psychological correlates of procrastination and the scenario of deferred life]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture]. No. 2(150), pp. 98–108.

Received 14.10.2018

Об авторе

Руднова Наталья Александровна

ассистент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

About the author

Natalya A. Rudnova

Assistant of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Руднова Н.А. Характеристики саморегуляции деятельности как факторы прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 550–561.

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-550-561

For citation:

Rudnova N.A. Self-regulation's characteristics of activity as factors of procrastination // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 550–561. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-550-561

УДК 159.9:331(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Пищальников Дмитрий Владимирович, Ныркова Юлия Леонидовна

Краснокамский завод металлических сеток

Руднова Наталья Александровна, Сокрута Лидия Валерьевна,

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Проблема низкого уровня производительности труда является для России «хронической» проблемой. Вместе с тем известны российские предприятия, которые сумели существенно повысить производительность за счет внедрения «рациональной модели трудовых отношений». Авторы исходят из предположения, что проблема повышения производительности труда является проблемой трансдисциплинарной, требующей для решения проведения комплексного исследования, в котором значительную роль должны сыграть психология личности и социальная психология. Рабочая гипотеза исследования состоит в предположении, что существуют статистически значимые отличия личностных черт и профессиональной мотивации, определяющих специфический стиль деятельности сотрудников более и менее производительных предприятий. С целью проверки этой гипотезы летом–осенью 2018 г. было проведено исследование на двух промышленных предприятиях Пермского края. Выявлено, что значимые различия в личностных характеристиках сотрудников предприятий, достоверно отличающихся по уровню производительности труда, практически отсутствуют. Исключением является различие между ними по выраженности показателя «Открытость опыту», что, может быть, связано со спецификой производства и особенностями выборки. Отсутствие значимых различий в личностных характеристиках сотрудников, возможно, свидетельствует о том, что на уровень производительности труда определяющее влияние оказывают не личностные особенности сотрудников, а специфика социальных связей в пределах профессиональных групп. Таким образом, первый вариант рабочей гипотезы не подтверждается. Возможно, в качестве предикторов производительности труда выступают такие переменные, как распределение ролей и функций, стили общения и управления.

Ключевые слова: психология труда, производительность труда, Пермский край, рациональная модель трудовых отношений, индивидуальный стиль деятельности, личностные черты работников.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590009.

AN INTEGRATED APPROACH TO EXAMINE OF LABOUR PRODUCTIVITY: ACTUAL STATE AND PERSPEKTIVES OF RESEARCH

Dmitry V. Pishchalnikov, Yulia L. Nyrkova
Krasnokamsk Metal Mesh Works

Natalya A. Rudnova, Lidiya V. Sokruta, Alexander Yu. Vnutskikh
Perm State University

The problem of low labour productivity is a «chronic» problem for Russia. At the same time, some Russian enterprises increase productivity successfully implementing to the «rational model of labor relations» implementation. The authors assume that the problem of increasing labour productivity is transdisciplinary, and psychology of personality and social psychology should play a significant role in finding the solution to this problem. The working hypothesis of this research is that there are statistically significant differences in personality traits and professional motivation that determine the specific style of activity of employees of enterprises with different labour productivity. In order to test this hypothesis the authors did a study in the summer–autumn of 2018 at two industrial enterprises of the Perm Krai. The study has showed that there are practically no significant differences between the personality traits of the employees who work at the enterprises, and the levels of labour productivity. The only exception is the factor «Openness to Experience» that makes a distinction between the employees of enterprises which might be attributed to specificity of the production processes at these two plants and also to specificity of the sample. It is possible that absence of significant differences between the personality traits of the employees of these enterprises evidences that labour productivity is mainly determined by specific social ties in professional groups. So, the first version of the working hypothesis is not confirmed. It is possible that assignment of roles and responsibilities, as well as the styles of communication and administration are the predictors of labour productivity.

Keywords: psychology of work, labour productivity, Perm Krai, rational model of employment relations, individual style of activity, personality traits of employees.

Введение

В мае 2018 г. Президентом России был подписан указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Этот основополагающий документ определяет важнейшую цель страны на ближайшее пятилетие: прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие. Показателем такого развития должно стать, в частности, «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых». Определены 12 приоритетных программ (национальных проектов) для достижения данной цели. Одна из них — программа «Производительность труда и поддержка занятости». В свою очередь, в качестве целевого показателя успешной реализации этой программы к 2024 г. определен «рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отрас-

лей экономики не ниже 5 процентов в год» путем «внедрения передовых управленческих, организационных и технологических решений для повышения производительности труда и модернизации основных фондов...», а также «формирование системы методической и организационной поддержки повышения производительности труда на предприятиях» [О национальных целях и стратегических задачах...].

Следует признать, что проблема повышения производительности труда не первый год находится в фокусе внимания российских властей. Еще в апреле 2011 г. Президент В.В. Путин в отчете о работе правительства перед Госдумой поставил задачу увеличения производительности труда к 2020 г. минимум в два раза, а в ключевых отраслях российской экономики — в три-четыре раза, т.е. от 20 до 40 % в год. Однако выполнение этих заданий фактически срывается. Показательно, что в упомянутом майском Указе 2018 г. поставлены заметно более скромные целевые показатели на

период до 2024 г. Впрочем, как вынуждены констатировать эксперты, в масштабах страны не выполняются и они. В октябре 2018 г. в Госдуме России состоялось третье заседание Экспертного совета по эффективному управлению и повышению производительности труда при Комитете Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству. М.Ю. Авдеев, руководитель Комитета по эффективному производству и повышению производительности труда Московского областного отделения «ОПОРА РОССИИ», подчеркнул, что «заинтересованности у собственников нет практически вообще либо она только на словах. Они отправляют к нам сотрудников, как только сотрудники возвращаются обратно на предприятия, получив хорошую подготовку (они могли бы много чего реализовать на предприятии), им говорят: “Знаете чего — вот просто сидите, сидите и все”... самое главное — это отсутствие мотивации у собственников...» [Дайджест, 2010, с. 6].

Обращает на себя внимание отсутствие серьезных подвижек в решении проблемы производительности труда в России не только в последние годы, но и в советский и досоветский периоды [Внутских А.Ю. и др., 2015, с. 135–137]. По-видимому, для нашей страны это действительно «хроническая», очень трудно решаемая проблема. Неумение ее эффективно решать имело, на наш взгляд, прямое отношение к крушению и царской России, и СССР: ведь если нет роста производительности — нет и возможности для радикального обновления основных фондов, столь необходимого в условиях разворачивающейся XX в. НТР. А конкуренты и геополитические соперники, как известно, не дремлют.

Однако на этом общем негативном фоне привлекает внимание тот факт, что в России в целом и в Пермском крае в частности есть положительный опыт решения проблемы повышения производительности труда в промышленном секторе в 2–4 раза. Например, благодаря сотрудничеству с компанией «АМИ-систем» 680 российских предприятий различной специфики с общей численностью работников более 250 000 человек путем применения рациональной модели трудовых отношений (РМТО) су-

мели существенно повысить производительность труда [АМИ-систем]. РМТО направлена на создание эффективной системы управления и мотивации, которая базируется на применении открытых форм стимулирования работников. РМТО исходит из того, что система стимулирования работников предприятия должна принимать во внимание все формы стимулирования, т.е. работник действует на производстве, руководствуясь сводом правил, где предельно четко и детально зафиксированы все его обязанности. При этом за каждое отступление от регламента следуют санкции — как положительные, так и отрицательные. Таким образом, факты успешной реализации мероприятий по повышению производительности труда в нашей стране, с нашими работниками и управленцами также известны. Однако комплексных исследований этих «точек роста» производительности с помощью методов гуманитарных и социальных наук до сих пор не проводилось. В частности, насколько нам известно, в последние годы в России не проводились эмпирические психологические исследования, специально посвященные изучению личностных черт как возможных предикторов уровня производительности труда.

Мы исходим из предположения, что трудности в решении проблемы повышения производительности труда в России связаны с ограниченностью пока доминирующего в нашей стране экономического и технико-технологического подходов к такому решению и необходимостью налаживания непростого трансдисциплинарного диалога при изучении соответствующих вопросов. Действительно, с одной стороны, производительность труда выступает как *показатель продуктивной целесообразной деятельности работника, которая измеряется количеством работы (создания продукции), выполненной в единицу времени*. Таким образом, уже из определения ясно, что ключевой фактор здесь не производственная техника, а человек, его *целесообразная трудовая деятельность*. И понятно, что уровень этой целесообразности может быть существенно разным. В экономической теории уровень совокупной производительности труда (С) измеряется как совокупность индивидуальной производительности труда (И) и производительности организационно-технических средств (Т): $C = И \times Т$. Структура этого соотношения по-

казывает, что чем больше каждый участник производственного процесса вкладывает усилий в выполнение своих обязанностей, тем выше производительность предприятия в целом. Причем важно подчеркнуть, что совершенствование индивидуальной производительности труда не в меньшей степени (если не в большей) важно, нежели совершенствование *технического оборудования способствует повышению производительности, нежели пресловутый «человеческий фактор»*. Из признания этого факта исходят все инновационные модели менеджмента, начиная с системы «кайдзен». В этой связи японский инженер и предприниматель Тайити Оно прямо заявлял: «Улучшение работы само по себе должно способствовать снижению всех затрат наполовину или на треть. Далее следует использовать... улучшение оборудования... Мы не должны менять порядок — сначала улучшение работы, а затем улучшение оборудования. Если начать с улучшения оборудования, затраты будут возрастать, а не снижаться» [Оно Т., 2008, с. 113].

Итак, во-первых, проблема повышения производительности труда является исключительно актуальной для нашей страны на современном этапе ее развития. Во-вторых, она в существенной мере является проблемой как психологии, так и всего комплекса социально-гуманитарных наук: социологии и философии прежде всего. Соответственно основной *целью* нашего исследования в его *психологическом* аспекте должно быть выявление психологических предикторов уровня производительности труда, а также закономерностей, их связывающих, как существенных для эффективного проявления человеческого фактора в системе производственных отношений. Общая гипотеза исследования состоит в том, что такого рода психологические предикторы существуют и могут быть выявлены.

Теоретические и методологические основания и степень разработанности

Относительно теоретико-методологических оснований исследования отметим, что мы исходим из базового, на наш взгляд, концепта *индивидуальный стиль деятельности (ИСД)*. ИСД представляет собой обусловленную типологическими особенностями устойчивую систему

способов деятельности, которая формируется у человека, стремящегося к наилучшему ее осуществлению [Климов Е.А., 1969, с. 49]. Как показывает опыт изучения ИСД, в исследовании его возможны два подхода. С одной стороны, это подход, сфокусированный на *личностных свойствах* работника и исходящий из того, что принципиальных различий в структуре индивидуальной и совместной деятельности нет [Леонтьев А.Н., 1975; Ломов Б.Ф., 1984].

С другой стороны, это подход, сфокусированный на *изучении профессиональной совместной деятельности субъектов в группах* — т.е. на изучении *профессионально-функциональных и социально-психологических триад* (например, «вышестоящий руководитель – руководитель – нижестоящий руководитель/подчиненный»). Этот подход подразумевает методическое и методологическое движение от совместной деятельности, имеющей свои специфические закономерности, к индивидуальной [Толочек В.А., 2000, 2015].

В рамках первого этапа исследования, результаты которого представлены в нашей статье, мы исходим из первого подхода, пытаемся оценить его потенциал для научного объяснения фактов различия уровня производительности труда на различных предприятиях. Соответственно *уточненная рабочая гипотеза* может быть сформулирована следующим образом: есть статистически значимые отличия личностных черт и профессиональной мотивации, определяющие специфический стиль деятельности сотрудников предприятий, которые существенно различаются по уровню производительности труда. В частности, мы исходим из предположения о том, что сотрудники предприятия с более высокой производительностью, реализующего РМТО, могут характеризоваться более высоким уровнем добросовестности и более выраженной «внешней» мотивацией: экстернальной и идентифицированной.

Работы, посвященные изучению мотивации российских работников, известны. Мотивация в этих работах не сводится к фактору экономического «стимулирования», она понимается шире. Если экономическое «стимулирование» включает в себя только использование внешних побуждений к действию, то мотивация включает в себя как внешнее, так и внутреннее побуждение

человека выполнять ту или иную деятельность для достижения субъективно важной цели [Захаров А.Н., 2013]. Стоит заметить, что под термином «мотивация» достаточно часто подразумевают систему влияния на сотрудников, целью которой является повышение качества их работы. Изучается она, как правило, с точки зрения ее эффективности [Солощенко Е.А., Саклаков В.М., 2011; Kuranchie-Mensah E.B., Amponsah-Tawiah K., 2016], однако практически не уделяется внимания личностной системе мотивации сотрудника, как возможному предиктору производительности труда.

Теория черт, предложенная Г. Олпортом [Allport G.W., 1955], нашла поддержку многих исследователей. В настоящее время М.К. Эштоном и К. Ли активно разрабатывается шестифакторная модель черт [Ashton M.C., Lee K., 2007], в состав которой входят черты, традиционно рассматриваемые в рамках пятифакторной модели: Эмоциональность, Экстраверсия, Открытость опыту, Доброжелательность и Добросовестность, а также Честность, как фактор, устойчиво проявляющийся в различных исследованиях и не зависящий от особенностей языка [Егорова М.С., Паршикова О.В., 2017]. С точки зрения теории черт именно диспозиции представляют собой модель личности, которая, с одной стороны, может объяснить и предсказать поведение конкретного человека, а с другой — является универсальной и распространяется на всех людей.

Выборка и методы

Исследование проводилось нами с июля по сентябрь 2018 г. на двух промышленных предприятиях Пермского края. Первое предприятие (далее Предприятие 1) с численностью сотрудников 302 чел. производит металлические и синтетические сетки как для российских, так и для зарубежных потребителей. По инициативе генерального директора, одновременно являющегося одним из собственников предприятия, здесь успешно применяется РМТО. Следствием этих усилий стал впечатляющий и стабильный рост производительности труда, измеряемой как валовая прибыль на одного работника в год. Отставая от Предприятия 1 (подробнее о нем ниже) по этому показателю в 2009 г. более

чем 2 раза, к 2017 г. первое предприятие обогнало его в 1,6 раза, в целом продемонстрировав рост производительности труда в 3,4 раза. Отметим, что по официальным данным уровень инфляции в этот период в Пермском крае составил менее 70 % и даже с учетом методик расчета реальной инфляции едва ли превысил 100 % [Пермский край в цифрах, 2018; Реальная инфляция в России...].

Второе предприятие (далее Предприятие 2) с численностью сотрудников 224 чел. специализируется на обработке металла и производстве металлоконструкций различного назначения. Несмотря на попытки директора реализовать здесь модель бережливого производства (LEAN-production), с 2014 г. Предприятие 2 характеризуется более низким и менее стабильным уровнем производительности нежели Предприятие 1. На рис. 1 представлена динамика валовой прибыли на одного работника по обоим предприятиям в 2009–2017 гг.

В ходе исследования работникам обоих предприятий была предложена бланковая версия вопросника, а сотрудникам заводоуправления была выслана ссылка на опрос, созданный в системе OnlineTestPad через Интернет. Общее количество опрошенных составило 173 человека, из которых 123 — сотрудники Предприятия 1 (76,5 % — женщины) в возрасте от 19 до 62 лет ($M = 41,8$; $SD = 10,08$), 50 человек — сотрудники Предприятия 2 (24 % — женщины) в возрасте от 19 до 61 лет ($M = 38,9$; $SD = 12,58$).

Поясним причину серьезных различий в количестве участников исследования на этих двух предприятиях. На Предприятие 1 было передано 120 бланков анкет, а на Предприятие 2 — сначала 100, а затем, чтобы решить проблему их незаполнения и возможной утраты, — еще 47. Однако и после этих усилий сотрудниками Предприятия 2 было заполнено и передано исследовательской группе лишь 43 анкеты на твердом носителе (т.е. 29 % от выданных всего) и еще 8 анкет было заполнено on-line. Сотрудниками Предприятия 1 было заполнено и возвращено 86 анкет на твердом носителе (т.е. 72 % от выданных) и еще 36 анкет было заполнено on-line.

Рис. 1. Динамика показателя валовой прибыли на одного работника на предприятиях 1 и 2 в 2009–2017 гг. (тыс. руб.)

На наш взгляд, этот факт сам по себе интересен. Он демонстрирует существенно более высокий уровень исполнительской дисциплины на Предприятии 1. Подчеркнем, что неукоснительное подчинение каждого работника своему непосредственному руководителю, строгая дисциплина и порядок — это необходимые условия успешной реализации РМТО.

Диагностический инструментарий, выбранный в соответствии с охарактеризованным выше «личностным» подходом, был направлен на измерение показателей личностных свойств сотрудников предприятий.

Опросник HEXACO-PI-R направлен на диагностику шести диспозиционных личностных черт, по содержанию схожих с чертами Большой пятерки — Эмоциональность, Экстраверсия, Доброжелательность, Добросовестность и Открытость новому опыту и Честность (Скромность) [Егорова М.С., Паршикова О.В., 2017].

Уровень мотивации исследовался при помощи Опросника профессиональной мотивации, разработанного Т.О. Гордеевой с коллегами. Опросник направлен на диагностику выраженности различных типов мотивации и вклю-

чает в себя следующие шкалы: Внутренняя мотивация, Экстернальная мотивация, Интроецированная мотивация, Идентифицированная мотивация, Интегрированная мотивация и Амотивация [Осин Е.Н. и др., 2017].

В ходе исследования для статистической обработки полученных результатов использовались методы описательной и сравнительной статистики, в частности, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, а также метод корреляционного анализа — τ -критерий ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Согласно полученным данным статистически значимых различий между работниками более производительного предприятия и менее производительного не наблюдается. По шкалам Добросовестности, Эмоциональности, Честности (Скромности), Доброжелательности различий также не обнаружено.

Единственным показателем, по которому сотрудники Предприятия 1 значимо отличаются от сотрудников Предприятия 2, оказался параметр «Открытость опыту». Учитывая, что данная черта свидетельствует о любознатель-

ности и предпочтении занятий, требующих креативности, можно предположить, что сотрудники Предприятия 2 более склонны к применению творческих способностей, к размышлениям о новых, нестандартных способах решения задач. Эти личностные особенности сотрудников Предприятия 2 коррелируют с характером производственного процесса на нем: мелкосерийное производство с быстро обновляющимся перечнем изготавливаемых металлоконструкций, что ведет к частому изменению выполняемых сотрудниками задач и операций. Кроме того, нельзя исключать и влияния различий имеющихся выборок по половому составу: на Предприятии 2 больше мужчин, а на Предприятии 1 больше женщин. Специалисты неоднократно отмечали, что женщины лучше и успешнее выполняют однообразные действия с мелкой моторикой, лучше переносят монотонию в работе [Ильин Е.П., 2008; Фукин А.И., 2000].

В связи с тем, что значимых различий по личностно-мотивационным характеристикам у сотрудников двух промышленных предприятий практически не обнаружено, мы попытались исследовать профиль личностно-мотивационных характеристик; его выявляли при помощи описательной статистики (среднее арифметическое).

На рис. 2 изображен профиль выраженности мотивационных характеристик сотрудников рассматриваемых предприятий. Показатели выраженности Внутренней мотивации несколько выше, чем показатели Амотивации. В целом наблюдается тенденция о повышении показате-

лей мотивации по мере приближения к полюсу мотивационного континуума, соответствующего Внутренней мотивации (рис. 2). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что ведущей мотивацией для сотрудников *обоих предприятий* является «внутренняя». Можно предположить, что для сотрудников данных предприятий характерен искренний интерес к процессу и результату своей профессиональной деятельности, а при выполнении своих должностных обязанностей они осознают свой профессионализм, удовлетворяя потребность в собственной компетентности.

Анализируя профиль выраженности черт личности, можно заметить, что более высокими показателями обладают Доброжелательность и Эмоциональность, затем следует Экстраверсия и Открытость опыту (рис. 2).

Ориентируясь на полученные результаты диагностики черт личности, можно сказать, что сотрудникам данных предприятий в большей степени свойственна сдержанность, мягкость. Они способны принимать чужую точку зрения, а в трудных ситуациях нуждаются в эмоциональной поддержке.

Выраженность Добросовестности и Честности (Скромность) имеет схожий характер – в целом они демонстрируют невысокие показатели. Можно сказать, что сотрудникам данных предприятий при необходимости достаточно просто переключиться с одной цели на другую. С другой стороны, ради достижения цели они вполне могут быть неискренними – стремление к успеху, стремление выделиться может этому способствовать (рис. 3).

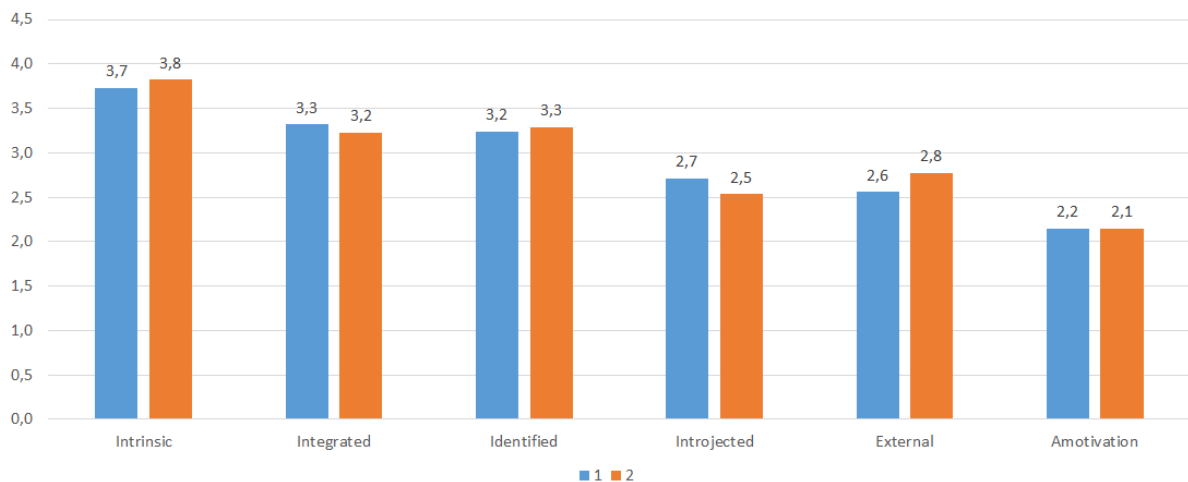

Рис. 2. Выраженность мотивационных характеристик сотрудников Предприятий 1 и 2

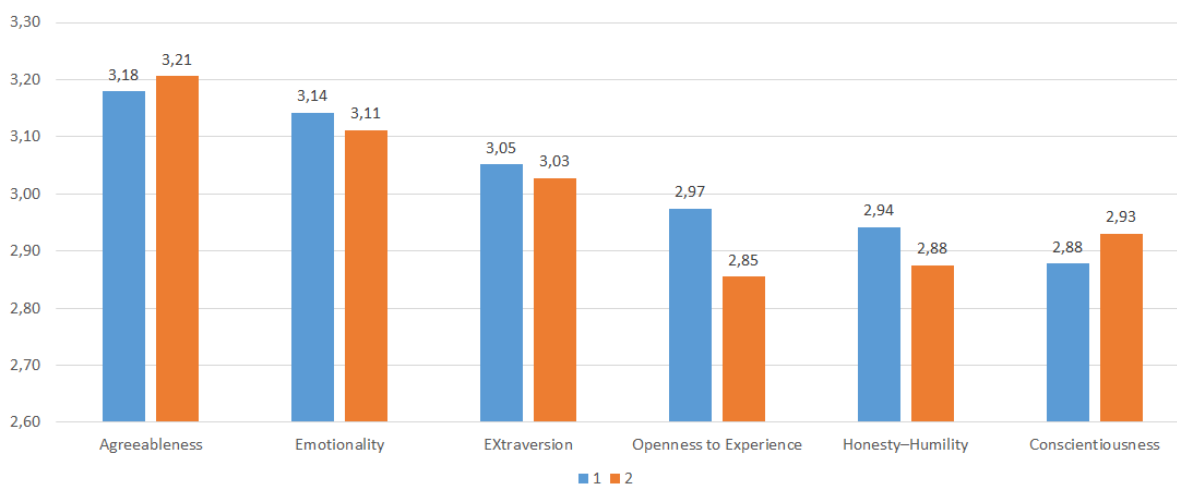

Рис. 3. Выраженность личностных характеристик сотрудников предприятий 1 и 2

Выводы

В качестве промежуточных выводов нашего исследования отметим следующее.

1. Значимые различия в личностных характеристиках сотрудников предприятий, достоверно отличающихся по уровню производительности труда, насколько мы можем судить, *практически отсутствуют*. Исключением является различие между сотрудниками Предприятия 1 и Предприятия 2 по выраженности показателя «Открытость опыту», что может быть обусловлено спецификой производственного процесса на этих заводах, возможно, свою роль в формировании этих различий играет и большая доля женщин, работающих на Предприятии 1.

2. Отсутствие значимых различий в личностных характеристиках сотрудников предприятий, возможно, свидетельствует о том, что на уровень производительности труда определяющее влияние оказывают *не личностные особенности сотрудников, а специфика социальных связей в пределах профессиональных групп*. Если это так, то в качестве предикторов производительности труда могут выступать такие переменные, как распределение ролей и функций, стили общения и управления. На них следует специально сосредоточиться в ходе доработки методологической модели исследования и продолжения реализации его эмпирической составляющей.

Список литературы

- АМИ-систем. URL: <http://www.ami-system.ru> (дата обращения: 01.09.2018).
- Внутских А.Ю., Сокрута Л.В., Пищальников Д.В. Повышение производительности труда как междисциплинарная проблема: историческая ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2015. Вып. 4. С. 132–142.
- Дайджест Экспертного совета по эффективному управлению и повышению производительности труда 15 октября 2018 г. М.: Государственная Дума, 2018. 10 с.
- Егорова М.С., Паршикова О.В. Исследование структуры фактора Честность, Скромность из шестифакторного опросника личности HEXACO // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1507-egorova56.html> (дата обращения: 25.06.2018).
- Захаров А.Н. Проблемы мотивации и производительности труда работников сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2013. № 7(26). С. 51–62.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008. 432 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 25.06.2018).

Оно Т. Производственная система Тойоты: уход от массового производства. М.: Ин-т комплексных стратегических исследований. 2008. 208 с.

Осин Е.Н., Горбунова А.А. и др. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 4. С. 21–49.

Пермский край в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. Пермь: Росстат, 2018. 181 с.

Реальная инфляция в России: исправление «кривых зеркал» Росстата. 2017. URL: <http://ktovkurse.com/a-vy-kurse/realnaya-inflyatsiya-v-rossii-ispravlenie-krivyh-zerkal-rosstata> (дата обращения: 01.10.2018).

Солощенко Е.А., Саклаков В.М. Эффективная система мотивации: желаемый результат и возможные ошибки // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 1(13). С. 90–95.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 366 с.

Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000. 199 с.

Фукин А.И. Психология конвейерного труда. М.: ПЕР СЭ, 2000. 377 с.

Allport G.W. *Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven, CT: Yale University Press, 1955. 106 p.

Ashton M.C., Lee K. Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. Vol. 11. P. 150–166.

Kuranchie-Mensah E.B., Amponsah-Tawiah K. Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2016. Iss. 9(2). P. 255–309.

Получено 01.10.2018

References

Allport, G.W. (1955). *Becoming: basic considerations for a psychology of personality*. New Haven: Yale University Press, 115 p.

AMI Sistema [AMI-System]. Available at: <http://www.ami-system.ru> (accessed 01.09.2018).

Ashton, M.C. and Lee, K. (2007). Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 11, pp. 150–166.

Dayzhest Ekspertnogo soveta po effektivnomu upravleniyu i povysheniyu proizvoditelnosti truda 15 oktyabrya 2018 g. (2018) [Digest of the Expert Council on effective management and productivity 15 October 2018]. Moscow: Gosudarstvennaya Duma Publ., 10 p.

Egorova, M.S. and Parshikova, O.V. (2017). *Issledovanie struktury faktora Chestnos, Skromnost iz shestifaktornogo oprosnika lichnosti HEXACO* [The structure of Honesty-Humility factor]. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 10, no. 56. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1507-egorova56.html> (accessed 25.06.2018).

Fukin, A.I. (2000). *Psikhologiya konveyernogo truda* [Psychology of conveyor labor]. Moscow: PER SE Publ., 377 p.

Il'in, E.P. (2008). *Differentsialnaya psikhologiya professionalnoy deyatel'nosti* [Differential psychology of professional activity]. St. Petersburg: Peter Publ., 432 p.

Kuranchie-Mensah, E.B. and Amponsah-Tawiah, K. (2016). Employee motivation and work performance: a comparative study of mining companies in Ghana. *Journal of Industrial Engineering and Management*. Iss. 9(2), pp. 255–309.

Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 304 p.

Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problem psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka Publ., 444 p.

O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda (2018) [About national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation for the period till 2024]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (accessed 25.06.2018).

Ono, T. (2008). *Proizvodstvennaya sistema Toyoty: ukhodya ot massovogo proizvodstva* [Toyota Production System]. Moscow: Institute for complex strategic studies Publ., 208 p.

Osin, E., Gorbunova, A.A., et al. (2017). *Professionalnaya motivatsiya sotrudnikov rossiyskikh predpriyatij: diagnostika i svyazi s blagopoluchiyem i uspehnostyu deyatel'nosti* [Professional motivation of Russian employees: assessment and associations with well-being and performance]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. Vol. 7, no. 4, pp. 21–49.

Permskiy kray v tsifrakh. 2018: Kratkiy statisticheskii sbornik (2018) [Perm Krai in numbers. 2018: Brief statistic compilation]. Perm: Rosstat Publ., 181 p.

Realnaya inflyatsiya v Rossii: ispravlenie «krivyykh zerkal» Rosstata (2017) [Real inflation in Russia: correction of Rosstat's distorting mirrors]. Available at: <http://ktovkurse.com/a-vy-kurse/realnaya-inflyatsiya-v-rossii-ispravlenie-krivykh-zerkal-rosstata> (accessed 01.10.2018).

Soloschenko, E.A. and Saklakov, V.M. (2011). *Effektivnaya sistema motivatsii: zhelaemyy rezultat i vozmozhnye oshibki* [Effective system of motivation: the desired result and possible errors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics]. No. 1(13), pp. 90–95.

Tolochek, V.A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursniy podkhod* [Activity styles: resource approach]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 366 p.

Tolochek, V.A. (2000). *Stili professional'noy deyatel'nosti* [Professional styles]. Moscow: Smysl Publ., 199 p.

Vnut'skikh, A.Yu., Sokruta, L.V. and Pishchal'nikov, D.V. (2015). *Povyshenie proizvoditel'nosti truda kak mezhdistsiplinarnaya problema: istoricheskaya retrospektiva* [Increasing of labor productivity as an interdisciplinary problem: historical retrospective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy.Psychology.Sociology»]. No. 4, pp. 132–142.

Zakharov, A.N. (2013). *Problemy motivatsii i proizvoditel'nosti truda rabotnikov selskogo khozyaystva* [The problem of motivation and productivity of agricultural workers]. *Vestnik NGIEI* [Herald NGIEI]. No. 7(26), pp. 51–62.

Received 01.10.2018

Об авторах

Пищальников Дмитрий Владимирович
МБА, генеральный директор

ПАО «Краснокамский завод металлических сеток»,
617060, Пермский край, Краснокамск,
ул. Шоссейная, 23;
e-mail: dmitr008@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6074-4306>

Ныrkова Юлия Леонидовна
начальник отдела кадров

ПАО «Краснокамский завод металлических сеток»,
617060, Пермский край, Краснокамск,
ул. Шоссейная, 23;
e-mail: nyrkova-yl@rosset-kzms.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5459-2334>

Руднова Наталья Александровна
ассистент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

Сокрута Лидия Валерьевна
ассистент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lidiya_sokruta94@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4536-7079>

About the authors

Dmitry V. Pishchalnikov
MBA, Director-General

PJSC «Krasnokamsk Metal Mesh Works»,
23, Shosseynaya str., Krasnokamsk, Perm region,
617060, Russia;
e-mail: dmitr008@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6074-4306>

Yulia L. Nyrkova
Head of Human Resources Division

PJSC «Krasnokamsk Metal Mesh Works»,
23, Shosseynaya str., Krasnokamsk, Perm region,
617060, Russia;
e-mail: nyrkova-yl@rosset-kzms.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5459-2334>

Natalya A. Rudnova
Assistant of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>

Lidiya V. Sokruta
Assistant of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lidiya_sokruta94@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4536-7079>

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Alexander Yu. Vnutskih

Doctor of Philosophy, Docent
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пищальников Д.В., Ныркова Ю.Л., Руднова Н.А., Сокрута Л.В., Внутских А.Ю. Комплексный подход в изучении производительности труда: актуальное состояние и перспективы исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 562–572.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

For citation:

Pishchalnikov D.V., Nyrkova Yu.L., Rudnova N.A., Sokruta L.V., Vnutskih A.Yu. An integrated approach to examine of labour productivity: actual state and perspectives of research // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 562–572. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3+316.42]:658(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-573-582

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ****Германов Игорь Анатольевич, Маркова Юлия Сергеевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

К настоящему времени накоплен богатый научный материал, характеризующий феномен социального капитала, составляющих его элементов, оказываемого им влияния на социальные практики и сферы жизнедеятельности людей. Однако эмпирические исследования социального капитала работников промышленных предприятий в отечественной науке редки. В данном исследовании на материалах формализованного опроса работников трех крупных промышленных предприятий Пермского края охарактеризованы особенности влияния социального капитала на производственное поведение, а также инициирование и продвижение инноваций. С использованием кластерного анализа среди персонала организации выделены две группы, значительно отличающиеся друг от друга по показателям развития основных компонент социального капитала — когнитивной и структурной. Показано, что первый кластер составляют работники, имеющие высокий социальный капитал. Они разделяют установки на взаимную помощь, взаимовыгодное сотрудничество, инициативный труд, а также включены в широкие социальные сети и поддерживают глубокие, доверительные отношения с относительно большим числом коллег. Второй кластер работников характеризуется низким социальным капиталом: у них слабо выражены ориентации на коллективизм, взаимовыручку, инициативность, а социальные взаимодействия и глубокие социальные связи поддерживаются с небольшим кругом коллег по работе. Установлено, что работники с развитым социальным капиталом имеют лучшие условия доступа к ресурсу коллективных знаний, отличаются большей склонностью к соблюдению трудовой дисциплины, более сильной мотивацией к получению высокого качества продукции и проявлению инициативы по созданию инноваций. Высокий социальный капитал способствует повышению профессиональной эффективности работников промышленной сферы, тем самым оказывая позитивное влияние на модернизационное развитие организации.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, нормы, ценности, работники промышленных предприятий, инновации, модернизационное развитие.

**THE SOCIAL CAPITAL OF WORKERS OF RUSSIAN INDUSTRIAL
ENTERPRISES AS A RESOURCE OF MODERNIZATION DEVELOPMENT***Igor A. Germanov, Yulia S. Markova**Perm State University*

To date, a wealth of scientific material has been accumulated in the study of the phenomenon of social capital, its constituent elements, its influence on social practices and spheres of people's activities. How-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)», № 16-03-00374.

ever, empirical studies of the social capital of industrial workers in Russian science are rare. This study is based on the materials of a formalized survey of workers at one of the largest industrial enterprises in Perm Krai. The article describes the influence of social capital on industrial behavior, as well as the initiation and promotion of innovations. With the use of cluster analysis, two groups have been distinguished within the staff of the organization, which significantly differ in the indicators of development of the main components (cognitive and structural) of social capital. It is shown that the first cluster consists of workers of high social capital. They are oriented towards mutual assistance, mutually beneficial cooperation, strong initiative at work, and are also included in broad social networks and maintain deep, trusting relationships with a relatively large number of colleagues. The second cluster of workers is characterized by low social capital. They are much less focused on collectivism, mutual assistance, and initiative. Moreover, they establish social interactions and deep social ties with just a small number of colleagues at work. Workers with developed social capital have better conditions for obtaining collective knowledge. They are more inclined to observe labor discipline, have stronger motivation to achieve high product quality and initiative to create innovations. High social capital contributes to the improvement of the professional efficiency of workers in the industrial sector, thereby exerting a positive influence on the modernization development of the organization.

Keywords: social capital, social networks, norms, values, workers of industrial enterprises, innovations, modernization development.

Введение

Значительными рисками для современной российской экономики являются высокая ориентация на сырьевые производства, тенденция консервации в развитии техники и технологий, недостаточная инновационная активность организаций, деиндустриализация страны. Между тем на государственном уровне неоднократно подчеркивалась необходимость технологической модернизации производств, качественного обновления промышленного сектора как условия сохранения конкурентоспособности экономики, повышения качества жизни населения, обеспечения безопасности страны [Послание..., 2015; Послание..., 2018]. В марте 2018 г. Президентом была поставлена задача «выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения» [Послание..., 2018]. Однако многие специалисты высказывают справедливые сомнения относительно возможности быстрой промышленной модернизации. Особо остро стоит вопрос о способах достижения поставленных целей и решения задач, о поиске механизмов, которые обеспечили бы необходимые темпы и уровень модернизационного развития.

Эффективность технологического обновления производств напрямую зависит от активного вовлечения в данный процесс работников промышленных предприятий, задействования их ресурсного потенциала — знаний, навыков, профессионализма. Одним из таких ресурсов

выступает их социальный капитал, который П. Бурдьё определил как потенциальные, так и реальные ресурсы, обусловленные включенностью в прочную сеть социальных отношений [Bourdieu P., 1986, p. 51]. Он усматривает их воплощение в социальных сетях, нормах поведения, коллективных ценностях и доверии, выступающих компонентами капитала. Такой подход поддерживает целый ряд российских авторов [см., напр.: Бочкарева И.В., 2002; Градосельская Г.В., 1999; Тихонова Н.Е., 2004]. Названные компоненты глубоко взаимосвязаны, обуславливают формирование и воспроизводство друг друга [Патнэм Р., 1996; Uphoff N., 2000]. Результатом развитого социального капитала становится высокая групповая солидарность, способствующая коллективному благосостоянию и дающая преимущества членам социальной группы, организации [Bourdieu P., 1986; Коулман Дж., 2001; Патнэм Р., 1996].

Исследования, проводимые отечественными и зарубежными учеными, показали, что социальный капитал необходим для повышения конкурентоспособности и снижения издержек производства [Бочкарева И.В., 2011; Фукуяма Ф., 2004; Adler P.S., Kwon S., 2002; Andrews R., 2010; Leana C.R., VanBuren H.J., 1999]. Обладание данным ресурсом способствует согласованности действий членов коллективов, усиливает координацию организационного поведения и мотивацию к достижению целей организации [Бочкарева И.В., 2011; Cohen D., Prusak L., 2001]. Результатом реализа-

ции социального капитала является накопление знаний и улучшение обмена информацией между индивидами, образующими социальные группы и общности [Адам Ф., Подменик Д., 2010; Cohen D., Prusak L., 2001]. Кроме этого, ряд исследований указывают на важную роль социального капитала в развитии творчества, инноваций и принятии рисков, связанных с нововведениями [Беляева Л.А., 2014; Camps S., Marquès P., 2011]. Вышесказанное позволяет заключить, что конструктивные особенности реализации ресурса социального капитала позитивно сказываются на общей эффективности и продуктивности организации, обуславливают ее модернизационный потенциал и в конечном итоге позволяют ей более органично удовлетворять потребность в развитии как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [Bourdieu P., 1986].

Несмотря на богатство накопленных знаний, эмпирические исследования социального капитала работников промышленных предприятий в отечественной науке немногочисленны, они, как правило, характеризуют его отдельные компоненты. Актуальными остаются вопросы комплексной оценки социального капитала работников российских промышленных предприятий, его взаимосвязь с показателями эффективности производственного поведения в процессе реализации модернизационных преобразований.

Цель данного исследования — выявить влияние характеристик социального капитала работников российских промышленных предприятий на производственное поведение, а также на их участие в инициировании и продвижении инноваций.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования выступили материалы формализованного опроса работников крупных предприятий промышленного сектора в Пермском крае, проведенного в 2017 г. Метод выборки респондентов — сплошной отбор присутствующих на рабочем месте. Общий объем обследованной группы — 900 чел. Данное исследование сфокусировано на анализе социально-профессиональной группы основных рабочих, их численность в выборочной совокупности составила 302 человека.

Следуя существующим подходам [см. напр, Uphoff N., 2000], социальный капитал описывается с помощью переменных, отражающих его формы: а) когнитивную, представленную нормами, ценностями и установками поведения; б) структурную, характеризующую социальные сети. Первая, когнитивная, компонента исследовалась по следующим параметрам¹: 1) взаимная поддержка и взаимовыручка; 2) коллективизм как ориентация на общие цели организации; 3) сотрудничество, готовность и способность к совместной деятельности; 4) уважение, положительное восприятие качества взаимоотношений, достоинства и ценности работников со стороны руководства; 5) отношение к инициативе и проявлению активности. Вторая, структурная, компонента изучалась посредством анализа размера социальных сетей, степени близости отношений между работниками, субъективной оценки качества отношений в сети, условий доступа к ресурсам. В комплексе когнитивная и структурная компоненты позволяют анализировать социальный капитал как сложный, многомерный феномен, образуемый в процессе создания и поддержания между работниками многообразных сетей связей, пронизанных коллективными нормами поведения и ценностными установками.

Результаты и их обсуждение

Исследование показало, что социальный капитал служит фактором, позволяющим стратифицировать работников на группы, члены которых по-разному участвуют в сетевых взаимодействиях, обладают неравным доступом к ре-

¹ Респондентам был предложен ряд высказываний, характеризующих ценностно-нормативную среду предприятия. Данные высказывания необходимо было оценить по степени согласия или несогласия с ними по 7-балльной шкале. На первом этапе анализа рассчитывались индексы по отдельным смысловым индикаторам по формуле: $I = (3n_1 + 2n_2 + n_3 + 0n_4 - n_5 - 2n_6 - 3n_7) / 3$, где n — частота соответствующего значения шкалы, т. е. n_1 — число респондентов «полностью согласных» с предложенным описанием, n_7 — «полностью не согласных». Значение индекса изменяется в пределах [-1; 1]. Отрицательные значения свидетельствуют о степени выраженности несогласия с предложенным описанием в выборочной совокупности, положительные — согласия с ним, «0» означает равную численность групп. На втором этапе рассчитывались индексы по компонентам социальных норм и ценностей как среднее от суммы индексов 2 составляющих данный компонент смысловых индикаторов.

сурсам сетей, а также различаются по степени поддержки групповых и организационных норм и ценностей. В результате было выделено два основных кластера работников промышленного предприятия, значимо отличающихся друг от друга по параметрам их социального капитала ($\alpha < 0,01$ по критерию Краскела-Уоллеса для каждого кластеризирующего признака) (см. табл. 1).

Первый кластер составляют работники, имеющие относительно высокие показатели развития основных компонент социального капитала — 33 % от общего числа опрошенных работников промышленного предприятия.

Индексы показателей когнитивной составляющей в этом кластере положительны, что свидетельствует о преобладании у работников установок на взаимовыгодное сотрудничество, усердный и инициативный труд, целедостижение. Наиболее высоки у этой группы работников индексы «Взаимная поддержка» (0,74) и «Коллективизм» (0,43). Это означает, что работники готовы делиться опытом друг с другом, помогать в решении сложных вопросов; они разделяют идеи о необходимости поиска новых инструментов по улучшению продукции и технологий как способа решения общезначимой задачи по обеспечению конкурентоспособности предприятия.

Анализ структурной компоненты социального капитала показал, что работников рассматриваемого кластера характеризует не только включенность в более многочисленные социальные сети, но и установка на глубокие, доверительные, эмоционально близкие отношения с относительно большим числом людей, которые работают в одном с ними структурном подразделении. Так, представители данной группы поддерживают хорошие отношения в среднем более чем с 10 коллегами, испытывают доверие к 8–10 коллегам, дружат с 5–7 работниками своего подразделения. Подобная конфигурация и характер социальных связей делают возможным обмен значимыми ресурсами — эмоционально-духовными, информационными, материальными и др. Поэтому круг коллег, готовых оказать помощь в решении производственных задач, у работников данной группы шире и составляет в среднем 8–10 человек. Получить поддержку эмоционального характера в процессе личного общения возможно у 5–7 человек.

Таким образом, анализируемая группа работников является более активным участником сетевых взаимодействий, что во многом обусловлено особенностями ценностно-нормативной детерминации поведения ее членов. Установки на сотрудничество, взаимопомощь, обоюдную пользу способствуют многообразию и устойчивости социальных контактов, а также позволяют поддерживать с большим числом людей те типы социальных взаимодействий, которым присуща глубина связей и высокая эмоциональная близость. Но следует отметить и обратное влияние, оказываемое сетями социальных связей (образуемых как по вертикали, так и по горизонтали) на закрепление норм и ценностей, включая такие организационно значимые, как коллективизм и инициативность.

Второй кластер представлен работниками с более низкими показателями развития социального капитала. Доля данного кластера в общем объеме опрошенных работников предприятия составляет 31 %.

Установлено, что в системе когнитивных показателей, характеризующих нормы и ценности работников, большую выраженность имеют лишь два — «Коллективизм» (0,30) и «Взаимная поддержка» (0,07). Второй хотя и обладает положительным значением, однако фактически носит пограничный характер; поэтому скорее следует говорить о невысокой готовности работников данного кластера к коллективным формам решения производственных проблем. Этим работников также отличает слабая склонность к взаимовыгодному сотрудничеству с коллегами разных уровней производственной иерархии (соответствующий индекс равен (–) 0,03), отрицательное отношение к проявлению инициативы с целью внесения конструктивных изменений в трудовой процесс ((–) 0,11). Наиболее низким является значение показателя «Уважение» ((–) 0,30): представители данного кластера не склонны полагать, что руководство уважительно относится к работникам, по достоинству оценивает их трудовую активность и готово к включению работников в процесс принятия управленческих решений.

Социальные сети, в которые включены работники данной группы, отличаются меньшими численностью и глубиной социальных взаимодействий. Хорошие отношения поддерживаются в среднем с 5–7 коллегами по производ-

ственному подразделению, доверие испытывается к 1–2 коллегам, дружеские связи сохраняются также с 1–2 коллегами. Размер различных социальных сетей, таким образом, является примерно в 3–6 раз более низким по сравнению с предыдущим кластером. Поэтому работники, слабо вовлеченные в социальные сети (как по количеству социальных контактов, так и по силе социальных связей), обладают меньшим потенциалом для привлечения помощи коллег в решении рабочих вопросов (3–4 человека), получении эмоциональной поддержки в трудных ситуациях (1–2 человека).

Данная группа работников в отличие от первой демонстрирует малую общность ценностных ориентаций и норм, что ведет к слабой развитости не только командных (горизонтальных) коммуникаций с коллегами по цеху, бригаде, но и вертикальных социальных связей — взаимодействий с руководством. Уровень доверия руководству предприятия в этом кластере по сравнению с предыдущим намного ниже. Так, «вполне доверяют» руководителям выше-

го уровня только 32 % респондентов, руководителям среднего звена — 22 %, линейным руководителям — 39 %. Тогда как в первом кластере значения показателей высокого доверия руководству составляют соответственно 61 %, 53 % и 63 %. Таким образом, работники второго кластера характеризуются низким развитием всех типов структурного социального капитала: охватывающего (взаимодействие с коллегами по бригаде), соединяющего (коммуникации с работниками других бригад структурного подразделения) и связующего (социальные связи с руководителями предприятия разного уровня). Это ограничивает их возможности быть включенными в обмен значимыми ресурсами и ориентирует их поведение не на получение (предоставление другим) необходимых знаний, наставлений, советов, позволяющих прийти к лучшему решению производственных задач, а на использование преимущественно собственного опыта и существующих инструкций.

Таблица 1. Показатели когнитивной и структурной компонент социального капитала работников промышленного предприятия

Характеристики компонент	Работники с высоким социальным капиталом	Работники с низким социальным капиталом
Социальные нормы и ценности, индексы		
Взаимная поддержка	0,74	0,07
Коллективизм	0,43	0,30
Сотрудничество	0,34	-0,03
Уважение	0,20	-0,30
Отношение к инициативе	0,07	-0,11
Содержание социальных сетей работников, среднее значение (медианный интервал), чел.		
Хорошее знакомство	8–10	3–4
Поддержка хороших отношений	свыше 10	5–7
Доверие	8–10	1–2
Дружеские связи	5–7	1–2
Эмоциональные связи	5–7	1–2
Помощь в решении рабочих вопросов	8–10	3–4
Отсутствие помощи в трудной ситуации	1–2	1–2
Напряженность в общении	1–2	1–2

Результаты проведенного исследования подтверждают идею о позитивной роли ресурса социального капитала в модернизационном развитии организаций. Полученные данные свидетельствуют, что производственное поведение групп работников с разным уровнем развития социального капитала имеет свою специфику, их модернизационная активность в трудовом процессе также различается. Изучению

подлежали следующие показатели: а) уровень информированности о работе предприятия; б) эффективность профессиональной деятельности; в) участие в инновационных процессах. Данные показатели, как известно, влияют не только на продуктивность функционирования, но и на качество развития организации, отвечающего потребностям сохранения ее конкурентоспособности. Другими словами, они яв-

ляются залогом успешности модернизационных преобразований производственной среды предприятия.

Широкий доступ к информации и внутриорганизационный обмен ею способствуют пополнению багажа знаний работников, что положительно сказывается на их личностном мастерстве. Предполагается также, что «трансфер знаний» оказывает позитивное влияние на способность персонала организации к инновационной деятельности [Camps S., Marquès P., 2011]. В свою очередь, социальный капитал содействует накоплению и распределению знаний посредством личных контактов и связей между сотрудниками. Корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена показывает, что работники, которые обладают значительным запасом социального капитала, имеют более высокую заинтересованность в информации о предприятии и более высокий уровень осведомленности о нем (см. табл. 2). Согласно опросу доля заинтересованных в получении информации о работе предприятия среди рабочих этой группы составляет 45 %, что практически в 2 раза больше, чем во второй группе работников. Хорошо осведомлены о деятельности предприятия 27 % опрошенных работников с высоким социальным капиталом и только 17 % с низким социальным капиталом. Можно заключить, что работникам, обладающим высоким социальным капиталом, в большей мере доступен важный для их профессионального развития ресурс знаний, тем самым они имеют лучшие возможности для экспериментирования и новаторства.

Эффективность производственной деятельности работников зависит от соблюдения установленных в организации нормативов, регламентирующих условия и качество труда. В отличие от инноваций как фактора (способа) модернизации, ориентированного на качественное усовершенствование тех или иных элементов производственного процесса, показатели эффективности трудовой деятельности (такие как следование правилам техники безопасности, отсутствие опозданий, выпуск качественной продукции и т.п.) в большей мере служат механизмами, поддерживающими модернизационное развитие организации. Исследование позволило выявить ряд статистически значимых взаимосвязей между уровнем развития соци-

ального капитала работников и эффективностью их производственной деятельности (см. табл. 2).

Во-первых, работники с высоким социальным капиталом склонны с большим вниманием относиться к соблюдению техники безопасности, что объясняется их приверженностью установленным в организации нормам, в т.ч. правилам защиты от воздействия опасных производственных факторов. Согласно анализу частотных распределений среди работников, имеющих высокий социальный капитал, доля пренебрегающих техникой безопасности составляет всего 7 %, что практически в 3 раза ниже, чем в альтернативной группе.

Во-вторых, исследование социального капитала рабочих в разрезе отдельных предприятий позволило зафиксировать на одном из них статистически значимые различия по таким показателям эффективности производственного поведения, как отказ от поручаемой работы и повышение качества продукции. Если в первом кластере доля работников данного предприятия, склонных отказываться от поручаемого им производственного задания, составляет 5 %, то во втором — 21 %. Напротив, подавляющее большинство (88 %) работников с высоким социальным капиталом, трудящихся в этой организации, добиваются выпуска продукции высокого качества, это почти в 1,5 раза выше, чем во втором кластере. Таким образом, более высокая плотность и глубина социальных взаимодействий на предприятии, а также более сильная ориентация на скрепляющие их организационные нормы и ценности во многом детерминируют ответственное отношение к выполняемой работе, готовность к качественному и производительному труду.

Наконец, выявлены корреляционные связи между уровнем развития социального капитала работников и их включенностью в инновационные процессы (см. табл. 2). Установлено, что работники, обладающие высоким социальным капиталом, выступают более активными акторами инноваций на предприятии. По данным опроса доля участников инноваций (таких как освоение новых технологий, выпуск новой продукции и т.п.) составляет среди них около половины опрошенных (43 %), в то же время среди работников с низким социальным капиталом — только треть (34 %). В силу того что

акт участия в инновациях зачастую является обязательным компонентом производственной деятельности и регламентируется нормативными документами предприятия, важно проследить отличия между работниками по критерию готовности выступать инициаторами нововведений. Как показывает исследование, работники с высоким социальным капиталом являются не только рядовыми участниками инновационного процесса, но и более активными его инициаторами (потенциальными или реальными). Подавляющее большинство среди них (93 %) готово войти в группу работников производственного подразделения, которая будет участвовать в создании или внедрении каких-либо новшеств. Причем высокой готовностью стать членами подобной группы отличается пятая часть опрошенных (21 %). Среди работников с низким социальным капиталом изъявляют готовность войти в инициативную группу меньшее число человек — 68 %. Статистический анализ свидетельствует о наличии корреляций между уровнем социального капитала и практикой внесения работниками предложений по улучшению условий труда. Неоднократно в течение последнего года к моменту исследования вносили инициативы по улучшению условий труда 20 % работников с высоким социальным капиталом, еще 34 % делали это 1–2 раза. В группе работников с низким социальным капиталом эти доли составляют 8 % и 24 % соответственно. Кроме того, при выделении ядра кластеров² — работников, которые имеют наибольшие (в первом кластере) или наименьшие (во втором кластере) показатели уровня развития социального капитала, — появляются корреляционные зависимости с таким индикатором инновационной активности, как совершенствование технологий. В целом среди работников первого кластера предлагали способы по совершенствованию технологий 64 %, из них неоднократно — 19 %, а среди работников второго кластера — 37 % и 5 % соответственно.

Таким образом, установлено, что чем выше социальный капитал работников, тем более они информированы о работе предприятия и более профессионально эффективны, а также сильнее

вовлечены в продуцирование инноваций. Включенность в социальные сети создает преимущества в виде доступа к ресурсам коллективных знаний и опыта, единство интересов и ценностей работников обеспечивает приверженность общей задаче, а командная работа, в основе которой лежит доверие и взаимная поддержка, обуславливает высокое качество труда, готовность к творчеству и инициативе. В свою очередь, обедненный социальный капитал лишает работников выгод, создаваемых сетевыми взаимодействиями, трудовое поведение таких работников отличается большей пассивностью, они более склонны к нарушению трудовой дисциплины.

Заключение

Как показали результаты анализа, ресурс социального капитала неодинаково распределен среди работников, что ведет к различиям в показателях эффективности их производственной деятельности, качестве выполняемой работы и степени ответственности отношения к ней. В целом доля акторов модернизационного процесса, располагающих высокими запасами социального капитала, среди работников анализируемых предприятий невелика. Это тормозит развитие инновационных инициатив и в ряде случаев отрицательно сказывается на производственном процессе. В частности, усиливаются такие негативные эффекты, как нарушение техники безопасности, отказ от производственных поручений. Установлено, что более высокий уровень социального капитала способствует повышению качества продукции, однако обратного этому влияния низкого социального капитала на ухудшение качества продукции, допущение брака в производстве не выявлено.

Таким образом, с целью повышения инновационной и модернизационной эффективности работы промышленных предприятий требуется разработка и реализация управленческих механизмов по укреплению и развитию социального капитала организации, учитывающих комплексность данного феномена, его когнитивную и структурную компоненты.

² Расстояние от наблюдения до центра его кластера не превышает 7.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции Спирмена между характеристиками производственного поведения и уровнем социального капитала работников

Характеристики производственного поведения	Работники с разным социальным капиталом	
	Все работники кластеров	Ядро кластеров
Информированность о работе предприятия		
Уровень заинтересованности в информации о работе предприятия	-0,250**	-0,232**
Уровень осведомленности о работе предприятия	-0,154*	-0,116
Эффективность профессиональной деятельности		
Повышение качества продукции	-0,118	-0,112
Добровольческая активность	-0,061	-0,016
Опоздания на работу	0,011	0,004
Получение замечаний и выговоров по работе	0,035	0,034
Отказ от использования спецодежды или других средств защиты во время работы	0,151*	0,144
Пренебрежение техникой безопасности	0,180*	0,200*
Допущение брака в работе	0,027	0,054
Отказ от поручаемой работы	0,092	0,040
Участие в инновационных процессах		
Готовность войти в инициативную группу	-0,193**	-0,187*
Участие в создании инноваций	-0,080	-0,092
Внесение предложений, инициатив:		
– по улучшению условий труда	-0,199**	-0,229**
– по совершенствованию технологий	-0,141	-0,209*

* — Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторонняя).

** — Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Список литературы

Адам Ф., Подменик Д. Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 35–48.

Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 36–44.

Бочкарева И.В. Потенциал социальных сетей организации // Общество и экономика. 2011. № 7. С. 122–130.

Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 256–263.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: AdMarginem, 1996. 288 с.

Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Kremlin.ru: Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11> (дата обращения: 23.07.2018).

Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Kremlin.ru: Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 23.07.2018).

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–35.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

Adler P.S., Kwon S. Social Capital: Prospects for a new concept // Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.

Andrews R. Organizational Social Capital, Structure and Performance // Human Relations. 2010. No. 63(5). P. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931.

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education / ed. by J. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 46–58.

Camps S., Marquès P. Social capital and innovation: exploring intra-organisational differences // UAM-Accenture Chair on the Economics and Management of Innovation, Autonomous University of Madrid, Faculty of Economics. 2011. P. 1–39. URL: https://www.uam.es/docencia/degin/catedra/documentos/7_camps_marques.pdf (accessed: 23.07.2018).

Cohen D., Prusak L. In Good Company. How social capital makes organizations work. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2001. 214 p.

Leana C.R., Van Buren H.J. Organizational Social Capital and Employment Practices // Academy of Management Review. 1999. Vol. 24. P. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.2202136.

Lin N. Building a network theory of social capital // Connections. 1999. № 22(1). P. 28–51.

Uphoff N. Understanding Social Capital: Learning from the Analysis and Experience of Participation // Social Capital: A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 215–249.

Получено 29.09.2018

References

Adam, F. and Podmenik, D. (2010). *Sotsialniy kapital v evropeyskikh issledovaniyakh* [Social capital in European studies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11, pp. 35–48.

Adler, P.S. and Kwon, S. (2002). Social Capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27, pp. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.

Andrews, R. (2010). Organizational Social Capital, Structure and Performance. *Human Relations*. No. 63(5), pp. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931.

Belyayeva, L.A. (2014). *Nematerialniy kapital: k metodologii issledovaniya* [Intangible capital: to the methodology of research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 36–44.

Bochkareva, I.V. (2011). *Potentsial sotsialnykh setey organizatsii* [Potential of social networks of the organization]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics]. No. 7, pp. 122–130.

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. *Handbook of theory and research for sociology of Education*, ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press., pp. 46–58.

Camps, S. and Marquès, P. (2011). Social capital and innovation: exploring intra-organisational differences. *UAM-Accenture Chair on the Economics and*

Management of Innovation, Autonomous University of Madrid, Faculty of Economics. Pp. 1–39. Available at: https://www.uam.es/docencia/degin/catedra/documentos/7_camps_marques.pdf (accessed 23.07.2018).

Cohen, D. and Prusak, L. (2001). *In Good Company. How social capital makes organizations work*. Boston: Harvard Business School Press, 214 p.

Coleman J. (2001). *Kapital sotsialniy i chelovecheskiy* [Capital social and human]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3, pp. 122–139.

Fukuyama, F. (2004). *Doverie: sotsialniye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow: ACT: Ermak Publ., 730 p.

Gradosel'skaya, G.V. (1999). *Sotsialniye seti: obmen chastnymi transfertami* [Social networks: exchange of private transfers]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. No. 1–2, pp. 256–263.

Leana, C.R. and Van Buren, H.J. (1999). Organizational Social Capital and Employment Practices. *Academy of Management Review*. Vol. 24, pp. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.2202136.

Lin, N. (1999). Building a network theory of social capital. *Connections*. No. 22(1), pp. 28–51.

Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu ot 1 marta 2015 g. [The President's Address to the Federal Assembly of March 1, 2018]. *Kremlin.ru: Administratsiya Prezidenta Rossii* [Kremlin.ru: Administration of the President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11> (accessed 23.07.2018).

Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu ot 3 dekabrya 2015 g. [The President's Address to the Federal Assembly of December 3, 2015]. *Kremlin.ru: Administratsiya Prezidenta Rossii* [Kremlin.ru: Administration of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed 23.07.2018).

Putnem, R. (1996). *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [For democracy to work. Civil traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem Publ., 288 p.

Radaev, V.V. (2002). *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya* [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 3, no. 4, pp. 20–32.

Tikhonova, N.E. (2004). *Sotsialniy kapital kak faktor neravenstva* [Social Capital as a Factor of Inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*

[Social Sciences and Contemporary World]. No. 4, pp. 24–35.

Uphoff, N. (2000). Understanding Social Capital: Learning from the Analysis and Experience of Participation. *Social Capital: A Multifaceted Perspective*,

ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, pp. 215–249.

Received 29.09.2018

Об авторах

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>

Маркова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>

About the authors

Igor A. Germanov

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2338-6693>

Yulia S. Markova

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Германов И.А., Маркова Ю.С. Социальный капитал работников российских промышленных предприятий как ресурс модернизационного развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 573–582. DOI: [10.17072/2078-7898/2018-4-573-582](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-573-582)

For citation:

Germanov I.A., Markova Yu.S. The social capital of workers of Russian industrial enterprises as a resource of modernization development // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 573–582. DOI: [10.17072/2078-7898/2018-4-573-582](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-4-573-582)

УДК 316.47:316.347(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-583-593

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Хачатрян Людмила Александровна, Коробкина Екатерина Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Современное общество — это общество, сформировавшееся в результате многих перемен, произошедших как в мире, так и в отдельных странах. В нем функционирует множество этнических образований, организованных в сложную этническую и социальную структуру. Данная статья посвящена анализу практики управления межнациональными отношениями в Пермском крае с целью укрепления межнационального согласия. Пермский край, как и Российская Федерация, характеризуется полиэтничностью, причем одни этносы в течение длительного времени живут и развиваются в пределах Пермского края, для других край — место временного пристанища. Усложнение национальной структуры и межнациональных отношений требует соответствующей политики, которая может обеспечить межэтническое согласие. Целью статьи является изучение управленческих практик по достижению межнационального согласия на региональном уровне, поскольку именно на уровне регионов разрабатываются и реализуются уникальные управленческие решения по разрешению межнациональных проблем и предотвращению конфликтов на национальной почве. В Пермском крае накоплен богатый опыт по развитию и гармонизации межэтнических отношений, получивший высокую оценку на общероссийском уровне. В связи с реализацией задач, поставленных в Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., в Пермском крае разработано шесть целевых программ по развитию и гармонизации межнациональных отношений. Это может представлять профессиональный интерес для специалистов сферы управления социальным и межнациональным взаимодействием, достижением межэтнического согласия в обществе.

Ключевые слова: этнос, Пермский край, национальные отношения, полиэтничность, межнациональное взаимодействие, гармонизация межнациональных отношений, управленческие практики, целевая комплексная программа.

**MANAGEMENT PRACTICES FOR STRENGTHENING
OF INTER-NATIONAL CONSENT AT THE REGIONAL LEVEL
(THE CASE OF THE PERM KRAI)**

Ludmila A. Khachatryan, Ekaterina M. Korobkina

Perm State University

Modern society is a society formed as a result of numerous changes that occurred in the world at both global and national levels. It includes many ethnic entities organized into a complex ethnic and social structure. This article analyzes the practice of management of cross-national relations in Perm Krai with the aim of strengthening the interethnic harmony. Perm Krai, just like the whole Russian Federation, is characterized by polyethnicity. While some ethnic groups have been living and developing for a long time within Perm Krai, others regard the region as a temporary place of refuge. Constant complication of the national structure and interethnic relations requires an appropriate policy that can ensure the inter-ethnic harmony. The aim of the article is to study administrative practices for achieving the interethnic harmony at the regional level, since it is at the regional level that unique administrative decisions are being devel-

oped and implemented to resolve interethnic problems and prevent conflicts on national grounds. The Perm region has accumulated a wealth of experience in the area of development and harmonization of cross-national relations, which was highly appreciated at the all-Russian level. Management practices for implementing the tasks set out in the Strategy of the State National Policy in the Russian Federation for the period up to 2025, Perm Krai has developed six targeted programs for the development and harmonization of interethnic relations. This experience is of interest for specialists in the management of social and interethnic interaction, achievement of the inter-ethnic harmony in society.

Keywords: ethnos, Perm Krai, national relations, polyethnicity, interethnic interaction, harmonization of interethnic relations, management practices, target complex program.

В настоящее время среди развитых стран практически нет мононациональных государств. Большинство развитых государств полиэтничны. О полиэтничности населения США, например, свидетельствует тот факт, что предки современных американцев прибыли в страну из 40 стран [Смелзер Н., 1994, с. 304]. Как показали результаты проведенного в 1982 г. исследования, 40 % американцев признают свое смешанное происхождение, и только 11 % отметили принадлежность к одной этнической группе [Смелзер Н., 1994, с. 305]. Подобная ситуация наблюдается и в Великобритании. Так, Э. Гидденс отмечает, что еще в 1867 г. был сделан вывод, что «на этом острове трудно найти истинных англичан» [Гидденс Э., 1991, с. 79]. Можно констатировать, что в одном современном государстве объединены народы, имеющие четкое национальное самосознание либо только его зачатки, свой особый уклад жизни, говорящие на одном языке, но отличающиеся друг от друга уровнем экономического и политического развития, разными интересами и целями, культурой и т.п.

Для современной Российской Федерации также характерна многонациональность, которая была зафиксирована еще при проведении первой Всеобщей переписи населения в 1897 г. Перепись показала, что Российская империя была не только полиэтничной, но и поликультурной, и поликонфессиональной страной, что сохраняется и в современной России.

Но многочисленные этносы объединены государством, на территории которого они проживают, и по отношению к ним государство реализует определенную политику, чтобы сохранить свою целостность и обеспечить обществу поступательное развитие. Национальная политика разрабатывается с учетом специфики полиэтничной структуры общества, наличия в нем разных национальных культур и религиоз-

ных конфессий. Правительства накапливают как позитивный, так и негативный опыт управления многонациональным населением, знакомство с которым позволит другим обществам избежать обострения проблем в межнациональных отношениях. В России отмечены лучшие практики в сфере национальных отношений: межнациональные проекты Общероссийского объединения корейцев, межнациональные практики в Федеральной еврейской национально-культурной автономии, проект «Республиканский фестиваль этнических культур Бурятии», межнациональный караван дружбы «Дорога жизни» и другие. В данной работе мы рассмотрим опыт реализации управленческих практик на региональном уровне (на примере Пермского края).

Методология исследования

В целях изучения управленческих практик по укреплению межнационального согласия в полиэтничном обществе были рассмотрены документы, содержащие данные по интересующей нас проблеме. Метод анализа документов позволяет собрать данные о системе и практике управления, информация о которых зафиксирована в письменном виде. Изученные документы относятся к типу официальных и письменных документов. Несмотря на то что исследователь не имеет прямого контакта с изучаемой реальностью, достоверность полученной информации сомнений не вызывает, т.к. эти документы подписаны официальным лицом, находятся на официальных сайтах Интернета.

Анализ документов проводился неформализованным (традиционным) методом, основанным на соблюдении следующих правил: определение автора документа, цели его создания и надежности, достоверности информации, что позволило собрать данные, отвечающие теме исследования.

В работе по изучению управленческих практик использовался также статистический метод, т.е. приводились данные Госкомстата и Пермьстата.

Теоретическая часть

С момента формирования полиэтнических обществ возникла необходимость в научных теориях, объясняющих возникающие сложные социально-этнические проблемы, обостряющиеся в периоды происходящих в обществе перемен. В XVIII в. появились первые теории, объясняющие причины и сущность этнических различий между людьми. Так, Мейнерс на первый план выдвинул расовые признаки, которые, по его мнению, должны определять место носителя высшей или низшей расы в социальной структуре общества. В XIX в. эту идею продолжил развивать Ж.А. Гобино, который обосновал идею о том, что высшая раса — белая, или арийская, ей противостоит низшая раса, представители которой не способны усвоить достижения цивилизации. Но в науке сложились и противоположные взгляды, например, И.Г. Гердер отмечал, что человечество едино, и все его этнические образования имеют равные права на историческое развитие.

В XX в. представители *функционализма* отмечали, что этнические общности начинают играть в обществе большую роль, т.к., обладая определенным набором элементов материальной и духовной культуры, они представляют хорошо отлаженный *функциональный организм*. Теоретики конфликта подчеркивали, что в условиях экономического и социального неравенства, наблюдаемого в обществе в XX в., появление этнических и расовых конфликтов закономерно. *Теоретики психоанализа* особо подчеркивали то, что для каждого народа характерна определенная «модель культуры», передаваемая из поколения в поколение в неизменном виде, что может негативно отражаться на межэтнических отношениях. Западные социологи ввели в научный оборот понятие «этническая группа», понимая под ней «часть общества, члены которой осознают себя носителями общей для данной группы культуры...» [Смелзер Н., 1994, с. 306]. В определении этнической группы Дж.М. Уингер выделил в ней в качестве основы групповой идентичности расу.

В России категория «этнос» впервые была обозначена еще в 1920-е гг., а содержание понятия раскрыл Ю.В. Бромлей, который в середине XX в. ввел в научный оборот понятие «этнотипы» в узком смысле слова — как совокупности людей, которых объединяют язык, культура, самосознание и самоназвание, и «этнотипы» в широком смысле слова — как общности, объединенные территориально и политически.

Советские социологи в XX в. опирались на марксистскую теорию расцвета и сближения наций при социализме. Взгляды западных и отечественных социологов сошлись в характеристике особенностей современных национальных отношений, которые необходимо учитывать при проведении национальной политики: полиэтничность государств; рост национального самосознания, или «этнический ренессанс»; обострение национального вопроса в странах, где он давно вроде бы был решен; билингвизм; наличие фактического неравенства этносов и конфликтов на национальной почве. В современной России наблюдаются как эти особенности, так и специфические, характерные только для России, корни которых надо искать в советском прошлом страны.

В современной научной литературе такие термины, как «нация», «этнос», часто используются как синонимы. В результате возникает терминологическая неопределенность, которая порождает проблемы в виде некорректного понимания и сопоставления исследований, посвященных проблематике национальных отношений в разных странах, и даже в понимании государственных документов. Так, И.Д. Касумова в работе «Понятийно-терминологический аспект национальной проблематики: соотношение понятий “этнос”, “нация”, “народ”» поднимает проблему использования данных терминов в качестве синонимов в нормативных правовых актах Российской Федерации. Например, в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» некорректно используются термины «этнос», «нация», «народ», которые в одних фрагментах текста документа смешиваются (синонимизируются), в других — разделяются [Касумова И.Д., 2017, с. 112]. Как отмечают российские ученые В.Р. Филиппов и Е.И. Филиппова, в отечественной этнологии до

сих пор нет общего подхода к пониманию этничности [Татуйко И.Н., 2015, с. 97]. И, как известно, нация рассматривается в качестве высшей формы этнической общности. Академик РАН профессор В.А. Тишков рассматривает нацию двояко: как гражданское сообщество и как этническую общность. Он определяет нацию как «большую относительно однородную социальную группу, обладающую общностью языка и культуры, имеющую единую территорию и политические институты и сохраняющую стабильность благодаря солидарности ее членов» [Тишков В.А., Шабаетов Ю.П., 2001, с. 366]. Согласно Р.Г. Абдулатипову, одному из крупных специалистов в области национальных отношений, «нация, этнос — это исторически сформировавшийся коллектив людей со своей специфической средой обитания, территориальности, культурно-языкового, хозяйственно-бытового устройства, психологического, нравственного характера, которые обуславливают соответствующий тип самосознания, идентичности, солидарности и мобилизованности» [Абдулатипов Р.Г., 2004, с. 313].

Необходимость управления межнациональными и национальными отношениями диктуется социальной действительностью, сложившейся в конкретном обществе и требующей конкретной социальной (управленческой) практики. Социальная практика, по мнению теоретиков неомарксизма, может пониматься как достижение определенными средствами результата, выступающего в качестве цели действия. Достижение межнационального согласия — это и есть цель национальной политики в российском обществе. Э. Гидденс отмечает, что для социальной практики характерны такие свойства, как упорядоченность и преемственность. В социологии управления активно используются понятия «практика управления» и «управленческая практика», что подразумевает понимание их как целесообразной и целенаправленной деятельности, т.е. деятельности целерациональной, сущность которой в свое время анализировал М. Вебер. Управленческие практики в сфере межнациональных отношений реализуются на основе поставленных целей и понимания важности этнического культурного феномена в управлении.

Реальность такова, что каждый этнос в России имеет свои специфические интересы, кото-

рые могут стать причиной межнационального конфликта. В стране, решающей задачи модернизации различных сфер общественной жизни, особое внимание уделяется управленческой практике по гармонизации национальных отношений, от состояния которых во многом зависит будущее страны, имеющей большую историю обеспечения межнационального согласия. Национальная политика направлена на решение социальных, экономических, языковых, миграционных, демографических и региональных проблем и представляет систему мер, реализуемых государством и направленных на достижение межнационального согласия.

Полиэтничность Пермского края

Реальность такова, что Российская Федерация — это многонациональное государство, имеющее большую историю обеспечения межнационального согласия. Так, еще первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. констатировала, что на территории империи по критериям «родной язык» и «подданство» можно было определить «инородцев», т.е. тех, кто принадлежал к иным национальностям. Большинство населения было представлено русским этносом (47,7 %), далее в порядке убывания отмечались украинцы, белорусы, казахи и киргизы, евреи, татары, узбеки, народы Северного Кавказа, латыши, немцы, литовцы, башкиры, армяне, молдаване с румынами, поляки, эстонцы, мордва, чуваша, грузины и др. [Первая Всеобщая...]. То есть Российская империя была не только полиэтничной, но и поликультурной и поликонфессиональной страной. В данной переписи были выделены великорусы, малорусы, белорусы, которые составляли 71,7 % населения страны.

Пермский край — один из самых многонациональных субъектов Российской Федерации. Он изначально складывался как многонациональный, имеющий особенности быта и культуры разных народов. В Пермской губернии по результатам переписи 1869 г. проживали русские, коми-пермяки, татары, башкиры, удмурты, марийцы, манси. Усложнение этнического состава населения происходило в результате массовых миграций россиян после отмены крепостного права. Так, отмечен такой исторический факт, что в Перми в 1890 г. проживали представители 22 этносов.

Фактически современная этническая ситуация Пермского края отражает в миниатюре этническую карту России. Если в 1989 г. в Пермской области проживало 120 народов, то в Пермском крае в 2002 г. уже 128; а в 2010 г. — 146, причем 44 из них имели численность немногим больше 100 человек [Всероссийская перепись ...].

После распада СССР национальная структура Пермской области (с 1 декабря 2005 г. Пермского края) стала усложняться за счет иммигрантов из стран СНГ. В край только с 2011 по 2015 г. прибыло 7084 таджика, 7356 узбеков, 2707 азербайджанцев, 2867 киргизов, 5022 украинца. К нам в меньшем количестве едут армяне, белорусы, казахи, молдаване и туркмены [Пермский край в цифрах, 2016, с. 32]. Необходимо отметить, что каждый народ самобытен и уникален. Имеет свою особую культуру, свои обычаи и традиции, и в целях сохранения их единства и достижения межнационального согласия очень важно проводить определенную национальную политику, чтобы избежать обострения межнациональных отношений и не допустить межнациональные конфликты. Так, разрабатывается концепция национальной политики, которая представляет собой определенную совокупность политических мер, осуществляемых в отношении народов, проживающих на территории одного государства.

Проблема заключается в том, что при проведении государственной политики необходимо учитывать реальную национальную ситуацию на территории каждого субъекта Российской Федерации. Регионы отличаются друг от друга по этнической структуре, по уровню политического, экономического и социального развития. Это позволяет нам говорить о необходимости разработки уникальных программ развития межнациональных отношений на территории субъектов Российской Федерации. Так, в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается: «Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года при

осуществлении своей деятельности в этой сфере» [О Стратегии...].

Высшей целью национальной политики РФ признано создание всем народам России необходимых условий для полноценного социального и национального культурного развития в составе единого многонационального государства на основе соблюдения прав человека и этноса.

В данной работе рассматривается опыт национальной политики в регионе с позиции принятия регионом стратегии национальной политики в России и реализации региональных программ, посвященных как развитию различных этносов на региональном уровне, так и укреплению межнационального согласия.

Целевые программы гармонизации национальных и межнациональных отношений в Прикамье

В связи с полиэтничностью Пермского края возникает необходимость в формировании и реализации национальной политики, которая должна отвечать реальным требованиям общества и его структурных элементов и обеспечивать в обществе социальный порядок. Согласно мнению экспертов, реализуемая национальная политика в Пермском крае является одной из самых успешных на территории России.

С целью объединения усилий органов власти всех уровней, различных учреждений и этнических объединений в деле обеспечения успешного развития межэтнических отношений в Пермском крае был образован коллегиальный совещательный орган — Координационный совет по национальным вопросам при губернаторе Пермского края [О Координационном совете...]. В него вошли представители исполнительных органов государственной власти Пермского края, территориальных органов исполнительной государственной власти Российской Федерации в Пермском крае, а также представители органов местного самоуправления, руководители 26 национальных общественных организаций, эксперты и ученые. В Положении о Координационном совете определены задачи по решению национальных проблем, по обсуждению практики реализации национальной политики в территориях нашего края, определены ее приоритетные направления, а также меры по обеспечению взаимодей-

ствия исполнительных органов государственной власти Пермского края, органов местного самоуправления, национальных общественных организаций.

Пермский край один из первых в России использовал *программно-целевой подход* к решению межэтнических проблем.

В 1992 г. на основании Концепции национальной политики РФ была разработана *первая* целевая комплексная «Программа поддержки национальных культур Прикамья» на 1993–1995 г. [Целевая комплексная программа...].

Это был один из первых документов в России, регулирующий национальную политику на региональном уровне. Важнейшей задачей Программы было выявление путей возрождения и развития национальных культур Прикамья. Решению задачи помогло проведенное Пермским государственным техническим университетом комплексное социологическое исследование, которое выявило состояние и основные проблемы в сфере межнациональных отношений в регионе. Главное внимание было уделено развитию образования, культуры, средств массовой информации, спорта и т.п., сотрудничеству с национально-культурными центрами края. Практика реализации Программы показала ее значимость как «реального механизма осуществления государственной национально-культурной политики в регионе» [Пермская область...].

Вторая областная целевая комплексная программа «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья на 1996–1998 гг.» особое внимание уделяла совершенствованию организационных механизмов национально-культурной политики в регионе, формированию уважительного отношения к культурам других народов. В Программе предусматривалась система мер по совершенствованию управленческой практики по сохранению и развитию этнокультурной самобытности народов Прикамья. К 200-летию Пермской губернии был издан сборник материалов на тему «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья», посвященных анализу итогов реализации первой и второй программ. С 1992 г. в практику работы администрации области с целью оценки эффективности Программы вошел социологический мониторинг. Данные мониторинга показали, что показатель

«обострение национальных отношений в Прикамье» снизился в 1997 г. по сравнению с 1993 г. с 20 % до 3,8 % [Пермский край..., 2011, с. 8].

На период с 1999 по 2003 г. была разработана и принята *третья* «Целевая комплексная программа гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья» [Краевая целевая...], отразившая преемственность по отношению и к первой, и ко второй программам. В Программе особое внимание уделялось социальной стороне гармонизации межнациональных отношений, а также повышению «роли национальных объединений как основных институтов самоорганизации этносов» [Пермская область...]. В районах компактного проживания этнических групп принимались меры по нейтрализации экстремизма, привлечению органов местного самоуправления к решению возникающих национальных проблем. Безусловным достижением реализации третьей Программы признано проведение межрегионального форума «Русский мир». Форум способствовал решению важнейшей задачи пропаганды всего богатства русской национальной культуры и форм ее взаимодействия с культурами других народов. Следует отметить, что принципами деятельности форума «Русский мир» являются многонациональность, практическая направленность и массовость, которые способствуют взаимообогащению и взаимопроникновению культур народов, проживающих рядом, популяризации лучших достижений не только русской культуры, но и других культур, а также привлечению к работе форума все большего количества людей. В настоящее время форум стал ежегодным мероприятием, обогатившим управленческую практику в Пермском крае.

18 августа 2003 г. была принята очередная (*четвертая*) областная (уже краевая) целевая Программа развития и гармонизации межнациональных отношений на 2004–2008 гг. [Пермская область...]. Ее содержание определялось необходимостью активизации работы по адаптации и социализации «новых этнических диаспор», которые возникли в результате активизации миграционных процессов и возросшей трудовой миграции из стран СНГ в Россию. Они представляли определенную опасность для межнационального согласия в регионе.

Управленческая практика региона пополнилась внедрением *модульного подхода* в процесс реализации Программы, который может вызвать профессиональный интерес у специалистов. Суть его сводилась к тому, что население края было ранжировано по нескольким подгруппам, а модуль учитывал специфику каждой группы. Например, относительно народов, для которых территория края является исконной (коми-пермяки и коми-язьвенцы) цель программных мероприятий заключалась в сохранении и развитии их уникальности; для тех, кто традиционно проживает в крае (русские, украинцы, татары, башкиры и др.), ставилась задача создать условия для самостоятельного развития; в отношении новых диаспор, возникших в результате миграции (армяне, грузины, таджики, китайцы и т.п.), ставилась задача — содействовать их интеграции в местное региональное сообщество. В Программе предусматривалось проведение разнообразных мероприятий, которые отвечали потребностям и интересам этносов: поддержка национальных творческих коллективов, проведение межнациональных фестивалей, смотров, конкурсов, издание литературы на национальных языках и т.п.

Пятая краевая целевая Программа, рассчитанная на 2009–2013 гг., была направлена на дальнейшее создание условий для национального развития и гармонизации *межнационального взаимодействия* народов края, укрепление правовой базы национальной политики в регионе, недопущение конфликтов на национальной почве. В новой социальной реальности обострились «вопросы сохранения развития этнокультурного наследия региона, прав граждан на сохранения этнокультурной самобытности, пользования родным языком, приобщения к родной культуре, а также профилактики этнического экстремизма» [Народы Пермского...]. Признанным результатом реализации Программы явилось то, что на качественно новый уровень работы поднялась деятельность этнических общественных объединений. За время ее действия появилось 10 новых этнических общественных организаций. Следует отметить, что в результате проведенных в крае социологических исследований было выяснено, что в декабре 2013 г. 90,7 % опрошенных высказали удовлетворение по поводу возможности реализации своих национальных потребностей, в

2008 г. таковые составляли 88,3 % респондентов. В крае удалось снизить на 0,4 % уровень социальной межнациональной напряженности, хотя среди молодежи еще наблюдается некоторая напряженность по отношению к представителям некоторых новых диаспор [Целевая комплексная программа...; Межэтнический мир Прикамья..., 1992, с. 42–92].

С 2014 г. в Пермском крае реализуется *шестая* по счету Программа, главное содержание которой определяется подпрограммой «Обеспечение взаимодействия общества и власти». Цели программы:

- укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, проживающего в Пермском крае;

- содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений;

- обеспечение этнокультурного многообразия народов России;

- обеспечение реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 года № 718;

- объединение усилий всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных организаций.

В 2014 г. были проведены специальные мероприятия по социальной и культурной адаптации мигрантов. Например, в июле 2014 г. для иностранных граждан была открыта первая краевая биржа труда, где можно получить не только разрешение на работу, но и консультацию по вопросам законного пребывания на территории РФ [Народы...].

На 2016–2019 гг. запланировано проведение следующих мероприятий: «Укрепление российского единства и этнокультурное развитие народов Пермского края», «Проведение традиционных народных праздников, массовых мероприятий и культурных акций для народов Пермского края», «Поддержка и развитие деятельности национальных общественных объединений», численность которых увеличилась до 75, «Развитие национального книгоиздания» и многое другое [Об утверждении...]. Все эти

мероприятия должны способствовать сохранению стабильной позитивной динамики этнополитической ситуации в Пермском крае, повышению показателя доли граждан, удовлетворенных возможностями реализации своих национальных интересов, реализации культурных проектов в области просвещения этнокультурных ценностей, толерантных отношений и т.д.

В отличие от предыдущих программ в данной Программе сделан акцент на инфраструктурное развитие этнокультурных процессов в крае. В рамках развития управленческих практик в регионе запланированы меры, направленные на развитие позитивных изменений в межнациональных и межконфессиональных отношениях в Пермском крае, на повышение роли общественного мнения при принятии управленческих решений. Особое внимание обращается на поддержку межэтнических и межрегиональных инициатив, направленных на противодействие проявлениям этнического экстремизма, и на расширение этнокультурного и информационного взаимодействия городских округов и муниципальных районов края с целью развития гражданской самоорганизации [Государственная программ...]. Программа включает комплекс действий, направленных на удовлетворение религиозных и национальных потребностей населения, поддержку гражданских инициатив.

Заключение

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Полиэтничность государств и отдельных регионов — это новая социальная реальность, которую необходимо учитывать при разработке социальной политики. Каждый этнос вправе иметь свои собственные интересы и потребности, которые могут не совпадать с интересами другого этноса, поэтому многонациональному обществу нужна грамотная национальная политика, учитывающая реальное состояние дел в национальных отношениях.

Пермский край, территория которого составляет 1 % территории Российской Федерации, — один из крупнейших многонациональных субъектов, на территории которого проживают представители более 125 этносов. В постсоветский период истории в крае наблюдается

усложнение этнической структуры, о чем свидетельствуют постоянно прибывающие мигранты не только из бывших союзных республик, но и из многих развивающихся стран. На сегодняшний день в центре внимания краевых властей стоят вопросы сохранения этнокультурного наследия региона, а также создании благоприятных условий для интеграции и социальной адаптации представителей возникающих диаспор к местному сообществу.

В Пермском крае накоплен значительный опыт по развитию и гармонизации межнациональных отношений. Власти края используют новые концептуальные подходы к разработке государственной национальной политики на уровне региона, при этом отмечают, что этническое многообразие можно рассматривать как большой потенциал и серьезный ресурс для дальнейшего развития края. Новые концептуальные подходы в управленческой практике: системность и комплексность, программно-целевой метод стали основой краевых целевых программ по развитию и гармонизации межнациональных и национальных отношений и достижения на этой основе межнационального согласия.

Администрация губернатора Пермского края использует метод социологических опросов в целях выяснения мнения граждан относительно ситуации в межнациональных отношениях. Результаты опросов показали, что в крае проявляется четкая тенденция снижения уровня социальной напряженности, вызванной межнациональными противоречиями. В практике управления Пермским краем прочно утвердилась работа по оценке реального состояния межнациональных отношений, благодаря мониторингу в муниципалитетах края. Своевременная информация о результатах еженедельных мониторингов, о проведенных и планируемых мероприятиях, о возникновении межэтнической напряженности способствует формированию благоприятных условий для принятия мер по снижению напряженности и достижению межэтнического согласия.

Краевые и муниципальные власти заинтересованы в налаживании эффективного взаимодействия власти и представителей национальных, этнических общественных объединений с целью укрепления и развития межнациональных отношений, утверждения межнациональ-

ного согласия. Все это формирует у граждан толерантность, взаимопонимание, уважение к другим народам.

Пермский край признан одним из эффективных регионов с реализованной национальной политикой, что не раз отмечалось на российском уровне. В регионе сложилось новое качество взаимодействия: каждая общественная этническая организация ощущает себя частью общего процесса, проявляет собственную инициативу, участвует в принятии решений по преодолению возникающих проблем и проявлений этнического экстремизма и несет ответственность за их выполнение. Такое взаимодействие обеспечивает устойчивое развитие и гармонизацию межнациональных отношений.

Таким образом, управленческие практики органов государственной власти в регионе опираются на приоритеты государственной национальной политики в Российской Федерации и учитывают конкретную этнополитическую и этнокультурную специфику края. Благодаря эффективной этнонациональной политике функционирует современное государство, которое позволяет этносам не только интегрироваться в единое общество, но и сохранить свою самобытность, «не раствориться» в другом этносе.

Список литературы

Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: учеб. пособие для студентов вузов. СПб.: Питер, 2004. 313 с.

Всероссийская перепись населения, 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itog1612.htm (дата обращения: 12.06.2018).

Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов (реферированное издание). Челябинск, 1991. 276 с.

Государственная программа «Обеспечение взаимодействия общества и власти» // Пермский Край. URL: <http://permkrai.info/2013/10/03/r8083.htm> (дата обращения: 30.09.2018).

Касумова И.Д. Понятийно-терминологический аспект национальной проблематики: соотношение понятий «этнос», «нация», «народ» // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 10. С. 106–112.

Краевая целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 годы // Пермский Край. URL: <http://permkrai.info/2009/01/13/r30099.htm> (дата обращения: 28.09.2018).

Народы Пермского края. Этническая история и современное этнокультурное развитие. СПб.: Маматов, 2014. 416 с. URL: http://www.mamatov.ru/doc/atlas_v_p.compressed.pdf (дата обращения: 18.09.2018).

«О координационном совете по национальным вопросам при губернаторе Пермского края»: указ губернатора Пермского края от 04 сентября 2012 г. N 58. URL: <http://docs.cntd.ru/document/911537635> (дата обращения: 11.06.2018).

«О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения: 11.06.2018).

«Об утверждении государственной программы Пермского края “Общество и власть”»: постановление правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. N 1326-п (с изм. на 30 августа 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424077543> (дата обращения: 23.06.2018).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Центр. стат. комитет Мин-ва внутренних дел, 1899–1905. URL: <https://www.prlib.ru/item/436681> (дата обращения: 18.09.2018).

Пермская область. Приоритеты и политика региональных властей. URL: <http://www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Perm/Perm02.htm> (дата обращения: 28.09.2018).

Пермский край в цифрах. 2016: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2016. 179 с.

Пермский край — территория межнационального согласия. СПб.: Маматов, 2011. 96 с.

Смелзер Н. Социология: пер с англ. М.: Феникс, 1999. 304 с.

Татуйко И.Н. К вопросу о теоретических основах формирования положительной этнической самоидентификации у школьников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 1(153). С. 96–102.

Тишков В.А., Шаббаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 376 с.

Целевая комплексная программа поддержки развития национальных культур народов Прикамья на 1993–1995 гг. // Межэтнический мир При-

камья. Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 1. М., 1996. С. 42–92.

Получено 01.10.2018

References

- Abdulatipov, R.G. (2004). *Etnopolitologiya* [The Ethnopolitics], St. Petersburg: Peter Publ., 313 p.
- Giddens, A. (1991). *Sociology*, Chelyabinsk, 276 p.
- Gosudarstvennaya programma «Obespechenie vzaimodeystviya obshchestva i vlasti»* [State program «Ensuring interaction of society and the power»]. Perm Krai. Available at: <http://permkrai.info/2013/10/03/p8083.htm> (accessed 30.09.2013).
- Kasumova, I.D. (2017). *Ponyatiynno-terminologicheskii aspekt natsionalnoy problematiki: sootnoshenie ponyatii «ethnos», «natsiya», «narod»* [The Conceptual and terminological aspect of national problems: the ratio of the concepts of «ethnos», «nation», «people»]. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki* [Skif. Questions of student science]. No. 10, pp. 106–112.
- Kraevaya tselevaya programma razvitiya i garmonizatsii natsionalnykh otnosheniy narodov Permskogo kraja na 2009–2013 gody* [The Regional Program for the Development and Harmonization of the National Relations of the Peoples in the Perm Krai during 2009–2013]. Perm Krai. Available at: permkrai.info/2009/01/13/p30099.htm (accessed 28.09.2013).
- Narody Permskogo kraja. Etnicheskaya istoriya i sovremennoe etnokulturnoe razvitie* (2014) [Peoples of the Perm region. Ethnic history and modern ethnocultural development]. St. Petersburg: Mamatov Publ. 416 p. Available at: www.mamatov.ru/doc/atlas_v_p.compressed.pdf (accessed 18.09.2018).
- «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Permskogo kraja “Obshchestvo i vlast”»: postanovleniye pravitelstva Permskogo kraja ot 3 oktyabrya 2013 g. N 1326-p* [On Approval of the State Program of the Perm Krai «Society and Power»: Resolution of the Government of the Perm Krai of Oct. 3, 2013. N 1326-p]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/424077543> (accessed 23.06.2018).
- «O koordinatsionnom sovete po natsionalnym voprosam pri gubernatore Permskogo kraja»: ukaz gubernatora Permskogo kraja ot 04 sentyabrya 2012 g. N 58.* [About the Coordination Council on national issues of the Governor of Perm Krai: Decree of the Governor of the Perm Territory of Sep. 4, 2012. N 58.]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/911537635> (accessed 11.06.2018).
- «O Strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda»: ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. N 1666.* [About the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025: Decree of the President of Russian Federation of Dec. 19, 2012. N 1666]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102161949 (accessed 11.06.2018).
- Permskaya oblast. Prioritety i politika regionalnykh vlastey* [Perm region. Priorities and policies of regional authorities]. Available at: www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Perm/Perm02.htm (accessed 28.09.2013).
- Permskii krai — territoriya mezhnatsionalnoy soglasiya* (2011) [Perm Krai as a territory of inter-ethnic harmony]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 96 p.
- Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. / pod red. N.A. Troynitskogo* (1899–1905) [The First General Census of the Russian Empire in 1897, ed. by N.A. Troynitskiy]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior. Available at: <https://www.prilib.ru/item/436681> (accessed 18.09.2018).
- Permskiy kray v tsifrakh. 2016. Kratkiy statisticheskiy sbornik.* [The Perm Territory in figures 2016. A brief statistical compilation]. Territorial authority of the Federal State Statistics Service for Perm Krai. Perm, 179 p.
- Smelzer, N. (1999). *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Phoenix Publ., 304 p.
- Tatuiko, I.N. (2015). *K voprosu o teoreticheskikh osnovakh formirovaniya polozhitelnoi etnicheskoi samoidentifikatsii u shkolnikov* [On the theoretical basis of the formation of positive ethnic self-identification of schoolchildren]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 1(153), pp. 96–102.
- Tselevaya kompleksnaya programma podderzhki razvitiya natsionalnykh kultur narodov Prikamya na 1993–1995 gg.* (1996) [The complex program for supporting the development of national cultures of the peoples of the Kama region during 1993-1995]. *Mezhnatsionalnyy mir Prikamya. Opyt etnopoliticheskoy deyatel'nosti administratsii Permskoy oblasti. T. 1* [Interethnic world of Prikamye. Experience of ethno-political activity of the administration of the Perm region. Vol. 1]. Pp. 42–92.

Tishkov, V.A. and Shabaev, Yu.P. (2001).
Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti
[The Ethnopolity: political functions of ethnicity].
Moscow: MSU Publ., 376 p.

Vserossiyskaya perepis naseleniya, 2010 g.
(2010) [Russian population census, 2010]. Federal

State Statistics Service. Available
at:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 12.06.2018).

Received 01.10.2018

Об авторах

Хачатрян Людмила Александровна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: hachatryan46@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0557-2545>

Коробкина Екатерина Михайловна
магистрант направления «Социология»
философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: korobkina3005@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6464-5957>

About the authors

Ludmila A. Khachatryan
Ph.D. in History, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: hachatryan46@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0557-2545>

Ekaterina M. Korobkina
Postgraduate Student of the «Sociology» Program,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: korobkina3005@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6464-5957>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хачатрян Л.А., Коробкина Е.М. Управленческие практики по укреплению межнационального согласия на региональном уровне (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 583–593. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-583-593

For citation:

Khachatryan L.A., Korobkina E.M. Management practices for strengthening of inter-national consent at the regional level (on the example of the Perm Krai) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 583–593. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-583-593

УДК 316.3:331.5(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЯТНИКОВОЙ
ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)***

Захарченко Анна Александровна, Пить Виктор Викторович

Научно-технический центр «Перспектива» (Тюмень)

Вызовы современного мира таковы, что мобильность рабочей силы становится все более актуальной для социума. Трудовая мобильность, в частности, такое явление, как маятниковая миграция, становится все более значимым экономическим и социальным инструментом. Российский рынок труда характеризуется формированием этого относительно нового вида трудовой мобильности, который отвечает требованиям современной экономики и способствует гибкости рынка. Исследование маятниковой трудовой миграции в настоящее время позволяет оценить ряд аспектов социально-экономической ситуации в регионах России. В статье рассматривается явление маятниковой трудовой миграции и ее особенности в Уральском федеральном округе. Данные, представляющие эмпирическую базу исследования, получены методом анкетного опроса населения шести городов Уральского федерального округа в Свердловской, Тюменской и Курганской областях. Пилотажное исследование проведено во второй половине 2017 г. Научно-техническим центром «Перспектива» в рамках научного проекта «Локальность рынков труда российских городов», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований. На основе полученных данных сделан вывод о демографических характеристиках и половозрастной структуре маятниковых трудовых мигрантов региона, частоте и причинах миграции, а также выделены основные сферы занятости при маятниковой миграции. В целом результаты исследования позволили выявить региональные особенности маятниковой трудовой миграции, а также охарактеризовать общий вектор развития этого явления. Также обосновывается необходимость более глубокого изучения особенностей маятниковой трудовой миграции в регионах с целью определения ее структуры, функциональной направленности и эффективности.

Ключевые слова: трудовая маятниковая миграция, мобильность, занятость, трудовые ресурсы, регион.

**REGIONAL FEATURES OF COMMUTING LABOR MIGRATION
IN THE URAL FEDERAL DISTRICT
(ON EXAMPLE OF THE PILOT RESEARCH)**

Anna A. Zakharchenko, Victor V. Pit

Scientific-Technical Center «Perspective» (Tyumen)

The modern world and its challenges are requiring greater mobility of labor force. Labor mobility and the phenomenon of circular migration are becoming an increasingly important economic and social instrument. The Russian labor market is characterized by the formation of its relatively new type of labor mobility, which is going to meet the requirements of the modern economy and contribute to the flexibility of the market. Consideration of the current commuting labor migration makes it possible to assess, among other things, some important aspects of the socioeconomic situation in the regions of Russia. The article

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-02-00299-ОГН.

considers the phenomenon of circular labor migration and features of its manifestation in the Ural Federal District. The data representing the empirical base of the research was obtained by means of a questionnaire survey conducted among the population of six cities and towns of the Ural Federal District in the Sverdlovsk, Tyumen and Kurgan regions. The pilot research was conducted in the second half of 2017 by the Scientific-Technical Center a «*Perspective*» as part of the research project «Locality of Labor Markets of Russian Cities» with the support of the Russian Foundation for Basic Research. The findings allowed us to draw a conclusion on the demographic characteristics and age-sex structure of circular labor migrants in the region, on the frequency and causes of migration, as well as to identify the main areas of employment typical of those involved in circular migration. In general, the research results made it possible to identify the regional features of the circular labor migration and to characterize the general vector in the development of the phenomenon. The paper substantiates the need for further in-depth study of circular labor migration and its features in the regions with a view to structuring this phenomenon, revealing its functional orientation and efficiency.

Keywords: circular labor migration, mobility, employment, labor resources, region.

Трудовая мобильность, в частности, такое ее проявление, как маятниковая трудовая миграция, становится все более значимым экономическим и социальным инструментом, в том числе и для России. Исследование маятниковой трудовой миграции в настоящее время позволяет оценить некоторые важные аспекты социально-экономической ситуации в регионах России [Бояркин Г.Н., 2005, с. 12].

Маятниковую трудовую миграцию необходимо рассматривать как один из элементов преобразования и динамики рынка труда, а также как постоянный социально-экономический процесс. Глубокое изучение маятниковой миграции позволит обеспечить контроль, прогнозирование и управление движением трудовых ресурсов российских регионов [Волосенкова Е. и др., 2007, с. 43; Бобылев В., 2009; Заславский И.Е., 2000; Регент Т., 1999].

Изучение маятниковой трудовой миграции приобретает актуальность в условиях формирования городских агломераций как процесса, влияющего на процесс субурбанизации, как важной задачи региональной экономики, способствующей активному и эффективному развитию территорий [Афонин Н.В., 2012, с. 15]. Современное экономическое пространство характеризуется концентрацией экономических, демографических и социальных ресурсов вокруг крупных городов и формированием агломераций как нового инструмента региональной экономики. По мнению А.Г. Уляевой и Л.И. Миграновой, городские агломерации являются опорными узлами регионального экономического пространства и концентрируют в себе производственные, инженерные и транспортные сети, что в конечном итоге оказывает влияние на

социально-экономическое развитие региона и его отдельных территорий [Уляева А.Г., Мигранова Л.И., 2017, с. 180]. Маятниковая трудовая миграция, как одна из форм подвижности трудовых ресурсов, играет ведущую роль в формировании, функционировании и развитии агломераций. Под маятниковой миграцией понимается ежедневное челночное перемещение части населения — маятниковых трудовых мигрантов — между местами работы и проживания, находящимися далеко друг от друга и в разных экономических субъектах (районах, городах, регионах, областях и т.п.) [Шитова Ю.Ю., 2010, с. 3].

Академические работы по вопросам изучения маятниковой трудовой миграции носят мультидисциплинарный характер и рассматриваются в социологии, экономике, демографии, географии и других науках.

Изучение мобильности рабочей силы имеет достаточно давние корни в экономической науке, рассматривающей ее с самых различных точек зрения и подходов [Кованова Е.С., 2005, с. 7]. Среди зарубежных авторов, посвятивших свои работы мобильности рабочей силы, которая определяет развитую рыночную экономику, можно выделить Дж. Антеля, В. Виокузи, А. Дикмана, Р. Топела, Б. Холмлунда.

Вопросы и проблемы трудовой миграции в целом активно рассматривались такими авторами, как Е. Ревенштейн, Д. Хикс, Д. Харрис, С. Кастельс, Д. Симон, Д. Тейлор, М. Торадо и др. В неоклассической теории М. Торадо рассматривает стимулирование миграции «региональной экономической оценкой работника относительно затрат и выгод, прежде всего, финансовых. Решение мигрировать зависит от ожидаемых различий в уровне заработной пла-

тымежду городом и селом. Миграция избытка рабочей силы, превышающей возможный уровень занятости в городах, не только возможна, но и рациональна с учетом позитивных ожидаемых сельско-городских различий в доходах» [Мальцева Е.С., 2012, с. 41].

Маятниковую трудовую миграцию с точки зрения урбанистской теории рассматривали Е. Милз, В. Симпсон, Л. Мизес. С точки зрения географического подхода — Д. Закс, Я. Рувендал.

Говоря об отечественных авторах, изучающих вопросы трудовой мобильности в целом и маятниковой миграции в частности нельзя не отметить подход новосибирской социологической школы, которая рассматривает движение рабочей силы как результат несовпадения интересов отдельных групп трудящихся, предприятий, народного хозяйства в целом. Системные исследования такого вида мобильности, как миграция населения, проводились Т.И. Заславской [Менжерес А.В., 2005, с. 4]. Помимо этого, среди советских и российских авторов, изучающих трудовую мобильность, можно отметить социологов А.И. Аитову, Е.М. Андрееву, Ж.А. Зайончковскую, З.В. Куприянову, В.А. Ионцева, Е.Е. Скворцову, Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова, Н.В. Мкртчян [Мкртчян Н.В., 2003, с. 151; Зайончковская Ж.А. и др., 2015] и др.

К современным авторам, посвящающим свои работы маятниковой трудовой миграции, а также применяющим принципиально новые для российской науки подходы к ее изучению (например, использование данных сотовых операторов, ГИС-мониторинг и т.д.), можно отнести Г. Давидовича, В.Б. Курмана, И.М. Таборисскую, Б.С. Хорева, Ю.Ю. Шитову, Ю.А. Шитова, И.О. Мальцева, А.Г. Махрову [Махрова А.Г. и др., 2016] и др. Особенности влияния заработной платы на перемещения трудовой силы рассматривались М.А. Гильтман [Гильтман М.А., 2016].

Несмотря на достаточно широкий круг работ и подходок к изучению маятниковой трудовой миграции, движению рабочей силы и мобильности трудовых ресурсов, изучение данных процессов кажется недостаточным, во многом из-за трудности получения статистических данных и некоторой хаотичности трудовых миграционных процессов. С этой точки зрения представляется значимым рассмотрение

региональных особенностей маятниковой трудовой миграции в контексте не только социальных и экономических характеристик рынков труда в регионах, но и во взаимосвязи с другими важными факторами, в конечном итоге определяющими развитие регионов, например, таких как географическая составляющая, социальные и демографические особенности маятниковых мигрантов, экономические, социальные, демографические, политические детерминанты маятниковой миграции и др.

С этой целью в 2017 г. Научно-техническим центром «Перспектива» в рамках научного проекта «Локальность рынков труда российских городов», поддержанного РФФИ, в Уральском Федеральном округе было проведено пилотажное исследование региональных особенностей маятниковой трудовой миграции, которое позволило определить общий вектор направления развития маятниковой миграции и выделить ряд ее особенностей в округе.

Так, выбор места работы, предполагающей пребывание в другом населенном пункте без переезда на постоянное место жительства, значительно чаще характерен для мужчин (62 %). Доля женщин среди респондентов, которые трудоустроены удаленно, составляет 38 %, что также представляет собой значимую часть опрошенных (рис. 1).

Несколько чаще маятниковая трудовая миграция наблюдается среди молодых людей в возрасте 20–29 лет (38 %), что связано с высокой социальной, трудовой и территориальной мобильностью представителей данной возрастной группы. Реже других отдают предпочтение работе в других населенных пунктах люди в возрасте 40–49 лет (всего 13 %). Однако нельзя не отметить наличие прямой закономерности между возрастом и маятниковой трудовой миграцией. Тенденция к сокращению доли населения, трудозанятого в других населенных пунктах, с увеличением возраста сохраняется до 49 лет. Тогда как среди представителей старшей возрастной группы в два раза чаще встречается занятость вне населенного пункта постоянного проживания (26 %), чем среди респондентов 40–49 лет. Вероятно, интерес людей предпенсионного возраста к отдаленной работе связан с экономическими факторами, в том числе спецификой местного и регионального рынка труда (рис. 2).

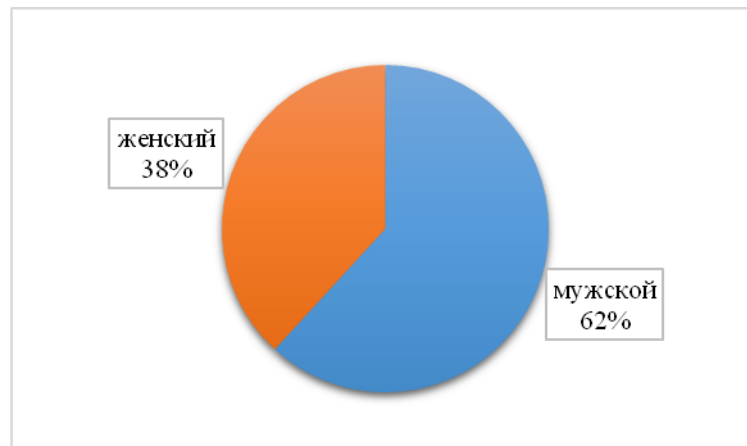

Рис. 1. Демографические характеристики маятниковых мигрантов (пол)

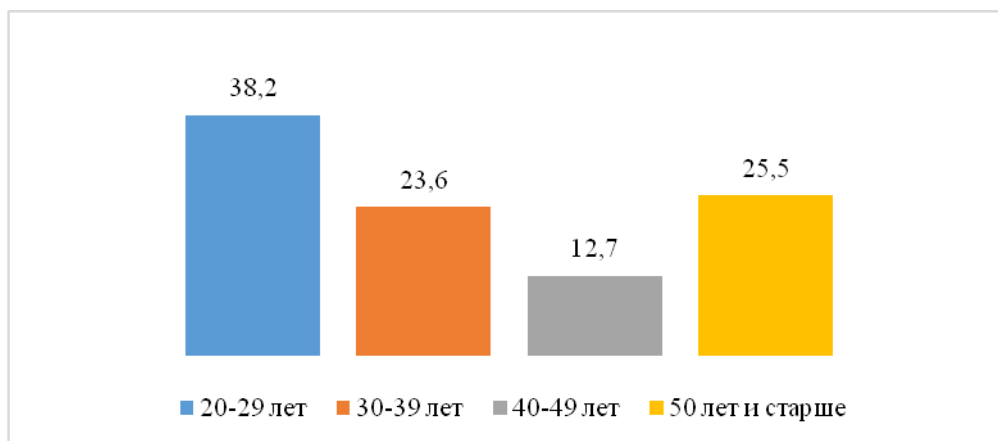

Рис. 2. Демографические характеристики маятниковых мигрантов (возраст)

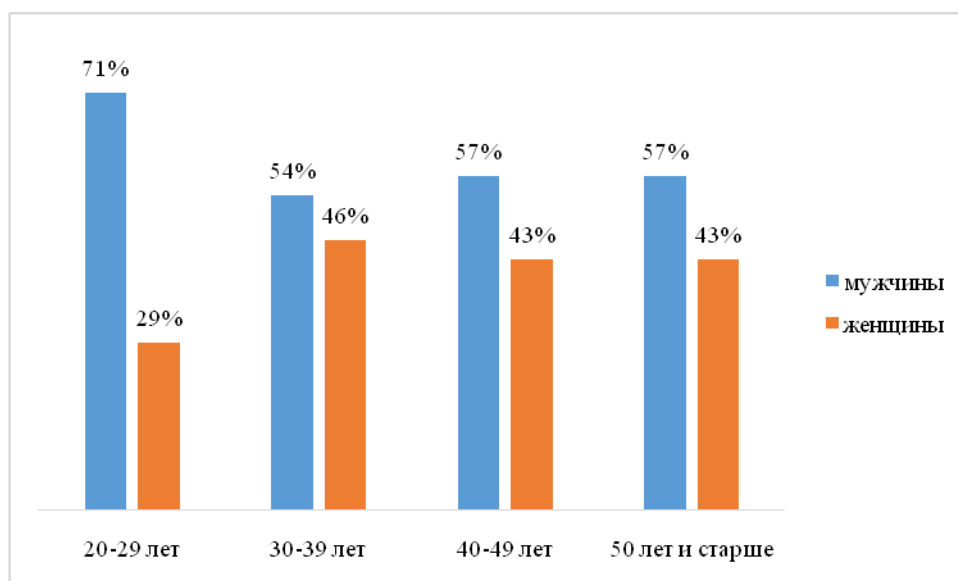

Рис. 3. Половозрастная структура маятниковых мигрантов

При этом важно отметить, что если среди молодых людей (20–29 лет), работающих в других населенных пунктах, преобладают мужчины (71 %), то с увеличением возраста гендерная структура выглядит более сбалансированно. Начиная с 30 лет значительно увеличивается доля женщин, для которых свойственна работа за пределами населенного пункта проживания до 43–46 %.

Таким образом, половозрастная структура маятниковой трудовой миграции в большей степени представлена мужчинами 20–29 лет (рис. 3).

Представители средних возрастных групп чаще при принятии решения о трудоустройстве

в другом населенном пункте руководствуются возможностями для приложения своих способностей, при этом не проявляют интереса к работе по специальности. Тогда как респондентами младшего и старшего возраста зачастую движет отсутствие перспектив найти работу в населенном пункте проживания.

Трудовые и зарплатные возможности становятся основными факторами, стимулирующими маятниковую трудовую миграцию, среди представителей младшей возрастной группы (по 39 %), при этом они практически не отдают предпочтения карьере и реализации своих способностей в трудовой сфере (по 6 %) (табл. 1).

Таблица 1. Причины работы в другом населенном пункте, %

Причины работы в другом населенном пункте	Возраст, лет			
	20–29	30–39	40–49	50 и старше
В моем населенном пункте вообще нет возможностей для трудоустройства	39	17	33	31
В моем населенном пункте нет работы по моей специальности, профессии	11	0	0	19
В этом городе есть больше возможностей для приложения своих способностей	6	42	33	25
В этом городе выше заработная плата за такую же работу	39	25	0	25
В этом городе больше вероятность сделать карьеру	6	17	33	0

Как отмечалось ранее, маятниковая трудовая миграция в большей степени характерна для мужчин в возрасте 20–29 лет. Рассматривая эту категорию респондентов отдельно, можно отметить в качестве основного фактора, стимулирующего поиски работы и трудоустройство за пределами населенного пункта проживания, возможность получения большего размера заработной платы (45 %). Таким образом, можно сделать вывод о приоритетности финансовых возможностей для данной категории населения над карьерными и профессиональными перспективами (рис. 4).

Как правило, для людей, принимающих решение работать и жить в разных населенных пунктах, характерно наличие супруга/супруги (53 %) и отсутствие детей (67 %). Однако семейное положение и состав семьи нельзя рассматривать как самостоятельные факторы маятниковой трудовой миграции, так как они могут быть в большей степени опосредованы возрастными особенностями респондентов.

Трудовая миграция остается маятниковой для 35 % респондентов из-за отсутствия возможностей приобретения либо аренды жилья в населенном пункте трудоустройства, что вынуждает людей возвращаться в свой город/село после окончания рабочего времени. В данном случае можно судить о наличии желания переехать в другой город и отсутствии ресурсов для его реализации.

К основному фактору, сдерживающему трудовую миграцию, можно отнести ближнее социальное окружение респондентов, которое является причиной нежелания переезда в населенный пункт трудоустройства для 22 % опрошенных.

Невозможность переезда на постоянное место жительства в населенный пункт трудоустройства в силу факторов, связанных с теми или иными ограничениями (жилищными, финансовыми проблемами), характерна для 53 % респондентов (рис. 5).

Рис. 4. Причины маятниковой трудовой миграции. Распределение ответов мужчин 20–29 лет

Рис. 5. Причины маятниковой миграции

К наиболее распространенным сферам занятости людей, трудоустраивающихся в других населенных пунктах, можно отнести промышленность, социальные, коммунальные и персональные услуги, транспорт и связь, строительство. Вероятно, предприятия перечисленных сфер в большей степени нуждаются в кадрах, что позволяет трудоустраиваться населению близлежащих населенных пунктов (табл. 2).

Более половины респондентов, трудоустроенных за пределами населенного пункта проживания, занимают рабочие и представители

обслуживающих должностей, более трети опрошенных работают специалистами в тех или иных областях.

Уровень занимаемой должности во многом связан с квалификационным уровнем респондентов. Если рабочие имеют, как правило, начальное и среднее профессиональное образование, то для специалистов чаще свойственен средний и высший профессиональный уровень подготовки (рис. 6).

Таблица 2. Основные сферы занятости при маятниковой миграции

Сферы деятельности предприятий	Доля респондентов
Обрабатывающее производство (промышленные предприятия)	14,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	14,5
Транспорт и связь	12,7
Строительство	10,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	9,1
Добыча полезных ископаемых	5,5
Производство и распределение энергии, газа и воды	5,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.	5,5
Образование	5,5
Здравоохранение, предоставление социальных услуг	5,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,6
Гостиницы и рестораны	3,6
Финансовая деятельность	1,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,8

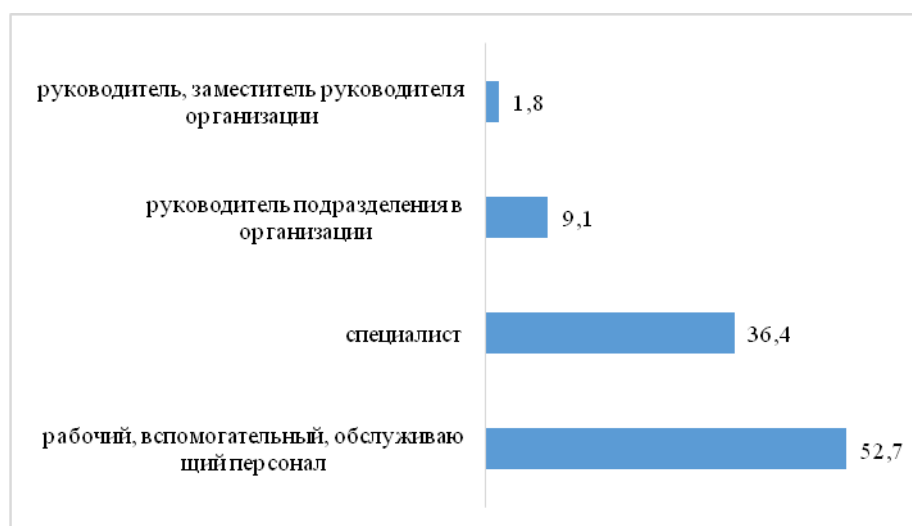

Рис. 6. Уровень занимаемых должностей маятниковыми мигрантами

Обычно людям, ищущим работу за пределами населенного пункта проживания, удается трудоустроиться на малых предприятиях (до 100 сотрудников) и в организациях среднего размера (от 101 до 500 сотрудников); реже — в крупных компаниях. Можно предположить, что занятость респондентов в различных типах организаций не столько связана со спецификой трудовой маятниковой миграции, сколько опосредована особенностями рынка труда тех населенных пунктов, где трудоустраиваются опрошенные (рис. 7).

Размер заработной платы людей, выбравших место трудоустройства за пределами населен-

ного пункта постоянного проживания, варьируется от 7000 до 80 000 рублей. Средний заработок по выборке составляет 37 263 рубля.

Более половины опрошенных, место жительства и трудоустройства которых находится в разных населенных пунктах, это горожане. При этом речь, как правило, идет о малых городах (Пыть-Ях, Нефтеюганск, Лабытнанги, Ревда, Лысьва, Ишим, Ялуторовск, Шадринск и т.д.). В некоторых случаях находят работу в других населенных пунктах и жители областных центров (Оренбург, Брянск, Тюмень, Пермь) (рис. 8).

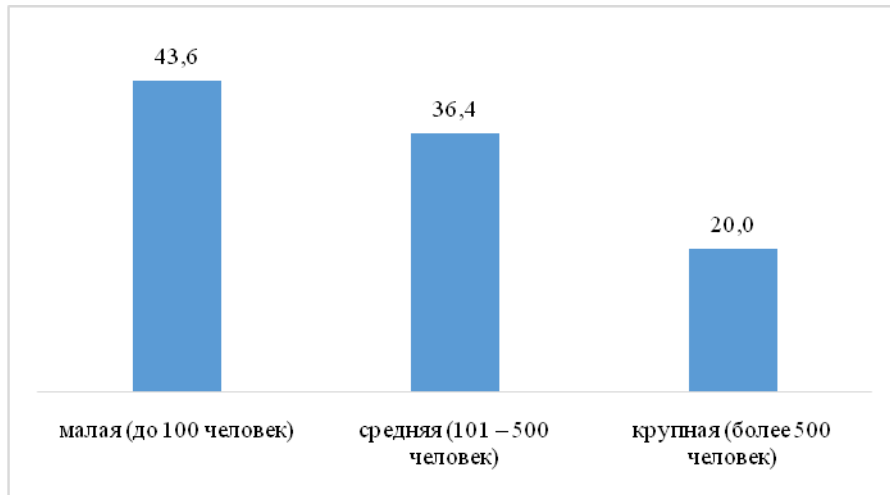

Рис. 7. Размер предприятия, а которых работают маятниковые мигранты

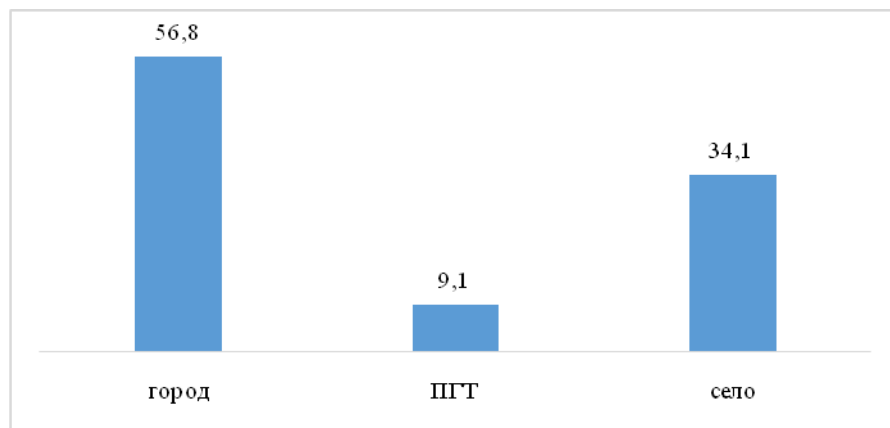

Рис. 8. Тип населенного пункта, в котором проживают маятниковые мигранты

Движение населения Уральского федерального округа в рамках маятниковой трудовой миграции имеет следующие особенности:

- жители населенных пунктов ЯНАО, ХМАО и Челябинской области «передвигаются» с целью трудоустройства только в рамках своих регионов;
- жители Тюмени уезжают на работу в Салехард;
- жители других населенных пунктов Тюменской области, как правило, трудоустраиваются в Тюмени, реже — в Ханты-Мансийске;
- жители населенных пунктов Свердловской области в основном находят работу в Екатеринбурге, в единичных случаях — в Ханты-Мансийске;
- жители населенных пунктов Курганской области трудоустраиваются в Кургане и

Екатеринбурге, а жители Кургана — в Тюмени;

- сотрудники предприятий, прибывающие из населенных пунктов других федеральных округов, в равной степени отдают предпочтение трудоустройству в Екатеринбурге, Салехарде и Ханты-Мансийске; несколько реже выбирают для работы Тюмень и Челябинск и никогда не находят вакансий в Кургане.

Проведенное пилотажное исследование показало необходимость более детального и широкого изучения региональных особенностей маятниковой трудовой миграции, что позволило бы в дальнейшем структурировать данное явление, повысить эффективность учета движения маятников мигрантов, а также повысить эффективность управления данными процессами.

Список литературы

Афонин М.В. Маятниковая миграция как фактор субурбанизации // Вестник социально-политических наук. 2012. № 11. С. 14–19.

Бобылев В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы) // Власть. 2009. № 6. С. 61–64.

Бояркин Г.Н. Трудовая миграция и ее роль в трансформации рынка труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 52 с.

Волосенкова Е., Кабаченко П., Тарасова Е. Миграционная политика. Управление миграционными процессами // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007. С. 213–236.

Гильтман М.А. Влияние заработной платы на занятость в районах Крайнего Севера России // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 60–80.

Зайончковская Ж.А., Карачурина Л. Б., Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция населения // Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 296–357.

Заславский И.Е. Современные проблемы регулирования рынка труда: федеральный и региональный аспекты. М.: Парнас-пресс, 2000. 116 с.

Кованова Е.С. Статистическое исследование влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 23 с.

Мальцева Е.С. Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 40–3. С. 41–44.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 71–82.

Менжерес А.В. Мобильность рабочей силы в системе отношений рынка труда: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2005. 169 с.

Мкртчян Н.В. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Мир России: социология, этнология. 2003. Т. 12, № 2. С. 151–164.

Регент Т. Государственное регулирование миграционных процессов в Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. 1999. № 1. С. 88–93.

Уляева А.Г., Мигранова Л.И. Исследование процессов маятниковой трудовой миграции в го-

родской агломерации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. № 5(66). С. 179–193.

Шутова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: дис. ... д-ра экон. наук. Дубна, 2010. 330 с.

Получено 11.06.2018

References

Afonin, M.V. (2012). *Mayatnikovaya migratsiya kak faktor suburbanizatsii* [Commuting as a factor of suburbanization]. *Vestnik sotsialno-politicheskikh nauk* [Journal of social and political Sciences]. No. 11, pp. 14–19.

Bobylev, V. (2009). *Migratsionnaya politika (sushchnost, strukturnoye stroyeniye, osnovnyye tipy)* [Migration policy (essence, structural structure, main types)]. *Vlast* [Power]. No. 6, pp. 61–64.

Boyarkin, G.N. (2005). *Trudovaya migratsiya i ee rol v transformatsii rynka truda: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Labor migration and its role in transformation of the labor market: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 52 p.

Giltman, M.A. (2016). *Vliyanie zarabotnoy platy na zanyatost v rayonakh Kraynego Severa Rossii* [Wages' Impact on Employment in the Extreme North of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 1, pp. 60–80.

Kovanova, E.S. (2005). *Statisticheskoe issledovanie vliyaniya vnutrenney trudovoy migratsii naseleniya na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Statistical research of influence of internal labour migration on the socio-economic development of the regions of the Russian Federation: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 23 p.

Makhrova, A.G., Kirillov, P.L. and Bochkarev, A.N. (2016). *Mayatnikovye trudovye migratsii naseleniya v Moskovskoy aglomeratsii: opyt otsenok potokov s ispolzovaniem dannykh sotovykh operatorov* [Labour commuting in Moscow metropolitan area: evaluation of flows using data from mobile network operators]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research]. No. 3(53), pp. 71–82.

Maltseva, E.S. (2012). *Regionalniy rynek truda i problema mayatnikovoy trudovoy migratsii* [Regional labor market and the problem of labor migration]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin]. No. 40–3, pp. 41–44.

Menzheres, A.V. (2005). *Mobilnost rabochey sily v sisteme otnosheniy rynka truda: dis. ... kand. ekon.*

nauk [Labour mobility in the system of labour market relations: dissertation]. Saratov, 169 p.

Mkrtychyan, N.V. (2003). *Iz Rossii v Rossiyu: otкуда i kuda edut vnutrennie migranty* [From Russia to Russia: where and where internal migrants go]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya* [Universe of Russia: Sociology, ethnology]. Vol. 12, no. 2, pp. 151–164.

Regent, T. (1999). *Gosudarstvennoe regulirovanie migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii* [State regulation of migration processes in the Russian Federation]. *Promlemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. No. 1, pp. 88–93.

Shitova, Yu.Yu. (2010). *Mayatnikovaya trudovaya migratsiya i sotsialno-ekonomicheskaya situatsiya v regionakh: dis... d-ra ekon. nauk* [Commuting and social and economic situation in region: dissertation]. Dubna, 330 p.

Ulyayeva, A.G. and Migranova, L.I. (2017). *Issledovanie protsessov mayatnikovoi trudovoi migratsii v gorodskoi aglomeratsii* [Study of commuting labor migration in urban agglomerations]. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law]. No. 5(66), pp. 179–193.

Volosenkova, E., Kabachenko, P., Tarasova, E. (2007). *Migratsionnaya politika. Upravlenie migratsionnymi protsessami* [Migration policy. The management of migration processes]. *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov / pod red. Zh. Zayonchkovskoy, I. Molodikovoy, V. Mukomelya* [Methodology and methods of studying migration processes, ed. by Zh. Zayonchkovskaya, I. Molodikova and V. Mukomelya]. Moscow, pp. 213–236.

Zaslavskiy, I.E. (2000). *Sovremennye problemy regulirovaniya rynka truda: federalniy i regionalniy aspekty* [Modern problems of labor market regulation: Federal and regional aspects]. Moscow: Parnaspress Publ., 116 p.

Zayonchkovskaya, Zh.A. et al. (2015). *Migratsiya naseleniya* [Population migration]. *Naselenie Rossii 2013: dvadtsat perviy ezhegodniy demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2013: twenty-first annual demographic report, ed. by I.V. Zakharov]. Moscow: NRU HSE Publ., pp. 296–357.

Received 11.06.2018

Об авторах

Захарченко Анна Александровна

начальник отдела социологических исследований

Научно-технического центра «Перспектива»,
625000, Тюмень, ул. Миусская, 8/6;

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6584-7008>

Пить Виктор Викторович

кандидат экономических наук, директор

Научно-технического центра «Перспектива»,
625000, Тюмень, ул. Миусская, 8/6;

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0639-0447>

About the authors

Anna A. Zakharchenko

Head of the Department of Sociological Research

Scientific-Technical Center «Perspective»,
8/6, Miusskaya str., Tyumen, 625000, Russia;

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6584-7008>

Victor V. Pit

Ph.D. in Economics, Director

Scientific-Technical Center «Perspective»,
8/6, Miusskaya str., Tyumen, 625000, Russia;

e-mail: cfi-soc@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0639-0447>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Захарченко А.А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 594–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603

For citation:

Zakharchenko A.A., Pit V.V. Regional features of commuting labor migration in the Ural Federal District (on example of the pilot research) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 594–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603

УДК 316.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-604-612

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО*

Лузянина Екатерина Гершевна, Бородкина Ольга Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет

Международная миграция является сложным социально-экономическим процессом, влияющим на все сферы жизни общества. Россия относится к группе стран, лидирующих по числу приема международных мигрантов. Большинство трудовых мигрантов прибывают в Россию из стран СНГ; в той или иной степени каждому из них приходится сталкиваться с проблемами включения в принимающее общество. В данной статье процесс интеграции международных мигрантов рассматривается, прежде всего, сквозь призму получения и изменения их правового статуса. Анализ нормативных правовых актов, а также результаты экспертных интервью, проведенных с руководителями и специалистами негосударственных организаций, работающих с мигрантами, позволили выявить основные барьеры включения мигрантов в принимающее общество, а также необходимые условия успешной интеграции трудовых мигрантов. По мнению экспертов, многие международные мигранты вынужденно оказываются вне правового поля; одной из причин является неразвитая инфраструктура социальных институтов, оказывающих мигрантам услуги на всех этапах их интеграции, начиная с получения документов, необходимых для пребывания в России. Но и легально работающие мигранты регулярно сталкиваются с грубыми нарушениями своих трудовых прав (отсутствие трудового договора, нарушения в выплате заработной платы, эксплуатация), что также препятствует их включению в принимающее общество. Российская миграционная политика ориентирована на интеграцию и адаптацию международных мигрантов, но этот процесс может быть эффективным только при условии взаимодействия государственных структур, органов местного самоуправления, работодателей, представителей диаспор, некоммерческих организаций.

Ключевые слова: международная миграция, трудовой мигрант, интеграция, адаптация, правовой статус, сообщество.

SOCIAL RISKS OF INCLUDING INTERNATIONAL LABOUR MIGRANTS IN THE HOST COMMUNITY

Ekaterina G. Luzyanina, Olga I. Borodkina

Saint Petersburg State University

International migration is a complex socio-economic process that affects all areas of the society. Russia belongs to the group of world leaders in the number of international immigrants. Most of the labor migrants arrive in Russia from the CIS countries; and in varying degrees, each of them has to face problems of inclusion in the host society. In this article, the process of integration of international immigrants is discussed primarily from the perspective of obtaining and changing their legal status. The analysis of regulatory legal acts, as well as the results of expert interviews conducted with managers and specialists of non-governmental organizations working with migrants, revealed the main barriers for the inclusion of migrants in the host community, as well as the necessary conditions for the successful integration of migrant workers. According to experts, many international migrants are forced to be outside the legal field;

* Исследование проведено в рамках реализации проекта РНФ «Социальные риски молодежной международной миграции в современной России» (проект № 16-18-10092).

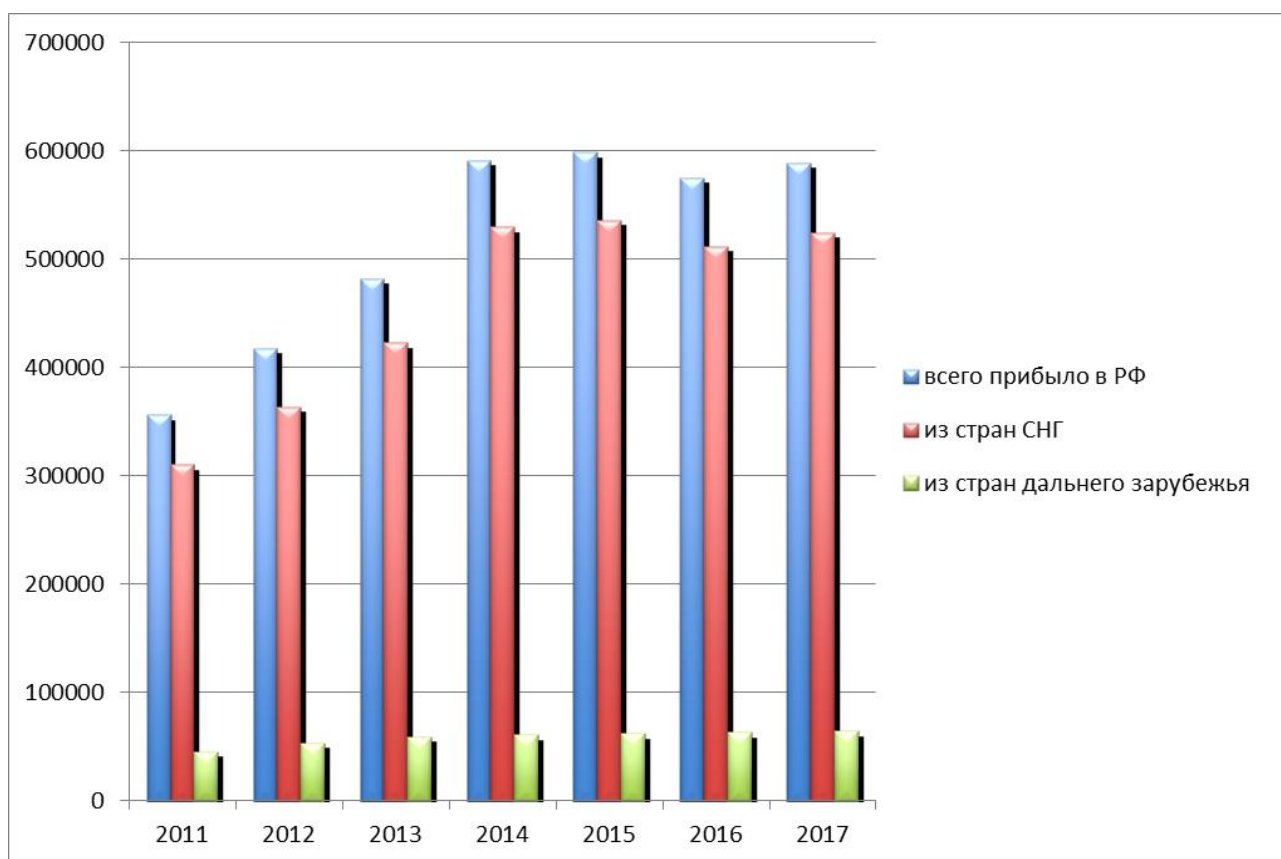
one of the reasons is the underdeveloped infrastructure of social institutions that provide services for migrants at all stages of their integration, starting with obtaining the documents necessary for staying in Russia. Moreover, even legal migrants regularly face violations of their labor rights (the absence of an employment contract, pay discrimination, exploitation), which also make difficulties to their inclusion in the host society. The Russian migration policy is focused on the integration and adaptation of international migrants, but this process can be effective only when based on interaction of state structures, local governments, employers, representatives of diasporas, and non-profit organizations.

Keywords: international migration, labor migrant, integration, adaptation, legal status, community.

Введение

Международная трудовая миграция в той или иной степени оказывает значительное влияние на все сферы общества: экономическую, политическую, социальную и культурную. Россия как участник мирового сообщества вовлечена в глобальные миграционные процессы и становится одной из стран-лидеров по приему ми-

грантов. По данным на 26.10.2018 в 2017 г. в Россию прибыло 589 033 мигранта, при этом заметим, что речь идет только о мигрантах, зарегистрировавшихся по месту пребывания на срок 9 месяцев и более [Демография, 2018]. Динамика международной миграции в Российской Федерации за 2011–2017 гг. представлена на рисунке.

Количество прибывших в РФ мигрантов в 2011–2017 гг. (по данным Росстата)

Как видно из диаграммы с 2011 по 2014 г. наблюдался значительный рост международной иммиграции, а в последующие годы численность долгосрочных мигрантов изменяется в незначительной степени, что объясняется ухудшением экономической ситуации в России, ростом

курса основных валют по отношению к рублю и ужесточением миграционного законодательства, при этом основную часть мигрантов составляют граждане СНГ.

Одним из основных программных документов, на которых базируется современная мигра-

ционная политика Российской Федерации, является «Концепции государственной политики в отношении мигрантов РФ до 2025 года», которая в качестве одной из приоритетных задач государства в сфере миграции выделяет интеграцию и адаптацию международных мигрантов [Концепция государственной..., 2018].

Теоретические основы исследования

Понятие интеграции мигрантов как процесса их «включения» в принимающее сообщество является относительно новым: оно стало предметом обсуждения и государственной политики европейских стран только в последней трети XX в. «Активизация инклюзивных процессов зависит от общества, тех возможностей, которые оно предоставляет, проводимой государством социальной политики» [Бородкина О.И. и др., 2013, с. 109]. На сегодняшний день особую остроту имеет вопрос, связанный с моделями инклюзии/интеграции международных трудовых мигрантов [Ионцев В., Ивахнюк И., 2013; Мукомель В.И., 2013]. Распространенное в общественной дискуссии выражение «интеграция мигрантов» подразумевает различные подходы, среди которых можно выделить три основных.

Во-первых, интеграция как ассимиляция, что предполагает полное усвоение мигрантами норм и доминирующих моделей поведения принимающей страны, вследствие чего мигранты, по существу, отказываются от идентификации себя как отличных от местного населения, стараясь максимально соответствовать принимающему обществу.

Во-вторых, под интеграцией понимается адаптация мигрантов во всех сферах жизни общества страны прибытия, и в данном случае проявление культурной принадлежности мигрантов также минимизируется.

В-третьих, интеграция мигрантов может являться их структурной адаптацией к новой среде, т.е. их включенность в жизнь принимающего сообщества, при котором мигранты обладают значительным сходством с большинством местного населения по социально-экономическим показателям. Культурные показатели при данных обстоятельствах не учитываются, за исключением одного — овладения языковыми навыками [Малахов В., 2015, с. 32–33].

Адаптация, интеграция и ассимиляция довольно часто рассматриваются как различные этапы включения мигранта. Сам процесс вклю-

чения мигрантов в социум является сложным социальным феноменом, на который оказывают влияние множество факторов, в том числе и географическое расположение индивида, социальная политика государства и развитость социальной инфраструктуры и, конечно, экономическая ситуация в принимающем обществе. В условиях нестабильной экономики международные мигранты оказываются в уязвимом положении. Права трудовых мигранты существенно нарушаются, из-за чего они часто оказываются не по своей воле в статусе «нелегалов», получают меньшую оплату за труд, выполняя идентичную работу с гражданами страны. Можно сказать, что это в России скорее обычная практика, нежели исключение [Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И., 2015].

Одна из ключевых составляющих процесса интеграции и адаптации — деятельность социальных групп, институтов и индивидов, направленная на координацию усилий по установлению взаимоотношения между мигрантом и социумом. Для успешной интеграции международных мигрантов в принимающее сообщество необходимо толерантное отношения со стороны местного населения, а также продвижение ценностей принимающего общества среди прибывающих в него новых членов [Дмитриев А.В., Пядухов Г.А., 2011].

Международная организация по вопросам миграции определяет ответственными за интеграцию несколько сторон: самих иммигрантов, правительство, организации и население принимающей страны [Справочник по терминологии..., 2011, с. 48]. При этом на практике достаточно часто процесс интеграции мигрантов рассматривается как результат усилий специально занятых этим институтами, в связи с чем мигранты становятся объектом управления; и лишь немногие видят в них субъектов социального взаимодействия [Романенко В.В., Бородкина О.И., 2018, с. 110]. На наш взгляд, интеграцию международных трудовых мигрантов следует понимать как двусторонний процесс (мигранты и принимающее общество), имеющий определенные стадии, в котором задействованы различные акторы как со стороны мигрантов, так и со стороны принимающего общества; и соответственно ответственность за успешную или неуспешную интеграцию должны нести обе стороны.

Выше было отмечено, что процессы интеграции и адаптации трудовых мигрантов тесно свя-

заны. Несмотря на это, не во всех случаях степень адаптации отражает уровень трудовой интеграции, так же как и интеграция не всегда означает то, что мигрант приспособлен к принимающей среде. Наиболее успешной практикой работы по включению мигрантов в принимающее сообщество мы считаем локальную модель интеграции, так как в ее основе лежит приспособление сотрудничающих сторон друг к другу на основании соблюдения культурных прав обеих сторон. Понятие «локальная модель» можно считать аналогом работы по прогнозированию ситуации на местном уровне, реальный анализ которой дает возможность обнаружить наличие либо отсутствие реализации мер, направленных на интеграцию международных трудовых мигрантов в социум. Социальными субъектами, работа которых необходима для успешной интеграции, становятся органы местного самоуправления, работодатели, представители диаспор, различные коммерческие и некоммерческие организации, при этом все их действия могут как позитивно, так и негативно влиять на интеграцию трудовых мигрантов. Основываясь на данном положении, мы провели исследование среди специалистов, работающих с международными трудовыми мигрантами на местном уровне.

Методы исследования

Помимо анализа статистических данных и нормативно-правовых актов авторами были проведены экспертные интервью с руководителями негосударственных организаций, занимающихся проблемами интеграции мигрантов в Уральском и Пермском регионах. Среди экспертов были председатель Ассоциации национально-культурных объединений Свердловской области «Дом народов Урала», председатель и заместитель председателя некоммерческой организации «Уральский дом», руководитель Центра социально-культурной адаптации трудовых мигрантов АНО «Миграция» г. Перми. Выбор данных регионов был обусловлен эффективной практикой работы с мигрантами в Екатеринбурге и Перми [Бородкина О.И. и др., 2018].

Результаты исследования

Исследование показало, что трудовые мигранты часто не рассматривают различные имеющиеся варианты проявления собственной идентичности и получения гражданства Российской Феде-

рации. Для мигрантов особую роль играет возможность изменения правового статуса; получение разрешения на временное проживание или вида на жительство в России рассматриваются как возможность получить в будущем гражданство Российской Федерации и успешно интегрироваться в принимающее сообщество.

Формальные нормы, прописанные в нашем законодательстве, предоставляют равные права для интеграции в российское общество, но зачастую на практике мы наблюдаем иное: группы мигрантов имеют неравные возможности. Неравные возможности изначально определены различными сроками пребывания мигрантов в стране, соответственно разной степенью возможной адаптации (очевидно, что краткосрочные мигранты имеют меньше возможностей для адаптации, чем долгосрочные/постоянные, т.е. пребывающие на срок свыше 1 года). Помимо этого значение имеют и такие человеческие ресурсы, как наличие или отсутствие родственников, поддержка со стороны диаспоры, другие формы человеческого капитала [Шурупова А.С., 2006].

Стоит отметить, что процесс интеграции мигрантов состоит из нескольких этапов, каждый из которых включает определенный набор формальных и неформальных статусов, что в итоге образует единую цепочку взаимосвязанных действий мигранта, которые в значительной степени детерминируются его правовым статусом. Этапы можно расположить в следующей последовательности:

1. Краткосрочное пребывание.
2. Долгосрочное пребывание.
3. Получение разрешения на временное проживание.
4. Получение вида на жительство в России.
5. Приобретение гражданства Российской Федерации.

Выделение этих этапов условно, так как на практике часто возникают обстоятельства, при которых мигранты могут пропускать некоторые этапы, используя формальные и неофициальные механизмы взаимодействия с институтами, принимающими решение о их нахождении на территории России. Если бы данных каналов не существовало, то процесс приобретения гражданства занимал у каждого трудового мигранта в среднем 8 лет.

Сложившаяся в миграционной сфере практика позволяет утверждать, что разные категории

мигрантов имеют различные шансы на легализацию своего статуса пребывания. Этот вывод подтверждают слова эксперта: *«Вы должны понимать, что там картина рисуется необъективная, и если только продолжать действовать на основе тех взглядов, то Россия останется вообще без мигрантов. Потому что за все там надо платить, мигрант, приезжая, первым делом сталкивается с полицией, он уже напуган, ему надо находить деньги. Есть банки, которые дают ему в долг, микрозаймы. Под залог ставят свое имущество в Таджикистане и Узбекистане. Россия нуждается в рабочей силе, квалифицированной и не очень. У нас двойные стандарты. Например, для русского человека, который родился в Казахстане, за 5 тысяч обязательна сдача экзамена, но, с другой стороны, у нас есть Депардье, масса других людей, которые русский язык не знают и автоматом получают гражданство. Это несправедливо. Мы делим людей на сорта. Средняя Азия — второй сорт. Граждане Украины обладают льготами больше, чем русские, например, украинцы могут 6 месяцев не регистрироваться, а россиянин, если из Екатеринбурга в Москву поехал, то должен регистрироваться».*

В соответствии с законодательством Российской Федерации на сегодняшний день решение всех вопросов, связанных с оформлением документов международных трудовых мигрантов, и контроль за данной деятельностью отнесены к ведению Министерства внутренних дел РФ, а также к уполномоченным ими территориальным органам. В результате складывается ситуация, при которой правоохранительные органы обладают правовым рычагом создания условий для успешной интеграции в местное сообщество. Но в то же время эксперты отмечают несовершенство сложившейся ситуации, наличие проблем при оформлении мигрантами документов для пребывания на территории России. В частности, отмечено следующее: *«Мы выяснили в результате нашей деятельности, что самая массовая и системная ошибка, которую допускают наши власти, — это определение статуса; ну вот, если провести параллель, если ты приходишь к врачу, то он, как правило, дает какой-то определенный набор анализов, потом ставит тебе диагноз, мы-то считали, что и в этой сфере нужна такая вещь, потому что люди, которые обращаются в миграционную службу, как правило, либо имеют право на гражданство Рос-*

сии, либо имеют право на получение какого-то статуса». Иными словами, правовой механизм интеграции не работает должным образом.

Следует понимать при этом, что получение мигрантом определенного правового статуса, в итоге гражданства Российской Федерации не гарантирует его интеграцию в российское общество, а скорее является лишь первым необходимым шагом в данном процессе.

Важнейшим стимулом для получения российского гражданства становится получение первого правового статуса, дающего более широкий круг прав, а именно разрешение на временное проживание. Срок действия разрешения — три года, продление его законом не предусмотрено. Квотирование по вопросу выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание ежегодно устанавливается постановлением Правительства Российской Федерации с учетом специфики миграционной ситуации в каждом субъекте.

В рамках данного исследования мы узнали, что среди определенных категорий международных трудовых мигрантов есть очереди на получение данного статуса, несмотря на то, что процедура согласно официальным данным МВД РФ уже отлажена. Однако данные свидетельствуют о том, что в Москве и регионах действует незаконный теневой рынок услуг в данной сфере, на котором работает огромное количество посредников, имеющих лишь коммерческий интерес, торгующих своеобразным «правом на российскую гражданскую идентичность». Данная услуга направлена на содействие в получении определенного статуса, а впоследствии в приобретении гражданства РФ в сжатые сроки. Таким образом, не государство определяет необходимые для его экономики и демографической ситуации ресурсы среди пребывающих мигрантов, а теневой рынок миграционных услуг делает это за него.

Российские исследователи А.В. Дмитриев и Г.А. Пядухов справедливо утверждают, что «без детального знания ситуации невозможно обеспечить качественный отбор из среды мигрантов будущих законопослушных граждан страны. В противном случае, общество будет вновь и вновь сталкиваться с новым пополнением сограждан, которые не только не захотят “интегрироваться”, но и сами будут навязывать населению свои правила» [Дмитриев А.В., Пяду-

хов Г.А., 2013, с. 54]. Многие эксперты из числа ученых, общественных деятелей обращают внимание на рост антимигрантских настроений среди населения, на возрастание межэтнической напряженности в связи с миграционными процессами [Неединая Россия..., 2015; Дробижева Л.М., 2013; Международная миграция в Санкт-Петербурге..., 2017].

Для преодоления проблем, связанных с интеграцией международных мигрантов, необходимо принятие ряда мер по регулированию потоков международной миграции в России, которые должны быть направлены на решение следующих задач:

- стимулирование притока мигрантов из нового зарубежья и поддержка их в правовой сфере;
- регулирование миграционных потоков из ближнего зарубежья посредством квотирования, миграционного контроля, выдворения из страны в случае необходимости;
- создание правовых и экономических условий интеграции международных трудовых мигрантов в российское общество;
- поддержка формирования диаспор на местном уровне для организации взаимодействия между мигрантами, принимающим сообществом и органами власти.

В этой связи особое значение приобретают вопросы организации данного процесса. Один из опрошенных экспертов отметил: *«Очень плохо, что функции и контроля, и разрешения, и выдворения отданы одному ведомству. Были раньше тюрьмы ГУФСИН, МВД, задерживали и охраняли, сейчас часть функций забрали, потому что раньше если к ним попал, то все, что угодно, с тобой могли делать. Сейчас мигрантов привозят в спецприемник, там уже не МВД, а ГУФСИН. Они осматривают мигранта, чтобы его не били, только потом принимают. Охраняет другое ведомство. Человек пришел, с первых дней все документы через них, прописка через них и выдворяют они, но ФМС тоже не справилось, потому что у них были разрешительные задачи, а контролирующими органами были всякие инспекции, правоохранители, задерживали мигранта, привозили, а у ФМС нет приемника и возможности его содержать. Это упростилось, но коррупционная составляющая повысилась»*. Именно поэтому данную систему также необходимо реформировать.

В заключение необходимо еще раз отметить, что одно из наиболее важных условий успешной интеграции международных трудовых мигрантов — легализация, т.е. приобретение мигрантом всех предусмотренных законом разрешительных документов и обязательная постановка на миграционный учет, что дает ему возможность получить соответствующие права и возможности для вхождения в социум. В данном случае возникают значительные барьеры у большинства прибывающих международных трудовых мигрантов уже на первом этапе. Значительные масштабы нелегальной иммиграции в Российской Федерации связаны не только с благоприятными условиями безвизового въезда (во многих случаях по «внутренним» национальным паспортам) и слабым иммиграционным контролем в России, но и с неразвитостью социальной инфраструктуры, способствующей интеграции трудовых мигрантов. В это связи одной из актуальных задач в сфере трудовой миграции является создание системы государственных и негосударственных институтов, обеспечивающих легитимность, информированность и безопасность мигрантов на разных этапах миграции. Именно такие сервисные институты помогут международным трудовым мигрантам войти в легальный, а не теневой рынок труда и тем самым создать условия для успешного включения трудовых мигрантов в российское общество.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, представляется, что для успешной интеграции мигрантов в нашей стране необходимо создание следующих условий:

1. *Оздоровление сферы трудовых отношений*. Необходимо не просто выведение значительной части рынка труда из серой зоны, но и приведение условий и оплаты труда международных мигрантов в соответствие с международным и российским законодательством. Существующая в отдельных сферах практика сверхэксплуатации мигрантов является барьером для полноценной интеграции мигрантов.

2. *Поддержка системы правовой защиты*. Трудящиеся мигранты в большей степени, чем граждане Российской Федерации, подвержены риску отказа в заключении трудового договора, в постановке на миграционный учет и т.д., в связи с чем необходимо обеспечить данной группе

населения право доступа к правосудию наравне с гражданами принимающего общества.

3. *Доступ к гражданству* в строгом соответствии с законом. В настоящее время проживающие на территории России иностранные работники, которые имеют желание стать гражданами нашей страны, обязаны пройти «натурализационный коридор», что является крайне долгой и непрозрачной процедурой, вследствие чего многим так и не удается достигнуть желаемого. Именно поэтому необходимо сделать данную процедуру для законопослушных работающих мигрантов максимально прозрачной.

4. *Социальная поддержка семей мигрантам с детьми*. Семьи мигрантов с детьми должны быть выделены в качестве особой целевой группы системы социальной помощи, чтобы более оперативно решать возникающие социальные вопросы.

5. *Обучение русскому языку*. На сегодняшний день многие международные трудовые мигранты не имеют возможности в необходимом объеме овладеть русским языком в стране исхода, поэтому следует организовать доступные языковые курсы в стране прибытия. В данный момент действует довольно противоречивая практика: мигранты обязаны владеть русским языком, если намерены получить работу в России, но возможностей для изучения русского языка (в том числе и финансовых) многие из них не имеют ни у себя на родине, ни в России.

6. *Модернизация школьного образования*. Существует необходимость введения дополнительных внеклассных занятий по изучению русского языка для детей мигрантов, а также разработки специального методического сопровождения таких занятий.

7. *Формирование толерантного климата* в принимающем сообществе, в том числе посредством информационной политики с привлечением традиционных и электронных СМИ, направленной на информирование населения об этнокультурном разнообразии нашей страны, об экономических эффектах трудовой миграции.

Итак, интеграция мигрантов в ближайшей перспективе должна происходить в рамках реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, которая предусматривает разработку и принятие необходимых федеральных нормативных правовых актов; создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-

частного партнерства; инфраструктуры для интеграции и адаптации мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения русского языка, истории и культуры Российской Федерации, центры содействия иммиграции в Россию, в том числе за рубежом.

Список литературы

Бородкина О.И., Лузянина Е.Г., Внутских А.Ю. Международная трудовая миграция в Пермском крае: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 474–483. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-474-483.

Бородкина О.И., Самойлова В.А., Каллунки В. Проблемы социального исключения/включения молодежи (на материале социологического исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 100–110.

Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.10.2018).

Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49–56.

Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–60.

Дробизева Л.М. Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник Российской нации. 2017. № 4(56). С. 107–127.

Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-исследовательский отчет КАРИМ-Восток RR 2013/12. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-12.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.09.2018).

«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Президентом РФ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/ (дата обращения: 15.09.2018).

Малахов В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 267 с.

Международная миграция в Санкт-Петербурге: миграционная политика и общественное мнение: коллективная монография / под ред. О.И. Бородкиной, Н.В. Соколова, А.В. Тавровского. СПб.: Скифия-принт, 2017. 330 с.

Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 34 с.

Неединая Россия. Доклады по этнополитике / под ред. М.В. Ремизова. М.: Книжный мир, 2015. 480 с.

Романенко В.В., Бородкина О.И. Социальная напряженность и социальные риски в контексте международной трудовой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 109–124. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124.

Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Иностранцы трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике // Экономическая политика. 2015. № 4. С. 21–29.

Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский) / под ред. О. Поздоровкиной. М.: Международная организация по миграции, 2011. 166 с.

Шурупова А.С. Адаптация и приживаемость мигрантов // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 87–90.

Получено 17.10.2018

References

Borodkina, O.I., Luzyanina, E.G. and Vnutschikh, A.Yu. (2018). *Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v Permskom krae: problemy i perspektivy* [International labor migration in the Perm region: problems and perspectives]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 3, pp. 474–483. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-474-483.

Borodkina, O.I., Samojlova, V.A. and Kallunki, V. (2013). *Problemy socialnogo isklyucheniya/vklyucheniya molodezhi (na materiale sotsiologicheskogo issledovaniya v Sankt-Peterburge i Leningradskoy oblasti)* [Problems of social exclusion/inclusion of youth (by the material of sociological research in St. Petersburg and Leningrad region)]. *Zhurnal sotsiologii i socialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 16, no. 1, pp. 100–110.

Borodkina, O.I., Sokolov, N.V. and Tavrovskiy, A.V. (ed.). (2017). *Mezhdunarodnaya migratsiya v Sankt-Peterburge: migratsionnaya politika i obshchestvennoe mnenie*. [The International Migration in Saint Petersburg: Migration Policy and Public Opinion]. St. Petersburg: Skifiya-Print Publ., 330 p.

Dmitriev, A.V. and Pyadukhov, G.A. (2013). *Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokalnye modeli, kontekst identichnosti (metodologiya i metody issledovaniya)* [Integration of migrant workers in the megalopolis: local models, identity context (methodology and research methods)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 49–56.

Dmitriev, A.V. and Pyadukhov, G.A. (2011). *Migranty i sotsium: integratsionniy i dezintegratsionniy potentsial praktik vzaimodeystviya* [Migrants and society: integration and disintegration potential of interaction practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12, pp. 50–60.

Drobizheva, L.M. (2017). *Mezhnatsionalnye (mezhetnicheskie) otnosheniya v Rossii v zerkale monitoringovykh oprosov FADN i regionalnykh issledovaniy* [Interethnic (interethnic) relations in Russia in the mirror of monitoring surveys of the FADN and regional studies]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian nation]. No. 4(56), pp. 107–127.

Demografiya [Demography]. Federal State Statistics Service. Available at: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 20.10.2018).

Iontsev, V. and Ivakhnyuk, I. *Modeli integratsii migrantov v sovremennoy Rossii. Nauchno-issledovatel'skiy otchet KARIM-Vostok RR 2013/12* [Models of integration of migrants in modern Russia. Research Report CARIM- East RR 2013/12]. Available at: URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-12.pdf?sequence=1 (accessed 15.09. 2018).

«Kontseptsiya gosudarstvennoy migracionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» (utv. Prezidentom RF) [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (app. President of the Russian Federation)]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/ (accessed 15.09.2018).

Malakhov, V. (2015). *Integratsiya migrantov: Kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: Concepts and practices]. Moscow: Fond Liberalnaya Missiya Publ., 267 p.

Mukomel', V.I. (2013). *Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski* [Migrant integration policy in Russia: challenges, potential, risks]. Russian international Affairs Council (RIAC), Moscow: Spetskniga Publ., 34 p.

Pozdorovkina, O. (ed.) (2011). *Spravochnik po terminologii v oblasti migratsii (russko-angliskiy)* [Reference book on migration terminology (Russian-English)]. Moscow: International Organization for Migration Publ., 166 p.

Remizov, M. (ed.) (2015). *Needinaya Rossiya. Doklady po etnopolitike* [Non-united Russia. Reports on ethnopolitics] Moscow: Knizhniy mir Publ., 480 p.

Romanenko, V.V. and Borodkina, O.I. (2018). *Sotsialnaya napryazhennost i sotsialnye riski v kontekste mezhdunarodnoy trudovoy migratsii* [Social tension and social risks in the context of interna-

tional labor migration]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Perm University Herald Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 1, pp. 109–124. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124.

Ryazantsev, S.V. and Skorobogatova, V.I. (2013). *Inostrannye trudovye migranty na rossiyskom rynke truda i novye podkhody k migratsionnoy politike* [Foreign migrant workers at the Russian labor market and new approach to migration policy]. *Ekhnomiceskaya politika* [Economic policy]. No. 4. pp. 21–29.

Shurupova, A.S. (2006). *Adaptatsiya i prizhivaiemost migrantov* [Adaptation and survival of migrants]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6, pp. 87–90.

Received 17.10.2018

Об авторах

Лузянина Екатерина Гершевна
исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: Apelkate@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9841-1478>

Бородкина Ольга Ивановна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики,
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0936-5757>

About the authors

Ekaterina G. Luzyanina
Researcher

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: Apelkate@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9841-1478>

Olga I. Borodkina
Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory
and Practice of Social Work

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0936-5757>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лузянина Е.Г., Бородкина О.И. Социальные риски включения международных трудовых мигрантов в принимающее сообщество // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 604–612. 10.17072/2078-7898/2018-4-604-612

For citation:

Luzyanina E.G., Borodkina O.I. Social risks of including international labour migrants in the host community // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 604–612.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-604-612

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

*Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2018 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2018 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Барг Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Бергфельд Александра Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Воронова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Гасумова Светлана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Дудорова Екатерина Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Железняк Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ПГНИУ.

Журавлева Юлия Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Замараева Зинаида Петровна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социальной работ и конфликтологии ПГНИУ.

Зарипова Лина Зефаровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Имакаев Виктор Раульевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой образовательных технологий высшей школы РИНО ПГНИУ.

Колесниченко Милана Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Коптева Наталия Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Коромыслов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Левченко Елена Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Малкова Елена Вячеславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Плотникова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социологии ПГНИУ.

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, консультант отдела национальных и религиозных отношений Департамента внутренней политики Администрации Губернатора Пермского края.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Стерледев Роман Константинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и биоэтики Пермского государственного медицинского университета.

Строканов Александр Алексеевич — PhD, профессор Университета Северного Вермонта (США).

Таллибулина Марина Тимергалиевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Тютюников Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Харламова Татьяна Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Чернова Татьяна Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Щебетенко Сергей Александрович — доктор психологических наук, профессор департамента психологии НИУ-ВШЭ (Москва).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortication With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка к заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London. O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2019 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2019 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	28 марта
в № 2 — до 01 мая	27 июня
в № 3 — до 01 августа	26 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophy, 19.00.00 Psychology, 22.00.00 Sociology.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «. . .»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...''...''...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2019.

Submission deadlines in 2019

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 28
No 2 May 1	June 27
No 3 August 1	September 26
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2018
Выпуск 4

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 21.12.2018
Дата выхода в свет 26.12.2018
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,2
Тираж 500 экз. Заказ 1645/2018

Релакционная коллегия выражает благодарность
за финансовую помощь в издании научного журнала
ООО «Агентство “Медиаинформ”»,
ПАО «ROSSET»

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке